

ЯПОНИЯ

ПУТЬ КИСТИ И МЕЧА

№ 4/2004 (12)

Учредители – ООО «Будо-спорт»

и А. М. Горбылёв

(Лицензия ИД № 04346)

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06, 917-95-24

E-mail: boss@budo-sport.ru, sale@budo-sport.ru;

http://www.budo-sport.ru

Главный редактор – А. Н. Мещеряков

Заместитель редактора – А. М. Горбылёв

Компьютерная верстка – А. А. Иванов, А. В. Смирнов

Адрес редакции:

Россия, 105062, Москва, ул. Покровка, 41

Тел./факс: (095) 917-82-06

E-mail: shigetsu@budo-sport.ru (заместитель редактора)

boss@budo-sport.ru

sale@budo-sport.ru

Фото для первой страницы обложки предоставлено Российской федерацией Каратэномичи (www.karatenomichi.ru, mail@karatenomichi.ru)

Перепечатка материалов производится исключительно с согласия редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность информации публикаций, точность цифр и цитат, за содержание рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели. Публикуя материалы, редакция не всегда разделяет точку зрения их авторов. В переписку редакция вступает по своему усмотрению.

Отпечатано в типографии ОАО «Типография № 9», г. Москва

© ООО «Будо-спорт», 2004 г.

Редакция приглашает к сотрудничеству в подготовке материалов и распространении сборника заинтересованные организации и частных лиц.

Содержание

Детопись

Александр Мещеряков

Первая японская железная дорога
и переход на точное время 3

Этнография

Евгений Бакишев

«Редкие гости» из Иного мира 7

Археология

Сергей Лаптев

Бронзовые зеркала и их исследования в Японии 13

Слово

Два кормилицы 16

Харада Ясуко

Гортензия 24

Наука

Ю. С. Пестушко

Нейтралитет или война?

Борьба в правящих кругах Японии по вопросу
участия в Первой мировой войне 30

Сила

Алексей Горбылёв

О природе «знания» школ воинских
искусств 42

Алексей Горбылёв

Школа всех наград 52

Фонарь

Евгения Сахарова

При свете светлячков и снега

Японская библиотека 62

Журнал начинается с моей статьи о первой японской железной дороге. Она — дорога — произвела на японцев грандиозное впечатление. Но наш интерес не ограничивается небывалой для того времени скоростью передвижения. Важно то, что железная дорога внесла свой весомый вклад в формирование того типа японца, который известен ныне своей пунктуальностью.

Е.С. Бакшеев представил на суд читателей результаты своей полевой работы на Окинаве. Они касаются марэбито — «приходящих божеств». Вся японская этнография последнего века уделяла марэбито очень большое внимание. На том основании, что и «классические» божества синто тоже в значительной степени являются «приходящими». У нас же о марэбито до сегодняшнего дня писалось очень мало. Точно так же, как и о бронзовых зеркалах, о которых рассуждает С.В. Лаптев.

Большой статьей с архивными разысканиями порадовал нас Ю.С. Пестушко. Он подробно рассматривает те мотивы, которые привели Японию к участию в Первой мировой войне. В той войне Япония и Россия выступили в качестве союзников. К сожалению, в следующей мировой войне они оказались уже в разных лагерях.

В этом номере хорошо представлена литературная Япония. Это и первая на русском языке публикация известной писательницы Харада Ясуко (одновременно — переводческий дебют О. Макаровой), и перевод средневековой новеллы «Кормилицы».

Словом, в журнале представлены публикации на любой вкус. И это хорошо.

Плохо же то, что этот номер — последний. На мой взгляд, двенадцать номеров журнала были интересны и полезны, читатель обнаружил в них множество уникальных материалов. В то же самое время журнал оказался убыточным, а потому было принято решение прекратить его издание. Мне жаль расставаться — как с самим журналом, так и с читателями, к которым я за эти три года привык. Не знаю, как для других, но мне они дали очень много — как в творческом смысле, так и в смысле большей трезвости оценок относительно уровня отечественной японистики и читательского спроса.

Журнал прекращается, но наш интерес к Японии остается прежним. Впереди — множество встреч и открытий. Спасибо всем, кто писал в наш журнал и читал его!

Авторы «Японии»

Бакшеев Е.С. — И.О. заведующего сектором визуальной антропологии Российского института культурологии, стажер Окинавского университета искусств, автор ряда работ по истории и культуре древней Японии, этнографии Окинавы.

Горбылев А.М. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки при МГУ, главный редактор журнала «Боевые искусства Японии. Додзё». Автор многочисленных работ по истории японских боевых искусств.

Лаптев С.В. — кандидат исторических наук, стажер университета Киото, автор книги «Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э.».

Макарова О. — студентка Российского государственного гуманитарного университета.

Мещеряков А.Н. — доктор исторических наук, научный сотрудник Института восточных культур РГГУ. Автор книг: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм»,

«Древняя Япония: культура и текст», «История древней Японии» (совместно с М.В. Грачевым), «Герои, творцы и хранители японской старины», «Книга японских символов и обыкновений», «Линия жизни», «За нами — только мы», «Мещеряков@япония.гу», «Японский император и русский царь» и др.

Пестушко Ю.С. — кандидат исторических наук, преподаватель Хабаровского государственного педагогического университета, автор ряда работ по истории Японии начала XX в.

Сахарова Е.Б. — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, автор ряда работ по истории древней Японии.

Торопыгина М.В. — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Автор книг: «Каталог японских книг Санкт-Петербургского университета (фонд Арисугава)», «Хрестоматия по истории японской литературы». Переводчик: «Гэндзи-обезьяна».

Александр Мещеряков

Первая японская железная дорога и переход на точное время

Сразу после «Обновления Мэйдзи» Япония принялась лихорадочно догонять Запад. Строительство железных дорог стояло в программе модернизации едва ли не на первом месте. Страна нуждалась в том, чтобы люди и грузы перемещались быстрее. В этом отношении Япония отстала от Европы на полвека — первая линия железной дороги была открыта в Англии в 1825 г. Отставала Япония и от некоторых азиатских стран — в Индии железнодорожное сообщение было открыто в 1853 г., в Индонезии — в 1866.

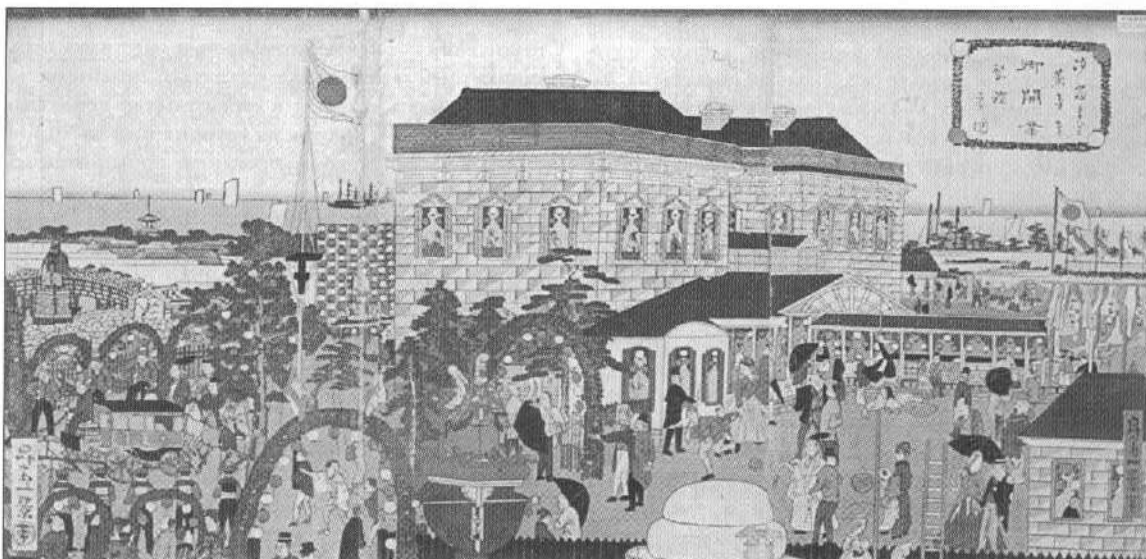
О строительстве линии между Токио и Иокогамой протяженностью в 29 километров было объявлено в марте 1870 г. Любопытство публики было настолько велико, что художники немедленно выбросили на рынок изображения поездов и паровозов, которые они срисовывали из европейских книг и журналов. Но срисовывали вполне творчески. На одной из таких гравюр видно, что окна трех пассажирских вагончиков поезда трогательно занавешены бамбуковыми шторами — точно так же, как занавешивался традиционный паланкин.

Но на самом деле в составе первого японского поезда было 8 вагонов: один вагон первого класса (расчитан на 18 человек), два вагона второго (по двадцать четыре человека в каждом) и пять — третьего (по 44 человека). Писатель В. Крестовский, побывавший в Японии в 1880 г., отмечал, что разница между пер-

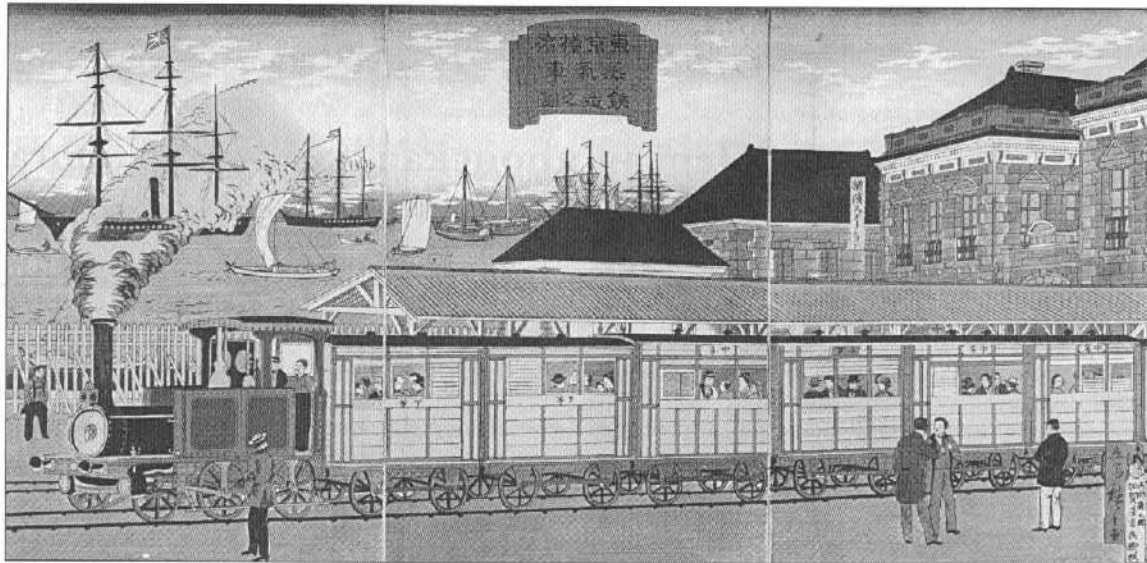
вым и вторым классом заключается исключительно в том, что в первом классе скамейки обиты красным сафьяном, а во втором — обтянуты камышовой плетенкой. «Японская публика ездит исключительно во втором, предоставляя европейцам платить вдвое за удовольствие посидеть в течение сорока минут на красном сафьяне».

Открытие железной дороги состоялось 14 октября 1872 г. Дорогу строили англичане, все оборудование импортировали из Европы. Здание вокзала Симбаси в Токио строилось по проекту американского архитектора. Раньше на этом месте находились усадьбы трех княжеств — Тацуно, Сэндай и Айдзу. Теперь железо победило дерево.

Посмотреть на отправление первого поезда собралась огромная толпа — от 60 до 100 тысяч человек. Сам император Мэйдзи приехал на ландо, специально изготовленном для него в Лондоне. В последний раз он был одет в традиционное японское платье. С этих пор он будет показываться на людях только в военной форме. Под звуки гимна, сочиненного англичанином У. Фентоном, Мэйдзи отправился в Иокогаму в вагоне первого класса в поезде, который обслуживала английская бригада (японские машинисты появились в 1878 г.). В этот же день он вернулся обратно. Его сопровождали члены правительства и иностранные послы.

Церемония открытия железной дороги на станции Симбаси (Токио)

Утагава Хиросигэ III. Паровоз на железной дороге, соединяющей Токио и Иокогаму. 1875 г.

Публика была заворожена невиданным зрелищем. Многие думали, что вагоны поезда будут размером как обычный экипаж, но на самом деле вагоны оказались огромными — не меньше стандартного дома, в котором жило большинство японцев. «Дом» — это не только метафора. Поскольку японцы привыкли снимать обувь перед порогом дома, некоторые из них разувались прямо на платформе перед тем, как войти в поезд. Велико же было их удивление, когда на конечной станции они обнаруживали на выходе, что оказались без ботинок...

Поражала и скорость — расстояние между двумя конечными станциями с тремя остановками между ними поезд преодолевал за 53 минуты. Ежедневно по однопутной линии курсировало девять пар поездов. Они почти всегда были заполнены до отказа. В особенности это касается третьего класса. И это немудрено: ведь цена билета второго класса равнялась поездке на рикше, которая требовала 8–10 часов, а билет третьего класса стоил столько же, сколько поездка на пароходе, занимавшая 3–4 часа. Билет в третьем классе стоил столько же, сколько 15 килограммов риса, но чего не сделаешь ради скорости и точности прибытия в нужное место?

В своих колониях англичане неизменно вводили левостороннее движение. И хотя Япония счастливо избежала колониальной судьбы, под влиянием Англии, самой передовой и мощной державы того времени, в Японии было тоже принято левостороннее движение.

На примере железной дороги хорошо виден экономический курс того времени. Опасаясь впасть в зависимость от Запада, правительство всеми силами противилось прямым иностранным инвестициям. Для строительства железной дороги в той же самой Англии был взят заем в 100 миллионов фунтов стерлингов. В 1869 г. первоначально планировалось строительство железной дороги между Киото и Осака.

Правительство хотело взять заем у местных купцов на очень выгодных условиях (7% и половина прибыли), но оказалось, что местный капитал смотрел на новшество с подозрением. В этом сказались косность местных предпринимателей, не желавших вкладываться в новые отрасли. Правительство же было одушевлено идеей промышленного развития страны. Его идеологи прекрасно понимали, что современная экономическая и военная мощь зиждется не столько на сельском хозяйстве, сколько на промышленности. Находясь в Англии, один из ведущих архитекторов современной Японии Окубо Тосимити писал: «Нет места, где бы мы не побывали. И куда бы мы не направлялись, нигде ничего не растет на земле, только уголь и сталь... Заводы выросли до невиданных размеров, и черный дым от самых разных производств поднимается к небу... Это служит достаточным объяснением богатства и могущества Англии». Столкнувшись с нерешительностью местных предпринимателей и недостатком капитала, правительство стало вкладывать средства в строительство передовых заводов и фабрик, многие из которых оно на крайне выгодных условиях затем продавало опомнившимся капиталистам.

Открытие железнодорожного сообщения имело огромное значение не только с точки зрения скорости передвижения. Поезда ходили по расписанию, и японцам пришлось привыкать, что значение имеют не только часы, но и минуты. В расписании поездов говорилось: «Люди, которые хотят попасть на поезд, должны прибыть на станцию по крайней мере за 15 минут перед отправлением поезда, купить билеты и совершить другие необходимые действия... Для того чтобы избежать задержки отправления, станции закрываются за 5 минут до отправления поезда».

Вопрос был в одном — как узнать, сколько сейчас времени? Японские сутки были разделены на 12 промежутков (страж) — 6 днем и 6 ночью. Поскольку

начало дня наступало с восходом солнца, то продолжительность одной ночной и дневной стражи различалась в зависимости от времени года. Различалась она и в разных географических точках. Часов в Японии почти ни у кого не было. Они были настолько дороги, что их называли «княжескими часами». Простолюдины же узнавали время по звону колоколов в буддийских храмах. При этом били они чуть-чуть в разное время: ведь начало рассвета — вещь несколько растяжимая. Понимая это, руководство железной дороги еще до открытия движения обратилось к властям с таким предложением: «Для успешного начала функционирования железной дороги необходимо установить правила, чтобы все люди в столице придерживались одного и того же времени. Пусть большой колокол храма Дзодзодзи в Сива будет перенесен на вершину горы Атаго и будет каждый день и каждую ночь отбивать часы — с 1 до 12. Если люди в столице станут сверять время отправления и прибытия поездов с ударами колокола, это послужит всеобщему удобству горожан. В случае положительного решения колокол следует перенести немедленно и информировать о том градоначальника Токио».

Колокол действительно перенесли на гору Атаго, его удары синхронизировали с выстрелами пушки, палившей в бывшем сёгунском замке. Предполагалось, что счастливые обладатели часов будут сверять свои стрелки по залпам и звону колокола. Так появилось общегородское время. Железнодорожное время с ним совпадало. Однако вопрос о минутах оставался нерешенным. Разумеется, на станциях были установлены часы. Стали устанавливаться часы и в учреждениях, в школах, банках, на городских зданиях. Но этого было все-таки мало. Задача состояла в том, чтобы часы были у всех.

В современной западной цивилизации процедура измерения имеет колоссальное значение. Измерению подлежит все, в том числе и время. Древние японские источники свидетельствуют, что уже в VIII в. чиновники были обязаны являться в присутствие к определенному часу. То есть важность времени для государственных дел была осознана очень давно. Другое дело, что цена деления традиционного времени была достаточно велика. Европейцы, проживавшие в Японии в эпоху Мэйдзи, отмечали, что опоздание на полчаса является для японца чем-то само собой разумеющимся. Знаменитый проповедник православия отец Николай с раздражением свидетельствовал в своем дневнике: «Из Янаицу призвали дзинрикия (рикшу — А.М.), к сожалению, весьма поздно, по обычной японской медлительности и неаккуратности; едва в половине 9-го ч. в состоянии были выехать, предположив с вечера отправиться не позже 5-ти часов утра».

Значительная часть общества, похоже, осознавала недопустимость такого положения. Продажа часов в стране набирала обороты. Часы стали чуть ли не первым западным предметом длительного пользования, который получил в Японии действительно широкое

распространение. Об этом свидетельствует динамика продаж. В 1868 г. было импортировано 1185 настенных и напольных часов и 300 карманных. А к 1887 г. было импортировано уже около 700 тысяч часов! Ведущая роль принадлежала швейцарским и американским фирмам. Часы были достаточно дороги, но вполне доступны по ценам. Это касалось как рабочих, так и служащих. В 1888 г. началось производство японских напольных часов, которые ввиду своей дешевизны к рубежу веков почти вытеснили иностранные. К концу первого десятилетия XX в. более 70% семей располагали напольными и настенными часами. Что касается карманных и начавших входить в обиход наручных часов, то ими пользовались около 10% населения. Иными словами, Япония в это время уже полностью перешла на европейское точное время. Это сказалось и на поездах, которые на рубеже веков перестали опаздывать (раньше на опоздание в 15–20 минут не обращали никакого внимания). Это было связано как с распространением часов в быту и пониманием ценности каждой минуты, так и с дальнейшим развитием железнодорожной сети. Без точного соблюдения расписания пересадка с ветки на ветку становилась бы настоящим мучением.

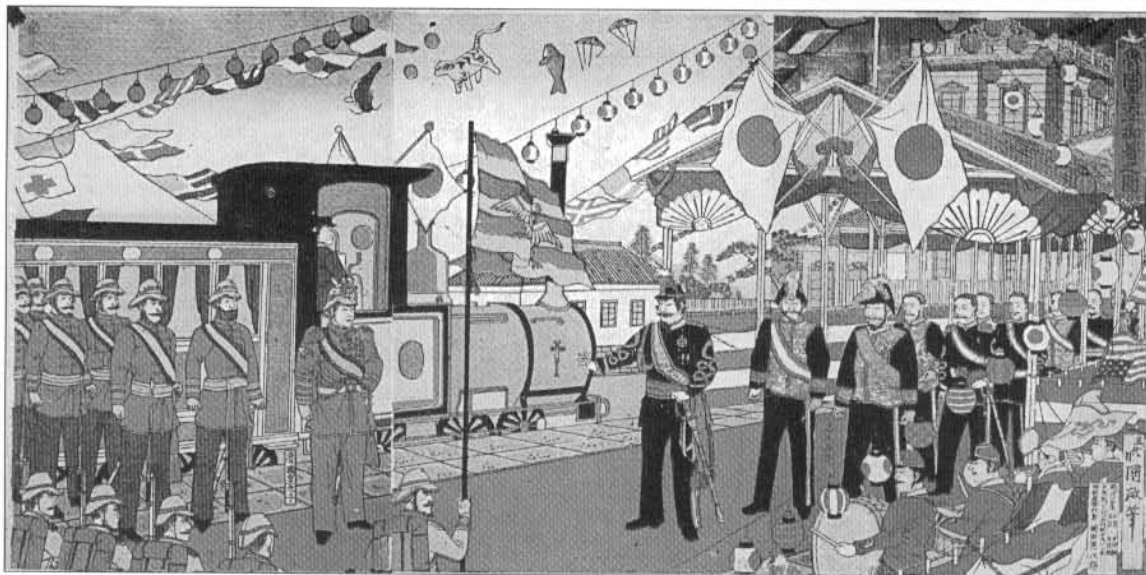
Открытие железнодорожного сообщения между Токио и Иокогамой практически совпало с переходом на европейскую календарную систему.

9-го дня 11-ой луны был обнародован указ императора Мэйдзи об отказе от лунного календаря и переходе на солнечный. В нем, в частности, говорилось: «...чтобы сделать нашу страну современной и реформировать старые обычаи с целью приближения народа к цивилизации, налицует насущная необходимость пересмотреть закон о календаре... Существующая система с ее делением дня на стражи, продолжительность которых зависит от длины дня и ночи, создает огромные неудобства для всех институций... Повелеваем опубликовать солнечный календарь повсеместно во всей стране... не только для того, чтобы ввести правильный календарный порядок, но и для того, чтобы способствовать просвещению людей...».

Из указа хорошо видно, что переход на солнечный календарь считался делом идеологическим. Назначением нового календаря было обеспечение развития страны и вхождение в семью «цивилизованных» стран.

То, что расписание подписано именно императором, далеко не случайно. В Японии вслед за Китаем император считался «хозяином» времени. Это было обусловлено тем, что император отвечает за правильное чередование сезонов, то есть, говоря современным языком, за погоду. Его молитвы были призваны обеспечить своевременное выпадение осадков и, в конечном итоге, богатый урожай.

В соответствии с указом, 3-й день 12-й луны 5-го года правления Мэйдзи предлагалось считать первым днем января 6-го года Мэйдзи, который соответствовал 1873 г. Р.Х. Получалось, что у людей «украли» целый месяц. Государственным чиновникам зарплату за декабрь не заплатили.

Кунимаса V. Прибытие русского цесаревича Николая.

Итак, новый календарь ввели в действие. Но при этом не отменили летоисчисление по девизам правления. Правда, с небольшим уточнением: теперь в одно правление разрешался только один девиз. Такого же «двойного счета» времени Япония придерживается и теперь — летоисчисление, ведущее счет от рождества Христова, уживается с девизами правления.

Европейскому календарю был создан и еще один противовес. 15-го дня 11-й луны вышло распоряжение считать 29 января общенациональным праздником. Дело в том, что согласно записям мифологическо-летописного свода «Нихон сёки», первый полулегендарный японский император Дзимму якобы взшея на трон якобы в 1-й день 1-й луны ровно 2503 года назад, т.е. в 660 г. до Рождества Христова. А новый лунный год начинался в 1873 г. 29 января. То есть один и тот же год в зависимости от желания можно было считать 1873, 2503 или же 6-м годом правления Мэйдзи. Несколько позже за день интронизации Дзимму стали считать 11 февраля, объявленное Днем основания империи (Кигэнсэцу). В этот день следо-

вало повернуться в сторону провинции Ямато (там, в местечке Касихара, находилось святилище Дзимму) и совершить молитву.

История с принятием нового календаря очень показательна для стратегии правительства Мэйдзи. Согласно ей, каждое нововведение должно было уравниваться элементом традиции.

Железную дорогу и вокзалы часто изображали японские художники. Может быть, самой знаменитой из серии «железнодорожных гравюр» является работа Кунимаса V, запечатлевшая встречу цесаревича Николая (будущего самодержца Николая II) и императора Мэйдзи на вокзале в Токио. Цесаревич, посетивший Японию в 1891 г., действительно должен был прибыть в Токио. Однако случилось непредвиденное: в городе Оцу (неподалеку от Киото) на него напал полицейский чин и нанес два удара саблей по голове. Визит был прерван, Николай никогда не увидел Токио. Однако художник и печатник, предвидя хорошие барыши, уже успели выбросить на рынок изображение исторической встречи...

Евгений Бакшеев

«Редкие гости» из Иного мира

Божества типа марэбито на Окинаве и в Японии

Знаменитый исследователь народной религии Хори Итиро полагал, что марэбито («редкий гость», «пришелец») — одно из самых значительных явлений японской народной культуры. В самом деле, марэбито — важное «действующее лицо» календарной и аграрной обрядности, марэбито связаны с синтоистскими божествами ками, с культом предков и демоническими персонажами. Я постараюсь показать, что марэбито — ключевое понятие в системе народных культов и верований Японии и Окинавы. Изучение марэбито оказалось важнейшим направлением японской этнографии и культурологии XX в. (Оригути Синобу, Ока Масао, Хори Итиро и др.). Этот феномен был впервые по-настоящему осмыслен с привлечением материала Окинавы, где до сих пор существуют многочисленные культы марэбито. Однако, к сожалению, они до сих пор мало известны нашему читателю.

Марэбито и их место в системе японских божеств-ками

Японские этнографы, изучающие «живую старину» обычаев и обрядов, делают мириады ками на два больших класса: «местные» и «приходящие». К «местным» относятся ками, связанные с «землей и почвой», родным краем, конкретной местностью: духи земли, родовые божества, божества места рождения, усадьбы и дома, боги-охранители территории.

В разряд «приходящих» зачисляют «божеств, принесенных волнами», «божеств, прилетевших по воздуху» и др. Они не находятся постоянно в мире людей, а «приходят» из Иного мира. Когда они являются, их дух «овладевает» людьми. В состоянии одержимости эти люди изрекают «божью волю» и выступают в качестве оракулов. К классу «приходящих» божеств относятся и марэбито.

Марэбито — божество, в определенное время приходящее в мир людей на короткое время. Оно принимает форму человека или же человека-зверя. Кроме того, марэбито называют человека, который исполняет ритуалы, связанные с марэбито, — такой человек в маске «играет роль» пришельца из Иного мира. «Марэ» — означает не только «редкий, необычный», но и «причудливый, диковинный» и даже «странный, ненормальный». Понятие «марэбито» ввел в научный оборот культуролог, этнограф и поэт Оригути Синобу (1887–1953).

Этнографы выявили у народности И в провинции Юннань (юго-восточный Китай) и у горцев Тайваня обряды первин чумизы. Во время этого ритуала их посещают боги-предки. Японские ученые показали, что такие обряды появились раньше распространения рисосеяния и в Японии. Вот как характеризуются первины чумизы («нииава-но ниинамэ») в описании провинции Хитати — «Хитати-фудоки» (VIII в.): «В древности Бог-прародитель объезжал горы — обиталища богов... Он стал просить ночлега. Бог горы Фудзи ответил: «Сейчас у нас праздник нового урожая... и мы не можем приютить вас»... Бог горы Цукуба ответил: «Хотя сегодня мы и вкушаем новое зерно, но мы не можем не уважить вашей просьбы». Он принес кушанья и почтительно подал их богу. Бог-прародитель возрадовался и запел: «...Чтобы еды и питья было много... чтобы день ото дня все процветало. Пусть всегда у вас будет радость» (пер. К. А. Попова).

В этом фрагменте обнаруживаются основные элементы обрядов марэбито: обряд первин (праздник урожая) — посещение бога-пришельца — возгласение им благопожелания. Хори Итиро указывает, что в старину каждая крестьянская семья проводила обряд первин. В эту ночь из Иного мира приходили один или несколько «гостей», которых угощали особыми блюдами из зерна нового урожая риса или других злаков. Как сказал сам Оригути, марэбито — это «боги до богов», т.е. древние народные божества, которые не вошли в официальную мифологию двора Ямато и в придворный синтоизм.

«Теория марэбито» и ее развитие

Концепция марэбито была создана Оригути Синобу в результате его поездок в начале 20-х гг. XX в. в «заповедник марэбито» — на архипелаг Яэяма на самом юге островов Нансэй. Он считал, что на Окинаве древние верования японцев сохранились лучше, чем где бы то ни было. Эта концепция стала достоянием публики вместе с опубликованием работы «Возникновение японской литературы». До Оригути на феномен марэбито мало кто обращал внимание.

Теория Оригути связана с представлениями о стране Токоё. Токоё-но куни — «Мир вечности», «Страна извечного изобилия» — находится за морем; изначально это местообитание душ усопших, освободившихся от скверны смерти. Концепция Токоё как «заморского края бессмертных» сложилась под влиянием даосских идей о шэньсянь-сян («родина божественных

гениев»). Китайцы помещали ее на мифическом острове Пэнлай (яп. Хорайсан) в Восточно-Китайском море и в III—I вв. до н.э. даже посылали туда экспедиции. Одна легенда утверждает, что экспедиция достигла Окинавы, с которой у китайцев ассоциировался остров Пэнлай. Хори отмечает, что концепция Токоё как Иного мира за морем была позднее заменена представлениями об Ином мире в горах. Идея о заморском расположении Пэнлай сохранилась только на Окинаве и на островах Амами. Таким образом, китайские представления об обители бессмертных на Пэнлай стали одним из источников японо-рюкюских верований в марэбито.

Теория Оригути Синобу кратко звучит так: на рубеже зимы и весны (в конце года) в деревню из страны Токоё вместе с душами предков приходят божества марэбито; устами «шаманок» они произносят заговоры, призванные обеспечить достаток и здоровье; в последующем именно из этих заговоров возникла литература. Теория состоит из двух главных блоков: «мифологического» и «исторического». В «мифологическом» блоке Оригути использовал в качестве письменных источников «Хитати фудоки» и поэтическую антологию «Мантёсю», которые анализировал, соотнося с обрядами «приходящих богов» Окинавы и побережья Японского моря. «Исторический» блок охватывает период с древности до XX в. Оригути полагал, что «земным» аналогом марэбито стали странники-служители народных культов, странствующие актеры и сказители, нищие, произносившие благопожелания в обмен на подаяние.

Теория Оригути затронула концепцию другого знаменитого этнографа — Янагида Кунио — и вызвала его критику. Для Янагида принципиальным было то, что все kami происходят от душ предков, что и новогоднее божество тосигами, и духи, являющиеся на праздник поминовения предков (Бон), — суть усопшие предки. А Оригути утверждал, что в число марэбито входили и духи предков, и «духи-чудовища» (ёкай), и «обычные» kami.

Следующим этапом развития концепции марэбито стали работы историка-этнолога Ока Масао, который в 30-х гг. XX в. изучал этнографию в Вене и усвоил европейские достижения в исследованиях культур Меланезии и Полинезии. Поэтому он связывал веру в марэбито с обрядом инициации и мужскими сообществами.

Культами марэбито занимался также Хори Итиро. Хори делит всех марэбито на две категории: 1) собственно марэбито — kami-пришельцы. 2) отодзурэбито — странники-парии из магико-религиозных меньшинств. Особое внимание Хори уделяет рисо-водческим верованиям и обрядности, параллелизму между жизненными циклами человека и риса, а также обряду первин. По его мнению, в некоторых зимних праздниках урожая, таких, как ми-кавари («обновление тела»), сохранилась древняя форма праздника урожая нинамэ, когда «податели жизни» из Иного мира приходили, чтобы вдохнуть новую

жизнь в семена и обновить жизненную энергию людей. Этим верованиям предшествовала идея об «умирающем и воскресающем духе риса». По сути же пришельцы из иного мира — это души первопредков; при этом душа первопредка отождествлялась с «Матерью риса», а в царском культе — с Аматаэрасу. Во время исполнения ритуалов государь встречался с kami-пришельцами из Иного мира, а сам обряд нинамэ символизировал «рождение дитя-риса у Великой матери риса — Богини солнца».

Пространство и время «приходящих богов»

Марэбито Японии обычно связывают с горизонтальной космологией, в которой, в отличие от вертикальной, души усопших уходят не в горы и не в подземный мир, а в страну Токоё, находящуюся за морем. Но на самом деле, и в Японии, и на островах Нансэй марэбито приходят не только из-за моря, но и с гор, и из-под земли.

Марэбито островов Амами делятся на две группы: «приходящие с моря» и «приходящие с гор или с неба», что отражает, по мнению исследователей, два различных «культурных комплекса». На Окинаве жрицы воплощаются и в горных, и в морских «приходящих богов» (в целом в обрядах Рюкю горных богов мало). На Яэяма в одном селении марэбито приходят из подземного мира через пещеру, в другом — с холмов, а в третьем — из пещеры, из которой один подземный ход ведет к морю, второй — на вершину холма.

Марэбито Японии и островов Нансэй, как правило, являлись к людям в определенное время года. Хори показал, что для Японии этот период охватывает время от сбора урожая риса до Нового года или до весеннего сева. Именно зимой проводятся обряды поддержания силы роста зерна и защиты его от злых духов. Эти обряды исполнялись в деревнях молодежи и «обрядовыми странниками». Они делятся на два типа: 1) обряды очищения и изгнания злых сил в период между сбором урожая и концом года и 2) обряды благословения будущего урожая, совершаемые на Новый год.

Что касается Рюкю, то там марэбито приходят не зимой, а летом и осенью. В Японии рис возделывают летом (цикл возделывания — март-октябрь), праздник урожая приходится на осень, Новый год встречают на рубеже зимы и весны. На Рюкю же рис, пшеницу, просо и ячмень выращивают зимой (цикл — октябрь-июнь), праздник урожая проводится летом, а Новый год — осенью. Таким образом, сроки прихода марэбито прямо отражают специфику аграрных циклов этих регионов.

Намахагэ — марэбито с кухонными ножами

У нас и на Западе больше всего известна одна разновидность японских марэбито. Это намахагэ северо-восточной Японии. Самые популярные намахагэ — с полуострова Ога в префектуре Акита. «Нама» — так на местном диалекте называются ожоги, которые можно получить от жаровни котаци, особенно если

*Боги-демоны намахагэ пугают детей
(полуостров Ога, префектура Акита)*

знуть возле нее в долгий зимний вечер. «Хагэ» — значит «сдирать кожу»; подразумевается, что так намахагэ наказывают лентяев, которые слишком много спят, пригревшись возле теплой жаровни.

До Второй мировой войны обряд намахагэ проводился крестьянами в «малый Новый год» (косёгацу, 15–16 числа 1-го месяца). После войны, когда косёгацу вышел из употребления, дата сместилась на 31 декабря, а сам обряд превратился в новогодний аттракцион для туристов. Раньше он считался важнейшим деревенским обрядом — ведь его функция заключалась в поддержании порядка в микрокосме сельской общины. В старину все, в том числе недавно переехавшие в деревню на постоянное жительство, невестки из других селений и новорожденные должны были стать членами общины и подчиняться ее строгим правилам. Приход намахагэ — свидетельство того, что данная семья включена в цикл общинности, скрепляющий общину.

Взглянув на намахагэ, понимаешь, что в «нечеловеческом» всё должно быть нечеловеческим: и лицо (демоническая маска с рогами), и голос (рев-рычание), и одяние (соломенная накидка — под стать пугалу), и диковатые манеры. Группы намахагэ состоят из троих молодых мужчин. Зовутся они намахагэ № 1, № 2 и № 3 — по порядку их появления. Когда входят в дом, то № 1 и № 2 представляются так: «Спустились с гор» (гора Синдзан в Ога и гора Тайхэй у города Акита), а № 3 — говорит: «Я с ближайшего озера Хатири». Хозяин в парадном кимоно приветствует их.

Намахагэ, размахивая кухонными ножами, с шумом бродят по дому, наводят беспорядок и даже ломают сёдзи. Они «охотятся» на детей и молодых невесток, которые при явлении этих чудовищ прячутся в укромных уголках дома. Когда намахагэ все-таки находят их, то с громким ревом начинают ругать детей за лень и плохое поведение: «Кто бездельничает?», «Кто плачет?», «Кто не слушается папу с мамой?» Для невесток, которые пришли в дом со стороны, этот обряд изначально имел смысл посвящения в полноправные члены семьи. После «воспитательной беседы»

намахагэ возглашают поздравления с Новым годом, а хозяин благодарит их. Теперь всем можно отведать угощений и поднять чарку.

Эбису и Окина как марэбито

Эбису обычно представляют как одного из «семи богов счастья», божество удачи и богатства. Действительно, он сначала почитался рыбаками как божество рыбной ловли, а потом купцами — как божество торговли. Между тем, само слово «Эбису» означает «чужак, иностранец». Изначально Эбису был божеством, приходящим издалека и приносящим удачу. В прибрежных районах Японии это отражено в практике собирания рыбаками камней или других предметов, вынесенных на берег; эти предметы почитаются как символы Эбису. Для попавших в сети камней строили святилище на побережье и поклонялись им как богу Эбису. Культ «священных» морских камней распространен и на Рюкю. Например, на Яэяма в «народный» Новый год (сентябрь-ноябрь) доставляют с берега обломки кораллового камня и ставят их в доме; считается, что они принесены «со дна моря» и обеспечивают плодородие. В центре святилищ (утаки) Рюкю часто находится священный камень из моря, на который «нисходит» дух божества.

На Рюкю приносящими счастье почитаются не только камни и предметы, но и дельфины, киты, акулы, а также люди. В самой Японии в рыбацких деревнях во время путины случайных приезжих принимали с особым гостеприимством «как бога Эбису».

По всей Японии рыбаки, когда вылавливали в море утопленника, почитали его как бога Эбису, приносящего удачу — если только это был незнакомец, чужак. Его обязательно хоронили, иногда на семейном кладбище; на Рюкю такие погребения есть в святилищах утаки.

В театре Но известна пьеса «Окина» («Старец»), исполняемая в начале года. Ее магические танцы и молитвословия о процветании и богатом урожае идут от аграрного культа. В начале пьесы Окина (обожествленный предок) поет молитву с добрыми пожеланиями. Окина народных действий обычно толкуется как образ родового старейшины, развившийся от «хозяина поля» в «божество поля». Между тем японские ученые указывают, что изначально Окина был «приходящим богом»; как местное полевое божество его приглашали на аграрные празднества.

Страна Нирай-канай

Как мы видели, марэбито связаны с аграрной общинностью; их появление — постоянная черта рисоводческих обрядов Рюкю. В отличие от Японии, где обрядность сопровождает все три стадии выращивания риса — сев семян, высадку рассады, сбор урожая (с упором на второй стадии), на Рюкю она сосредоточена на первой и последней стадиях. Обряды сбора урожая на Рюкю состоят из обрядов первин и «завершающих обрядов». Во время обряда первин (июль-август) жрицы подносят рис нового уро-

жая душам усопших, «приходящим богам» и богам святилищ утаки. «Завершающие обряды» — югафу (праздник обильного урожая) и «народный Новый год» (август-октябрь). Они имеют своим назначением: испрашивание будущего урожая у «приходящих богов» и богов-предков.

Нирай-канай — термин для обозначения Иного мира на островах Нансэй. Он соответствует «Стране вечности» (Токоё-но куни) и «Корневой стране» (Нэ-но куни) Японии. Нирай-канай — это «райская земля», где пребывают боги и куда отправляются души усопших, но это не «мир смерти», чем он отличается от Нэ-но куни. Как и во многих других культурах, Иной мир Окинавы считается источником всех форм жизни и всех благ: оттуда приходит солнце, оттуда были принесены рис, просо и огонь.

Считается, что Нирай-канай находится за морем, но в некоторых культах и верованиях Рюкю Нирай-канай локализуется не только за горизонтом, но и под водой (на дне моря), и под землей. При этом в народной мифологии все эти миры образуют некое единое пространство. В молениях жриц Рюкю называются боги, которые постоянно находятся в Нирай-канай, приходят в мир людей во время празднеств и приносят богатый урожай из «райской земли» за морем.

Ю — одна из основных категорий в картине мира Окинавы. Ю соответствует японскому ё и означает свет, жизнь, поколение. Кроме того, и на Рюкю, и в Японии крестьяне так же называли рис. На Окинаве боги из Нирай-канай выступают подателями плодородия (ю), которое через их благословения доставляется раз в год людям. После сбора урожая истощенному полю требуется новый источник силы — новый ю. Поэтому богов приглашают или заманивают из Нирай-канай, чтобы те принесли новый ю. На праздниках люди выражают радость, что теперь их «ю обновлен».

Юкуи («испрашивание ю»; яп. ёгои) — важнейший на Рюкю обряд моления о богатом урожае; он соответствует новогоднему тосигои-но мацури («обряд испрашивания нового урожая») Японии. На Мияко юкуи проводится в октябре жрицами, которые молятся об урожае в святилищах утаки. Одно из главных божеств Мияко — «Властелин ю» (Юнунусу; яп. Ё-но нуси), который приходит на острова с юга и приносит с собой изобилие и процветание; он почитается как бог-предок и защитник деревни.

На о. Ириомотэ (Яэяма) сицу (яп. сэцу) — праздник смены времени года (типа новогоднего) — проводится в ноябре. Пик празднества — обряд юкуи с гонками лодок. При этом море предстает как обитель богов Иного мира, который может быть за горизонтом или же на дне моря; само море — вместительница ю. Когда лодки отправляются в море, звучит песня, приглашающая богов пожаловать; потом лодки мчатся к берегу, чтобы как можно быстрее привезти в селение невидимых богов, обладающих ю. Воду, попавшую в лодки, не вычерпывают — в ней также

*Мируку желает деревне обильного урожая
(остров Исиаки, архипелаг Яэяма)*

содержится ю. Вот так доставляют ю, обеспечивая им деревню на следующий год. В аграрном обществе о. Ириомотэ юкуи означает переход от старого к новому году. Во второй день праздника, когда появляется марэбито по имени Мируку (народное переосмысление будды Мирокү), он благословляет всю общину. Ритуальное шествие начинается на востоке и заканчивается на западе — так моделируется первый день нового года. Отсюда — важность юкуи, который вбирает в себя черты ритуала обновления общинной Вселенной.

Представления о Нирай-канай просматриваются в ежегодном обряде хамаори («спуск на берег») на острове Токуносима (Амами). После праздника Бон на берегу сооружается традиционный очаг из трех камней, которые берутся из моря и считаются «священными»; предки из Иного мира — мира изобилия — приглашаются на берег; на очаге для них выставляется угощение. Затем участники обряда входят в море и три раза брызжут водой в направлении морского божества. Обряд хамаори адресован предкам, чтобы гарантировать урожай, а также Морскому божеству и иным божествам из Нирай-канай — чтобы поблагодарить их в качестве божеств-подателей риса. На о. Хатэрума (Яэяма) сохранилась легенда о том, как появился рис: первопредок главного рода забросил сеть в море и вытянул колосья риса нового урожая.

Таким образом, Нирай-канай расценивается на островах Нансэй и как мир, где обитают предки, и как мир, откуда принесены рис и огонь. Однако считается, что и зло (болезни, несчастья и пр.) также при-

«Приходящие боги» Ангама. Праздник усопших Бон
(остров Исиаки, архипелаг Яэяма)

Маюн-ганаси
(деревня Кабира, остров Исиаки, архипелаг Яэяма)

несены из Нирай-канай. Очевидно, что Нирай-канай следует рассматривать как мир, изначально обладавший амбивалентными характеристиками добра и зла, блага и бед.

Некоторые боги Окинавы, приходящие из Нирай-канай, невидимы и бесплотны, другие имеют облик. Таких богов воплощают (с помощью масок и специальных облачений), как правило, представители особых групп, которые издавна существуют на Рюкю (равно как и в Японии) и объединяют в себе деревенских юношей и мужчин. Ученые полагают, что они имеют много общего с «тайными союзами» Меланезии и Полинезии.

Марэбито Рюкю

Марэбито до сих пор «водятся» почти на всех островах Рюкю. Приведем несколько примеров.

Марэбито праздника Синугу («сражение с бедями») — о. Окинава и прилегающие острова. Мужчины молятся «божествам гор» о богатом урожае и процветании их семей и всей общины. Затем, повернувшись к морю, повторяют эту молитву Морскому божеству. Облачившись в одеяния из листьев, они спускаются с гор под видом богов, чтобы очистить деревню от злых духов и бед.

Акамата-куромата-сиромата («красная, черная, белая маска») — о-ва Ириомотэ, Исиаки, Кобама, Арагусуку (Яэяма). Марэбито там называют нириупито — «человек, пришедший из страны Нирай». На о. Ириомотэ в деревне Кун в июле шесть мужчин в масках приходят на праздник пуури — «Праздник обильного урожая» («юкуи»). Куромата — «родитель», акамата и сиромата и все остальные — «дети». Исполнители обряда — местные мужчины. Сначала маски посещают дом «главного» в деревне семейства и святилища утаки; затем они обходят все дома деревни. Маски приносят плодородие, поэтому жители тепло приветствуют их, а когда те уходят из мира людей, все глубоко скорбят.

Острова Яэяма, что на самой южной окраине Рюкю, особо славятся своими многочисленными культурами марэбито. Вера в маюн-ганаси (яп. маэ-но ками; «ма» — священный; «э» — жизнь, плодо-

родие, благо) до сих пор живы на острове Исиаки; сам обряд сохранился только в деревне Кабира.

Ее жители так объясняют происхождение обряда. Давным-давно в канун нового года с моря в селение пришел странник и попросил приюта. Но все, за исключением одного бедняка, ему отказали. Этим странником был Маюн-ганаси — «Бог священного блага». Притворяясь убогим странником, он испытывал доброту людей. Благодарный бог благословил принявший его дом и обещал прийти в следующем году. После этого бедняк разбогател. Односельчане раскаялись и тоже стали приглашать бога. А тот ответил: «Пусть вместо меня приходят другие», — и научил жителей деревни произносить «божественные слова»... После этого они стали регулярно проводить этот обряд.

В сентябре-октябре здесь проводится праздник сицу, который посвящен концу старого и началу нового годовичного цикла рисосеяния. Вечером собираются восемь молодых мужчин, которые делятся на четыре пары; в каждую из пар входит «ведущий» и «ведомый». Они перевоплощаются в маюн-ганаси — надевают скрывающие всё тело длинные накидки и большие шляпы из листьев пальмы. Маски не используются, но лица повязаны белыми полотенцами и их почти не видно. Исполнители обряда берут длинные посохи, ополаскивают рот «святой водой», принесенной из особого колодца. Тут же стоит плошка с солью — оберегом от бед и нечисти. Теперь они уже не люди, а боги, им нельзя говорить «по-человечески».

В первую очередь маюн-ганаси посещают дом потомков легендарного добросердечного крестьянина. Главный маюн-ганаси произносит «божественные слова» (заговор-благопожелание): «В этот благой день, когда наступил новый год, маюн-ганаси приходят из мира богов, чтобы благословить людей и принести им счастье и здоровье для домашнего скота. Да будет урожай на ваших полях обильным». Затем хозяин и маюн-ганаси обмениваются чашечками саке и вместе отведают угощения. Маюн-ганаси получают от хозяина подарки. При выходе из дома они исполняют танец с посохами. Хозяин почтительно собирает с

Маска ул-паанту — паанту-отца (острова Мияко)

пола листья, упавшие с накидки гостей, — ведь это «вещественные доказательства» посещения бога. До утра маюн-ганаси обходят все дома деревни. Перед рассветом проводится тайный обряд их «возвращения в человеческий облик».

В середине октября каждого года окинавская пресса выходит с заголовками: «Демоны паанту неистовствуют на Мияко», «Демоны Мияко опять пугают детей». В одной из заметок сообщалось: «13–14 октября с.г., когда в селении появились божества паанту, младенцы стали плакать, а школьники убежали в испуг».

Этот обряд, который насчитывает многие сотни лет, проводится на главном о. Мияко (селения Симадзири и Нобару) и на о. Курима в апреле, июле и октябре. Роли паанту исполняют местные молодые мужчины, объединенные в особую организацию.

На диалекте Мияко «паанту» — значит «оборотень», но их называют и божествами («паанту-ками»); считается, что они изгоняют из селения злых духов и болезни, защищают жителей от бед и приносят счастье. Паанту — это воплощения усопших предков, боги, пришедшие из Нирай-канай. Сам же обряд относится к разряду инициации («испытание-посвящение»).

Паанту появляются в сумерках из прибрежных мангровых зарослей с посохами и в «наряде» из листьев, травы и водорослей, — с головы до ног покрытые жижей со дна сакрального колодца. В одной руке они держат маски богов-предков, за которыми скрывают свои лица (в обычное время маски хранятся в ритуальных помещениях — легендарных домах первопоселенцев). Группой из трех человек («отец», «мать» и «дитя») они ходят по улицам: набрасываются на всех, кого увидят, преследуют убегающих, чуть ли не сбивая их с ног — всех (маленьких детей в первую очередь) «кропят» грязью. Паанту останавливают проезжающие машины и мажут их грязью — снаружи и в салоне. Они входят в дома (особенно, новые) и оставляют грязь на всем, что попадется под руку. Понятно, что эта грязь — вещественный символ ю — плодородия из Иного мира.

Концепция марэбито как модель отношения к миру

В 2002 г. в реку Тама в районе Токио-Иокогама заплыл полярный тюлень, ставший всеобщим любимцем. По просьбе населения власти Иокогама решили дать ему полноправное японское гражданство («человекоподобные» иностранцы не могут добиться этого и во втором поколении). При этом газета «Асахи» опознала в тюлене «бога-пришельца». Смысл присвоения высокого звания — в «умиротворении» чужака-пришельца, который представляет собой благое и опасное существо одновременно. Сонода Минору, исследователь и синтоистский священник, как-то заметил по другому поводу: «В основе общинной религии Японии лежат обряды призывания ками, марэбито или гостя извне общины, когда она сталкивается с кризисом, грозящим ее существованию».

Японское общество до сих пор в значительной степени закрыто для чужаков и иностранцев. Такое отношение во многом связано с концепцией марэбито, служившей моделью для представлений крестьян о мире за пределами их общины. Чужак, появившийся в деревне, считался божеством и мог принести благо, если к нему относиться «правильно», но в любой момент мог проявить и свою негативную сторону. Поэтому его надо сначала «приветить» (то есть совершить соответствующие обряды), а потом с почетом проводить обратно или даже изгнать.

Эта концепция встреч и проводов божества обеспечила японцам и модель общения с представителями поскостороннего мира. В частности, с теми, кто их превосходил, — с китайцами в древности, с европейцами — в Новое время. Пришельцы извне — носители новых знаний и технологий, и им нужно оказывать гостеприимство; в то же самое время они считались опасными. Поэтому следует перенять у них эти знания, а потом отправить домой. Тут проявляется двойственное отношение японцев к чужакам — в ходе обрядов с участием марэбито после «буйства» и «усмирения» их тоже выпроваживали. И все чужаки в японском обществе принимались на тех же условиях. В конечном итоге их ждало отчуждение и отторжение.

Ритуал изгнания демонов (они-ярай или цуйна) в святилище Хэйан-дзингу (Киото) во время праздника сэцубун (3 февраля 2004 г.)

Бронзовые зеркала и их исследования в Японии

Одна из трех священных регалий японской императорской династии — бронзовое зеркало, символизирующее прародительницу рода — богиню солнца Аматэрасу. Подобные зеркала имели особое значение на протяжении длительного периода японской истории.

Бронзовые зеркала получили широкое распространение в Японии в начале периода Яэй (III в. до н.э. — III в. н.э.). Они были важным ритуальным предметом, использовавшимся при погребениях в добуддийскую эпоху. Одна сторона круглого зеркала полировалась, на другую наносился орнамент, а часто и памятная надпись. Зеркало — это модель солнца, с помощью его света покойник находил дорогу в темном и страшном потустороннем мире.

Бронзовые зеркала использовались в древности и средневековье не только в Японии. Наиболее древние в Восточной Азии образцы бронзовых зеркал найдены в Северном Китае и на Алтае. Они появляются там около четырех тысяч лет назад. Затем, в VIII—VII вв. до н.э., зеркала находят свою дорогу в Корею. Они распространяются также в Южном Китае, позже, одновременно с Японией, проникают во Вьетнам, но особого распространения там не получают.

В Японии бронзовые зеркала заимствуются из Кореи и Китая. Однако довольно быстро, уже на рубеже новой эры, зеркала начинают изготавливать по континентальным (в основном, китайским) образцам и в самой Японии. Первоначально они производились там под руководством ремесленников-эмигрантов. Ввоз зеркал из Китая продолжается, но их удельный вес сокращается, подавляющее большинство зеркал производится в Японии, прежде всего в районе Кинки (центральная Япония).

В Курганный период — Кофун (IV—VI вв. н.э.) — количество бронзовых зеркал продолжает расти, число найденных к сегодняшнему дню экземпляров исчисляется тысячами. В это время зеркала в большом количестве захораниваются в огромных погребальных курганах, причем количество зеркал соотносится с величиной кургана, что отражало социальный статус его «владельца».

Число находок бронзовых зеркал на сравнительно небольшой территории Японии (исключая Хоккайдо, север Хонсю и Окинаву) заметно больше, чем в Китае, не говоря уже о Корее. Этот факт показывает, что, несмотря на свое иноземное происхождение,

бронзовые зеркала получают в Японии совершенно особое ритуально-культовое значение. В период Яэй зеркала клали рядом с урной, где находились останки умершего. В период Кофун их раскладывали вокруг тела умершего на одинаковом от него расстоянии отражающей стороной вверх. Известны и другие способы расположения зеркал в захоронении.

Уже в период Яэй формируется комплекс из трех ритуальных предметов — бронзовое зеркало, меч и магатама (полудрагоценный камень, выполненный в форме запятой). Их клали рядом с погребальной урной. Эти три предмета стали впоследствии тремя священными регалиями императорской династии. Согласно мифологическому своду «Кодзики» (712 г.), зеркалу отводилась особенно большая роль. Именно оно помогло вернуть из пещеры скрывшуюся туда от бесчинств бога Сусаноо богиню солнца Аматэрасу, считавшуюся прародительницей императорской фамилии. Когда же бог-предок императорского дома Ниниги-но микото спускался на землю, Аматэрасу, вручив ему Три священные регалии, оговорила роль зеркала особо, велев ему почитать зеркало, являющееся ее изображением точно так же, как если бы это была она сама.

В середине VI в. в Японию проникает буддизм, и в VII—VIII вв. захоронения начинают постепенно проводить по буддийскому обряду: тело сжигают, а погребальные аксессуары и предметы, сопровождающие захоронение, исчезают. Однако зеркала продолжают сохраняться в синтоистских святилищах как предметы культа и поклонения. Использовались они и в быту.

После «Обновления Мэйдзи» (1867 г.) в Японии появляется современная археологическая наука, изучение зеркал становится ее неотъемлемой частью. С постепенным накоплением археологического материала заметное количество находок бронзовых зеркал становится объектом внимания как археологов, так и историков. Зеркала становятся важным археологическим аргументом в дискуссиях о японском государстве, первая из которых состоялась еще в 1911 г. Одни историки, основываясь на весьма сомнительных и противоречивых данных китайских письменных источников, отстаивали мнение о том, что древнее японское государство располагалось на северном Кюсю. Однако археологи Такахаси Кэндзи (1871—1929) и Томиока Кэндзо (1871—1918) выдвинули гипотезу, что первое японское государство Яма-

тай располагалось в центральной Японии. Их главным аргументом было то, что именно там найдено большинство зеркал, которые они справедливо посчитали одним из атрибутов власти.

Эта дискуссия продолжается до настоящего времени, испытывая пики и спады. Причем речь идет не просто о месте формирования первого японского государства, но и во многом о его характере. Дело в том, что соотнесение государства Яматай с Кюсю позволяет рассматривать его как небольшое местное территориальное образование, не обязательно имеющее какие-либо развитые структуры. Существование же государства Яматай в районе Кинай позволяет некоторым исследователям говорить о том, что всю территорию от Кюсю и до Кинки, то есть практически всю юго-западную Японию, занимало государственное или протогосударственное образование во главе с правителями района Ямато.

Рано ушедший из жизни блестящий ученый Томиока Кэндзо оставил после себя ряд учеников, среди которых наиболее известен Умэхара Суэдзи (1893—1983), основавший свою археологическую школу. Он изучал китайские и японские бронзовые зеркала не только в Японии, но и в частных коллекциях в странах Европы и Соединенных Штатах, которые специально объехал в тридцатые годы прошлого века, и составил прекрасный каталог хранящихся там зеркал.

В отличие от Китая или Кореи, в Японии изучение бронзовых зеркал превратилось в самостоятельную отрасль археологической науки. Больше всего ученых, изучающих зеркала, работает в районе Кинки (в особенности в Киото и Осака), где сосредоточены их основные собрания. К крупнейшим из них относятся коллекции баронов Сумитомо, Курокава, университета Киото и некоторые другие. К наиболее крупным исследователям зеркал можно отнести хранителя коллекции баронов Сумитомо, почетного профессора университета Киото Хигути Такаюсу;

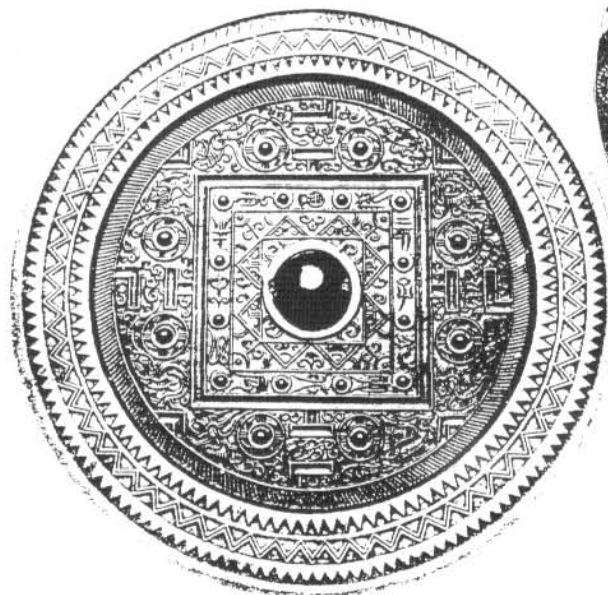
профессоров Окамура Хидэнори, Фукунага Синъя, Кисимото Наомити и ряд других. По специализации «бронзовые зеркала» готовятся студенты и аспиранты. Помимо немалого количества узких специалистов по зеркалам, ими интересуются и многие другие ученые, работающие в смежных областях. По материалам исследований проводятся семинары, симпозиумы, выходят многочисленные сборники. Нередко читаются и публичные лекции и даже циклы публичных лекций, специально посвященные зеркалам. Они привлекают огромное количество весьма подготовленных слушателей, приезжающих из разных городов.

Помимо вопроса о местоположении раннеяпонского государства, в ходе исследований бронзовых зеркал встают и более частные проблемы: происхождение определенных орнаментов, разграничение зеркал, изготовленных в Китае и Японии. Эта проблема достаточно сложна. Дело в том, что практически все японские зеркала делались по образцам китайских. Поэтому разграничение японских и привозных зеркал нередко затруднено. Это вынудило значительное число ученых, например Окамура Хидэнори, заняться специально данной проблемой.

Решение многих вопросов в исследовании бронзовых зеркал получило всестороннее развитие. Тем не менее, как это ни странно, ряд проблем еще остается. Например, очень небольшое число ученых интересуется вопросом химического состава зеркальных бронз, а масштабного химического анализа разных групп зеркал практически не проводилось. А ведь по химическому составу часто можно определить место производства данного зеркала. Эта работа, как и ряд других (например, создание трехмерных компьютерных каталогов зеркал), остается для будущего поколения японских археологов. Так всегда происходит в науке: чем больше изучается предмет, тем больше в нем открывается новых интересных проблем...

Зеркало с узором «внутреннего цветка»

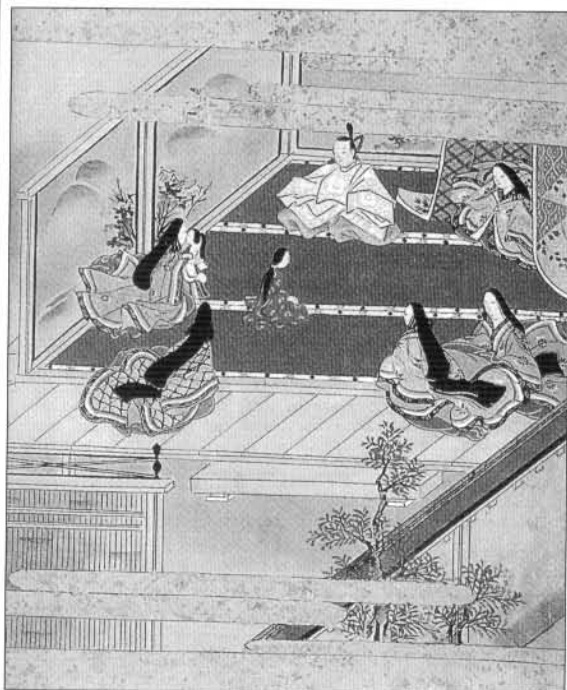

Зеркала с орнаментом типа TLV

Две кормилицы¹

Не так давно жил да был левый министр по имени Масахира — человек, достойный своего прекрасного времени. У него было две дочери. Их лелеяли, как никого на свете. Одной их них исполнилось шесть, а другой — пять. По мере того, как дом его становился все более богатым и процветающим, министр стал отдавать все больше и больше времени и душевных сил поэзии, сочинению стихов-цепочек «рэнга» и игре в мяч; весной он любовался цветением вишни, осенью — алыми листьями клена. Жена участвовала во всех его развлечениях и даже чистописанию девочек не учила, так что их воспитание было полностью возложено на двух кормилиц.

Кормилица старшей сестры была на вид полной и крепкой, нрава вспыльчивого, на людские осуждения внимания не обращала, высокомерно поступая по своему. Кормилица младшей сестры, напротив, была характера мягкого, следовала примерам «Гэндзи»², «Сагоромо»³ и других повестей-моногатари, играла на кото и бива, сочиняла стихи; во всем, чем принято заниматься на этом свете, ей, кажется, не было рав-

«Две дочери»

ных. Так что и министр, и его жена были покойны, поручая дочь такой женщине.

Кормилица старшей сестры рассуждала так:

— С чего это они взяли, что моя воспитанница во всем должна отставать! У меня, может, и нет особых талантов, но до сего дня никогда голодной не оставалась. Рис уплетаю за обе щеки и лепешки-моти люблю. А про всякое там горькое, остренькое, сладенькое — уж и говорить нечего. Пусть мне дадут хоть что-нибудь съедобное, уж я всем покажу, как это едят. И вино я с удовольствием пью. И к чаю попривыкла. Пусть говорят, что у меня дурные манеры, а фигура — и того хуже, но мужей у меня штук десять было — никому мало не покажется. Хотя талантов у меня нет, но где болит — почесу, вот и выздоровела. Я ничуть не хуже и не лучше других. А что там про меня судачат — это ерунда. Уметь заработать средства и пропитание — тоже дар!

Она воспитывала девочку на свой лад. Подавая еду, не ставила ее на поднос и палочек для еды тоже не давала. Перед тем, как подать рыбу, ее не разделявала. Когда старшая сестра и ребенок самой кормилицы насыщались, кормилица вцеплялась в остатки зубами и съедала даже кости и голову. Она при этом щелкала зубами, словно собака. Как будто бы она воспитывала щенков!

Кормилица младшей сестры учила девочку каллиграфии, старым стихам и всему такому в этом же духе. А в свободные часы, мастерила для нее красивых кукол, чтобы порадовать ее сердце. Кормилица всегда была рядом и подавала советы и в те минуты, когда девочка делала что-то не так, поправляла ее. Она так многому научила девочку, что в десять лет та уже вела себя совсем по-взрослому.

Кормилица:

— Это ты написала? Если будешь хорошенько упражняться в каллиграфии, я сделаю тебе очень-очень красивую куклу⁴.

Со временем старшую сестру стали называть Восточной госпожой, а младшую сестру — Западной госпожой. Люди, увидевшие кормилицу старшей сестры, говорили: «Ужас! Другой такой не сыщешь!» — и так получилось, что ее прозвали Драконшей.

Еще в доме жила женщина, любившая во все дела совать свой нос и сплетничать, люди звали ее не иначе, как Дьяволицей. У Восточной госпожи она только и делала, что ругала Западную госпожу, а придя к Западной Госпоже говорила гадости про ее сестру, однако никто там ее и слушать не хотел. А вот Драконша была совсем не прочь распустить слухи о том, что было и чего не было, и обругать за глаза других. Когда же дело касалось ее самой, даже если она знала, что говорят правду, она злилась и бесилась. Дьяволице это нравилось, вот она и ходила к Драконше — наплевисти небывлиц. Поскольку Дьяволица часто бывала в покоях старшей сестры, Драконша считала ее своим человеком и разговаривала с ней, не таясь.

Однажды Дьяволица сказала своей злобной соседнице:

— Западная госпожа вечно проводит время в занятиях каллиграфией и старыми стихами.

Драконша ответила:

— Вот как? Человеку достаточно уметь сделать запись в расходной книге. Девочка, ты тоже хорошенько меня послушай! Стихами да писаниной живота не набьешь — ни денег не получишь, ни пропитания. Учись тому, что люди с достатком не умеют делать: расходную книгу вести и считать хорошенько.

И она тут же стала учить девочку счёту.

Драконша:

— Учись: дважды девять будет восемнадцать.

Старшая сестра:

— Дважды девять — восемнадцать. Это девять — два раза, да?

Драконша:

— Да, а тридцать шесть?

Старшая сестра:

— Четырежды девять будет тридцать шесть, правильно?

Драконша:

— Ты меня удивляешь. Прямо схватываешь налету! Молодец! Даже если ты выйдешь замуж за кладовщика — не осрамишься. Это поважнее всякого там баловства, вроде рисования, цветочных узоров, стихов или каллиграфии. Именно в этом и есть настоящий талант.

Дьяволица:

— Именно так, верно твоя кормилица говорит, это умение нужно.

Драконша:

— Что бы там ни говорили эти бездельники, я учу ее нужным вещам.

Дьяволица:

— Я и сама это всегда говорю. А кто только вас этому научил?

Драконша:

— Это я научилась, когда жила с господином кладовщиком.

Дьяволица:

— А вдруг кто-нибудь расскажет родителям Восточной госпожи о ваших занятиях? Ох, уж они тогда не скажут: «Кормилица — хороший человек». Как подумаю об этом, тут же в ярость прихожу!

Хотя то, о чем рассказывала Дьяволица, обычно было лишено каких бы то ни было оснований, слухи об уроках Драконши, конечно же, пошли гулять по свету. Дьяволица отправилась к Западной госпоже и наговорила там настоящих гадостей:

— Драконша учит девочку счёту! Этому презренному занятию! А ничему другому не учит!

Однако ни тамошняя кормилица, ни сама Западная госпожа не отвечали ни словом. Кормилица не отрывала взгляда от кота, на котором занималась с девочкой, и ни на что другое внимания не обращала. Ведь если хоть единым намеком ответить на злословие, то в другой раз твои, пусть и добрые, слова будут тоже переданы как злословие. Чтобы этого не случилось, Дьяволице всегда отвечали с большой осторожностью.

Кормилица:

— Для начала настрой инструмент. Если ты хоть немного ошибешься в тональности, звук выйдет неблагозвучным. Кобылка в кото — очень важная вещь.

Младшая сестра:

— Должна ли я подтянуть пятую и десятую струну?

Кормилица:

— Нужно подтянуть так, чтобы струны дрожали.

Дьяволица:

— А ту девочку учат счёту, и Драконша говорит: «Ты хорошо запоминаешь», — и радуется. Это истинная правда. А ведь высокородной девушке прилично учиться только вещам утонченным. Эта Драконша не должна выпускать свои когти! Это позор! Позор!

Отправившись к Драконше, Дьяволица ей сообщила:

— Когда я ходила к Западной госпоже, ее кормилица спросила: «Это правда, что девочку учат счёту? Это ужасно! Это такое умение, которым должен владеть гадальщик или же кладовщик, так я понимаю. Учить девочку этому — вне всяких приличий». Потом взяла кота и спросила: «А вот музыке ее разве не учат?» Она рассмеялась, а я рассердилась и ушла, даже чаю

«Осеннее полнолуние»

не попила. Она ни в коем, ну ни в коем случае не должна так говорить. Но она очень красноречивая, это уж точно. Я постеснялась что-либо возразить и не сказала о том, что на самом деле я с вами полностью согласна. И теперь мне стыдно за это.

Ее слова разозлили Драконшу:

— Какой прок тянуть струны кото! Да эти люди от жизни отстали! Все продолжают учиться такой ерунде, над которой люди смеются. Да я сама никому не уступлю, если что-то тянуть нужно. Давным-давно, когда меня взял господин из провинции Этидзэн, я научилась пряхть — нити тянуть. А когда он сказал: «Протяни канал для орошения!» — я сделала так, что люди хвалили меня. И на пугало я тряпки натягивала. А когда у меня был господин из Ясэ, я и деревья на себе тягала, и коня за повод тянула. А в горах Юно-яма в провинции Сэтцу рубанком сколько водила-тянула! А когда приходилось двуручной пилой пилить, я тянула не хуже другого. Когда я жила с господином из бухты, я и сети тянула и лодку на берег вытягивала. А когда одна жила, мне фитиль в лампе приходилось вытягивать, а чтоб чай истолочь, ручку мельницы крутить-тянуть. И все эти дела — очень важные.

Она продолжала:

— Когда я была молодой, у меня был друг, слепой сказитель, он научил меня играть на бива. Я тогда много мелодий запомнила, да только сразу и позабы-

ла. Но те песни, в которых рассказывается о битвах, нравились мне еще с детства, их-то я часто играла, до сих пор помню. Всему тому, что знаю, я обучу мою девочку. Только ни у меня, ни у нее нет инструмента. Одолжу бива у министра и тут же ее научу. Обычно люди щеголяют тем, что знают «Гэндзи», а я помню наизусть всю «Повесть о Хэйкэ»⁵, когда хочешь могу рассказать. Люди станут рассказывать «Гэндзи», а я расскажу «Хэйкэ». Никому я не уступаю, никому!

Кормилица запела.

Когда идет снег и тает в каждой
Развилке ветвей, раздолье воронам;
Хочу, чтобы прошли весна и лето,
Доживу до осени — новый год отпраздную.
Если бы у меня была лепешка величиной с небо,
Я бы съела ее — будто жизнь моя подходит к концу.

Кормилица:

— Знаете, из всех мужчин, которые у меня были в жизни, у меня текут слезы, только когда я вспоминаю друга моей молодости по имени Конъйти. Этой песне меня научил тоже он, вот я ее и вспомнила. Если что-то такое есть в твоих мыслях, это обязательно как-нибудь да проявится. Говорю вам это как на исповеди.

Дьяволица:

— И правда, смешно и подумать обо всех этих людях! Сколько они мнят о себе! А про вас никто ничего не знает! И вы никогда никому не говорили, что обладаете таким талантом! Вот и я до сих пор все думала, о чем это вы льете слезы? А теперь поняла и сама готова заплакать.

Однажды жена сказала министру:

— Мне говорили, что кормилицы учат девочек музыке — одну играть на кото, другую на бива, а мы еще их не слышали. Сегодняшний вечер — особенный, осеннее полнолуние. Может этой ночью позовем девочек развлечь нас и устроим праздник?

— Пусть будет по-твоему, — ответил тот.

Пришли девочки. Поскольку это происходило в полнолуние, то «луну» и выбрали темой для стихосложения.

Жена министра сложила:

Пока ждала,
Уж середина осени
Минула.
И вот сегодня полная луна,
В ней нет изъянов.

«Концерт»

Левый министр ответил:

Хоть не считал я дней,
Но вижу отблеск света
На водной глади.
Как будто зеркало шлифует
Луна осенней ночи.

Младшая сестра произнесла:

В пору цветенья вишни,
Весенняя луна
Чуть-чуть ее напоминает.
Но только этой лунной ночью
Особенное небо.

А старшая сестра сложила так:

Не отрываясь
Сколько ни смотри
На этот круглый блин,
Ее не съешь,
Луну-лепешку.⁶

Когда она произнесла эти слова, все пришли в негодование, но министр сказал:

— И вправду — не съешь луну-лепешку... — он улыбнулся, и все почувствовали некоторое облегчение.

Вскоре музыканты достали флейты и в такт друг другу полились звуки. Это было замечательно. Когда сгустилась ночь, и сердца очистились, звуки кото

младшей сестры зазвучали ослепительно благородно и изящно. Бесконечно тронутые министр и его жена, сами того не желая, расплакались.

— Мы и не думали, что она уже такая взрослая, — говорили они, расчувствовавшись.

Старшая сестра хоть и положила перед собой бива, но инструмента все не касалась. Поскольку она была очень смущена, Драконша, стиснув зубы, выступила вперед. Министр сказал:

— Разве наша старшая дочь не учится играть на бива? Сыграй как можешь!

После этих слов старшая дочь повертела колки, подергала струны, выбрала нужный плектр и заиграла. Пытаясь угадать мелодию, флейтисты навестили уши. Но услышали только: «Трень-брень, трень-брень, трень-брень...» Музыканты никак не могли ей подыграть, и все почувствовали, что сыты такой музыкой по горло.

Министр хоть и не надеялся, что дочь сыграет хорошо, но поняв, насколько бездарно она играет, рассердился:

— Так, как ты сейчас играешь, играют только слепые сказители! Вот мы говорим: слепые... В годы Энгиды четвертый сын императора, звавшийся Сэмимару, был слепым. Он удалился в горы Аусака и там успокаивал свое сердце, играя на бива. В своей соломенной хижине он проводил месяцы и дни за этим занятием. Если играть на бива, подражая ему, получится старинная музыка. Но сейчас так не играют. Монах Гэнъэ сочинил повесть о войне Минамото и Тайра⁸, и тогда слепые сказители научились рассказывать эти истории, задавая себе ритм игрой на бива. Это вовсе не музыка. Неужели ты считаешь, что кото и бива — одно и то же? Ты говоришь «Повесть о Гэндзи», а похоже это на «Повесть о Хэйкэ», так не годится. Ведь Минамото — это Гэндзи, а Тайра — это Хэйкэ. Есть много традиций комментирования «Гэндзи моногатари». Например, написано, что принцесса Сэнси, дочь императора Мураками, была названа Великой жрицей. Как-то весной, когда одолевает скука, она сказала императрице Дзётэмонъин, жене императора Итидзэ: «Вот если бы была интересная повесть...». И тогда позвали Мурасаки Сикибу, дочь правителя провинции Этидзэн по имени Тамэтоки. Ее спросили: «Не знаете ли вы какой-нибудь занимательной повести?» Она ответила так: «Старые повести, вроде «Отикубо»⁹, не интересны. Вот если бы появилась новая повесть, это было бы замечательно». Ей было сказано: «Попробуйте, напишите». Она заперлась в храме Исидэ и написала пятьдесят четыре главы «Гэндзи». А благодаря тому, что она превосходно написала главу о юной Мурасаки, она стала известна как Мурасаки Сикибу¹⁰. Не станем больше продолжать разговор о кото

и бива, я зря его затеял. Это твоя кормилица научила тебя так играть на бива?

Девочка ответила, что он прав. Министр сказал:

— Эта кормилица очень дурно влияет на нашу дочь.

Драконшу выгнали, а к дочери приставили подобающую женщину. Старшая сестра была очень благородной, и все это получилось исключительно из-за того воспитания, какое дала ей кормилица. После ее ухода все исправилось.

Кормилица младшей сестры и прежде чувствовала себя неважно, а теперь ее здоровье и вовсе расстроилось, и ей пришлось уехать домой. Грустя о том, что она уже ничем не сможет помочь своей воспитаннице, кормилица написала ей письмо¹¹.

«Мне так хотелось преодолеть свои недуги и не оставлять тебя до тех пор, пока ты не станешь сама отличать добра от зла! Я только об этом и мечтала. Но в нашем брэнном мире сегодня ты есть, а завтра уже и надеяться не на что. Что ждет тебя, когда меня не будет с тобой? Неуверенность и печаль. И чем больше ты станешь думать обо мне, тем тяжелее тебе будет.

Выгода тридцатилетнего возраста состоит в том, что человек прекрасно понимает что к чему, а вот в двадцать он ни в чем не уверен. Но как бы тяжело не было для тебя лишиться меня, ты понимаешь больше своих погодков, ты уже почти взрослая, так что я думаю, ты сможешь понять все то, что я вверяю своей кисти. Я опишу все в деталях. В часы печали или досуга, прочти мое письмо и утешься.

Итак, человек — это его душа. Даже если ты красавица и в искусствах тебе нет равной в мире, ничто тебе не послужит опорой, если душа твоя лишена

«Дама, сочиняющая стихи»

крепости. Живи в согласии со своим сердцем, но даже если все пойдет в соответствии с твоими помыслами, остерегайся людской молвы. Не держи себя так, чтобы возбудилась злоба и осуждение. Когда человек по разумению своему старше своих лет, это хорошо. Но все же пока ты молода, не следует входить в круг людей много старше себя. Плохо и оставаться одной, отвернувшись от всех. Продвигайся вперед не слишком быстро, но и не отступай. Даже когда что-то тебе не по сердцу, скверно, если не умеешь держать себя в руках.

Главный дар женщины — почерк. Изящное письмо — удовольствие, по твоей руке станут судить и о твоём происхождении, и о том, что у тебя на сердце. Да продлится вечно век нашего августейшего государя! Возможно, что написанное тобой доведется увидеть и ему, и он полюбит тебя. Обычно женщина не должна употреблять много китайских иероглифов, но использовать иероглифы, записывая, например, заголовок стихотворения вовсе не будет ненужным или излишним, если эта надпись будет сопровождать стихотворение, записанное летящей скорописью.

Рисование не является первостепенным талантом. Но все же научись искусно изображать людей, а чтобы развеять скуку рассматривай картинки к повестям-моногатари. Повторяю тебе еще и еще раз: наслаждайся поэзией. Не подобает, если стихотворение, написанное женщиной, выделяется особым талантом. В то же время нехорошо, если ты пошлешь стихотворение обаятельному человеку, а в нем не окажется души. Содержание стихотворения должно быть тонким, как это описывается в «Ночном журавле»¹². Прочитай это сочинение. И еще: хорошенько выучи стихи из «Собрания старых и новых песен» и из «Нового собрания старых и новых песен»¹³.

Еще и еще раз повторяю: пройдут годы, и многое будет тревожить твое сердце. Что бы ни случилось — печали, горести — глубоко, всей душой, верь в будд и богов. Если в сердце есть вера, никакое зло не страшно.

«Гэндзи», «Ёцуги»¹⁴, «Исэ моногатари»¹⁵, «Сагоромо» и другие повести нужно обязательно прочесть хотя бы раз. Эти произведения вызывают бесконечное восхищение, и если познакомиться с ними в детстве, не забудешь никогда.

Никогда не допускай легкомысленных отношений с мужчинами. Попусту обмениваться письмами с мало знакомым человеком — дело недостойное. Как цветок распускается весной, любовь освещает человека только раз, а при повторении чувство обязательно блекнет. Обычно с человеком следует иметь отношения ровные, не далекие, но и не близкие. Если завязать отношения с мужчиной безродным, о тебе станут

говорить то же самое, что и о нем, и ты окажешься в жалком положении. К такому человеку отнесись с добротой, но не отдавай ему своего сердца. А вот со своим избранником не будь слишком далекой, но будь неуловимой, вспомни утренний снежок на равнине Касуга¹⁶ или реку, что связывает два святилища Камо¹⁷, пусть ваша связь крепнет, но оставайся по-прежнему за занавесками, будто хочешь, чтобы они тебя защитили. Беседуя с мужчиной, не будь слишком смелой, это неприятно. Нет ничего более трудно-го, чем растопить сердце мужчины.

Всю жизнь следуй наказам родителей и никогда не говори неприятного им. Сама руководствуйся правильными примерами, но никогда не указывай другим людям, иначе они станут тебя ненавидеть.

Таков уж наш бранный мир: сосна, осенявшая нас, засохла, хвоя с ее нижних ветвей падает¹⁸... После того, как я уйду из этого мира, тебе мало на кого можно будет опереться, ты останешься одинокой. Но помни: ты не сможешь скрыть того, что видят и слышат близкие к тебе слуги.

Твое положение так или иначе определено с рождения, поэтому все за тебя спокойны. Я же всегда старалась услужить тебе, чтобы не подул на тебя холодный ветер; прикрыв тебя еще одним одеялом, я смотрела, чтобы твоя одежда не была слишком тонкой для холодной ночи; я заботилась о том, чтобы вода из источника не была студеной, и даже о том, чтобы ветерок от моего веера в жаркие дни не был неприятен тебе. Я знаю, что уже завтра ты станешь, словно распустившийся цветок. Я все время молюсь о том, чтобы твои черные волосы выросли длинными-предлинными. И утром, и ночью прошу, чтобы были ниспосланы тебе люди, которые станут о тебе заботиться, тебе служить и тобой восхищаться. От судьбы не уйдешь, а уж как она сложится... С тревогой я думаю о том. Если тебе повезет и ты станешь избранницей государя и придешь жить во дворец, и государь будет любить тебя, все равно никогда не позволяй себе ссориться с людьми или ненавидеть их. Даже в самые тяжкие для тебя времена не позволяй себе выказывать ожесточение.

Если же тебе будет тяжело и страдания станут непереносимыми, тогда следует придумать надлежащий повод и покинуть службу. Под предлогом болезни получи на то высочайшее соизволение и, став монахиней, живи покойно. Удалиться от мира — доля благостная и желанная. Это относится не только к жизни во дворце. Где бы и с кем бы ты ни жила, никогда не выражай неудовольствия и не предавайся пустым развлечениям. Обдумай мои слова как следует. Даже если человек благоденствует в этом мире, он может

«Дама с веером»

заблудиться на темных дорогах мира иного, все так горько и мимолетно...

В любом случае, такой нежности и благосклонности, как в родительском доме, уже нигде не будет. Пока ты живешь вместе с родителями, они — твоя опора, вроде крепких деревянных столбов. Сколько бы времени ни прошло, не забывай о них и думай о них с нежностью. Это будет тот свет, который не даст тебе заблудиться на темной дороге, всегда имей его в своем сердце и не меняй направления. Никогда не поступай наперекор родителям. Сколько бы времени ни прошло, пусть никогда они не испытают горестей в этом мире. На свете немало людей, которые скажут плохо об умершем человеке. Снова и снова повторю тебе: это ужасно. Оставить о себе дурную память после смерти хуже, чем испытать стыд при жизни.

Помни, что иметь близких людей — счастье даже для того, кто выбрал дорогу монаха. И ночью, и днем я молюсь только о том, чтобы твой жизненный путь был благополучным и стал бы примером для хороших людей. Боги Касуга никогда не ошибаются¹⁹.

Пусть я уже начинаю повторяться, помни, главное в человеке — как он держится. Со всем вниманием отнесись к этому и следи за собой.

И ещё вот что. Сколь бы почитаемым не был монах, нельзя, чтобы он бывал у тебя, или ты навещала бы его слишком часто. Люди станут говорить, что этот монах — твой любовник, а это постыдно. В мире

много мудрых монахинь. Нужно подружиться именно с такой и положиться на нее как на наставницу в будущей жизни.

И ещё. Когда составляешь ароматы, вкладывай в них все свое сердце. Если ты даришь их кому-то, они должны быть совершенными. Именно через ароматы чувствуются самые глубины сердца. Твои ароматы должны быть самыми лучшими.

Веер открывает в человеке исключительно много. Держи веер так, чтобы показать обаяние своей души.

Если в отличие от других людей тебя не трогают весенние цветы или осенние листья клёна, тогда любуйся подернутым инеем зимним пейзажем, он трогает душу. Нет ничего прекраснее, чем пожухшее поле. Рядом со своим жильем вырасти сад и любуйся им. И снова повторю: изучай этот бренный мир, наблюдая за цветами и птицами, тогда познаешь печальное очарование вещей, и тогда твое сердце никогда не будет высокомерным. Если сорную траву выдернуть одиножды, какой-нибудь корешок да останется, но если выдергивать ее раз за разом, в конце концов сорняк погибнет. Так и заблуждения: приходится рассеивать их много-много раз, ничего с этим не поделать. И печаль и радость — это всего лишь сон, вот что следует себе уяснить как следует. Если что-то происходит против твоей воли или неожиданно для тебя, пусть никогда в твоём сердце не возникнет упрека по отношению к другим людям. Во всем совершенно положишься на будд и богов.

Думай о старших так, будто они твои родители, а о младших так, будто они твои младшие сестры, — с глубоким сочувствием. Так подобает себя вести и никогда от этого не отступать. Заботься о людях, не показывай этого. Хорошо, когда человек обладает добрым сердцем. Чтобы в твоей жизни ты добилась процветания и счастья, нужно быть глубоко милосердной и благодетельной к людям».

Так было написано в послании.

Младшая сестра прочла это письмо, еще больше прониклась любовью к кормилице и всегда держала письмо при себе. Уж как интересны повести с картинками, но если их читать множество раз, они начинают надоедать. Но каждый раз, когда она читала это письмо, оно снова и снова волновало ее, ее надежды множились, а слова письма блистали все ярче и ярче. Она думала о безграничности души кормилицы и хранила память о ней, зная, что другой такой не найти.

Когда Драконша прознала про это, она сказала:

— Пишет всякую ерунду с видом знатока! Да ни чем я не хуже!

И она тоже написала письмо своей воспитаннице.

«Причиной тому, что мне пришлось навсегда с тобой расстаться, — людское злословие. Обо мне говорили, что я суюсь не в свои дела и меня невозможно переубедить. Вот почему все так и вышло.

Итак, человек — это его манеры. Если ты скромна и людей сторониться — это плохо. Заходи прямо в дом и начинай разговор. Если ты не болтаешь с другими людьми, тебя станут недолюбливать и считать гордычкой. И о том, что знаешь, и о том, чего не ведаешь, болтай бойко, трещи как сорока²⁰. Пусть даже человек незнакомый, из какой-нибудь дальней земли или неизвестной тебе деревни, все равно говори с ним так, как говорят между собой родители с детьми, тогда тебя станут хвалить, какая ты открытая. Если станешь говорить одну только правду, будешь слишком уж честной, то будешь производить впечатление дуры, — вроде только с гор спустилась. Куда лучше выдумывать и лгать. Если покажешься застенчивой, тебя назовут неудачницей и станут смеяться. А вот если всегда будешь иметь вид разгневанный и лютой, станешь уважаемым человеком.

Куда это годится, если человек ничего не хочет! Даже если что-то принадлежит другому, что ж, попробуй выпросить. Ну, а если не дадут, чего тут стыдиться! Если удастся выпросить один раз из десяти — это уже выгодно.

На протяжении всей нашей долгой жизни в этом бренном мире нам необходима еда. За кого бы ты ни вышла замуж, знай, как с самого начала себя поставишь, так дальше и пойдет. Если еды мало и не хватает всяких разных вещей, нужно жаловаться: «Несчастливая я! Так нельзя! Я к таким условиям не привыкла!» Следует быть скупой. Еда для всех людей важна. Если ешь по чуть-чуть, выглядишь безобразно, будто манерничаешь. Если в животе еще есть место, отхватывай куски побольше и отправляй в рот. Особенно вино — его сколько ни пей, ничего плохого не будет. А если захмелеешь — говори все, что хочешь. А если допилась до того, что в горле захлюпало, тогда ты уже на небе, ничего не стыдно.

Считается, что в присутствии мужчины, даже если это твой муж, нельзя своевольничать. Это ерунда. Если ты хоть немного не согласна с мужем, вцепись в него смертельной хваткой, как в пьесе «Канава»²¹, стань страшным мстительным духом, заранее обдумай, какие слова ты бросишь ему. Порой следует показать, что твое сердце может быть и свирепым. Забудь и о родителях, и о своих детях, достаточно того, чтобы у тебя одной все было хорошо. Молиться о будущей жизни — путь к тому, чтобы стать отвратительной бедной монахиней. Вместо того, чтобы молиться о загробном мире, проси счастья и достатка сейчас».

Интересно посмотреть по этим письмам, насколько не схожи души двух этих женщин. Ребенку нужно воспитание. Добро и зло он понимает так, как его учат, даже в пустячной игре нужно показывать ребенку образец, следует учить его писать и читать. Вот пример: обезьяна — животное, обитающее в горах, вдали от человека, но если обезьяну взять в дом и обучить ее всяким трюкам, то она станет делать то, что вы захотите. И уж тем более человек может научиться чему угодно, а если его ничему не умели научить, если и манеры и характер у него плохи, то это вина родителей. Вот и возникает в сердце родителей вопрос: у их ребенка и характер плохой,

и в искусствах он не преуспел, отчего он так воспитан? Хорошо различать, где добро, а где зло — вот чему следует учить ребенка!

Ну так вот, младшая сестра пришла в государев дворец и стала дамой из Кокидэн — Дворца щедрых наград. Она обладала душевным изяществом, спокойным обаянием, глубоким милосердием; ее полюбили и знать и придворные, ее пример благостен. Старшая сестра, поскольку ее сердце было разумным, сумела разобраться, что есть добро, а что есть зло, и выросла без недостатков. В свое время она стала женой Внутреннего министра и тоже явила собой пример человека благостного.

Перевод М. В. Торопыгиной

Комментарии

¹ Предлагаемый читателям рассказ был написан в эпоху Муромати (XIV–XVI вв.), автор неизвестен. Перевод выполнен по изданию: Муромати моногатари сю. Т. 2. Токио, «Иванами сэтэн», 1999. Поскольку иллюстрированных списков данного произведения не сохранилось, иллюстрации взяты из других произведений: «Цурэд-зурэгуса» («Записки от скуки») и «Бунсё соси» («Солевар Бунсё»).

² «Гэндзи моногатари» — знаменитый роман Мурасаки Сикибу, вероятное время его создания — самое начало XI в.

³ «Сагоромо моногатари» — роман XI в., возможным автором является Рокудзё Сайин Байси Найсёно-но Сэндзи (1022?–1092). Произведение в значительной части построено на мотивах «Гэндзи моногатари».

⁴ Подобные «выделенные» реплики персонажей обычно сопровождают иллюстрации в рукописях средневековых произведений.

⁵ «Хэйкэ моногатари» — историческое повествование XIII века, рассказывающее о столкновениях между родами Тайра (Хэйкэ) и Минамото (Гэндзи) в XII веке.

⁶ Стихотворение построено на омонимии слов «моти» — пятнадцатое число месяца, т. е. тот день, когда луна полная, круглая и «моти» — рисовые лепешки.

⁷ В начале X века.

⁸ «Хэйкэ моногатари» — сочинение анонимное, однако некоторые средневековые источники действительно называют его автором монаха по имени Гэнзэ.

⁹ «Отикубо» («Отикубо моногатари») — анонимная повесть, созданная, вероятно, в конце X века. Японский вариант «Золушки» — сюжет о злой мачехе.

¹⁰ Изложенная здесь версия создания романа «Гэндзи моногатари» следует версии сочинения «Мумёдзоси» («Записки без названия»), анонимного произведения, созданного в период 1190–1202 годов.

¹¹ Следующее дальше письмо кормилицы составлено по модели сочинения «Письмо кормилицы» («Мэното-но фуми», другое название того же сочинения — «Семейное наставление» — «Нива-но осиэ») Абуцу-ни (?–1283). Абуцу-ни — одна из самых выдающихся женщин эпохи Камакура. Она была поэтессой, оставившей более 300 стихотворений, автором двух дневников («Утатанэ-но ки» — «Записки сквозь дрему» и «Идзайэ никки» — «Дневник полнолуния»), других сочинений, была признанным знатоком «Гэндзи моногатари». Вторым мужем Абуцу-ни был поэт Фудзивара-но Тамэиэ (1198–1275). Считается, что «Письмо кормилицы» Абуцу-ни написала для своей дочери, когда та должна была быть представлена ко двору.

¹² «Эру-но цуру» — сочинение Абуцу-ни по стихосложению.

¹³ «Кокисю» (905–920), «Синкокинсю» (1216) — знаменитые поэтические антологии.

¹⁴ «Ёкуги» может обозначать либо «Окагами» («Большое зерка-

ло»), либо «Эйга моногатари» («Повесть о славе») — историко-литературные произведения конца XI — начала XII вв., прославляющие род Фудзивара.

¹⁵ «Исэ моногатари» — произведение жанра «поэтических моногатари» X века.

¹⁶ Имеется в виду стихотворение Мибу-но Тадаминэ (898–920):
касуга-но но / юки ма о вакэтэ / овидэ куру / куса-но хацука-ни / мизси кими ва мо
(Как на равнине Касуга / Сквозь снег / Пробившуюся / Травку, лишь мимолетно / Увидел я тебя).

¹⁷ Имеется в виду стихотворение Минамото-но Ситаго (911–983):

хацука-ни мо / омоикакэтэ ва / юфудасуки / камо-но кава нами / татийэрадзи я ва
(Мимолетна / Наша любовная / Связь. / Волны реки Камо / Не бьются в берег).

¹⁸ Имеется в виду стихотворение из «Гэндзи моногатари»:
кагэ хироми / таномиси мацу я / карэникэмэ / ситаба тириюку / тоси-но курэ кана
Широкой тенью / Защищавшая нас сосна / Засохла / Хвоя с нижних ветвей опадает / Это сумерки лет.

Ужели засохла

Сосна, осенявшая нас

Сенью надежной?

Хвоя с нижних ветвей опадает,

Печальны сумерки года... (перевод Т. Соколовой-Делюсиной) т. 1, с. 192

¹⁹ Храм Касуга в Нара — родовое святилище рода Фудзивара. По этой фразе, а также по тому, что среди сочинений, которые кормилица советует прочесть своей воспитаннице, упоминается «Ёкуги моногатари», можно предполагать, что министр принадлежит к роду Фудзивара.

²⁰ В японском оригинале символом болтливости выступает японский сорокопут — небольшая птичка семейства воробьиных.

²¹ Пьеса «Канава» относится к группе пьес «о безумных». Брошенная мужем ради другой женщины героиня, желая отомстить, просит помощи у божества святилища Кибунэ. Через служителя храма божество передает женщине, что она превратится в стигийского демона, надев на голову корону с тремя металлическими кольцами. Муж женщины, которого мучают ночные кошмары, обращается к гадателю по имени Абэ-но Сэймэй, который поясняет ему, что причиной кошмаров является жаждущая мести бывшая жена мужчины и что в следующую ночь она придет убить его. Жена появляется в облике демона, завязывается борьба. Своими молитвами Абэ-но Сэймэй помогает мужчине победить демона.

Харада Ясуко — известная японская писательница. Родилась в 1928 г. в Токио. Через два года её семья переехала на Хоккайдо, в город Кусиро, и действие всех произведений Харада Ясуко разворачивается именно на Хоккайдо. В 1948 г. она становится корреспондентом местной газеты и в том же году в журнале «Хоппо бунгэй» («Литература Севера») публикует свой первый рассказ «Зимний дождь». Известность ей принес роман «Элегия», печатавшийся в «Хоппо бунгэй» в 1954—1955 гг., изданный впоследствии отдельной книгой и ставший бестселлером. Рассказ «Гортензия», опубликованный в 1954 г. в литературном журнале «Синтё», заслужил похвалу знаменитого писателя Ито Сэй.

В тот год, когда я стала старшеклассницей, меня отправили на лето подлечиться и отдохнуть на горячие источники К.

Я росла болезненным ребенком. Почти весь год мне пришлось пролежать в постели, поэтому я стала бледной и худенькой, зато очень вытянулась. Чем только я не переболела! С детства у меня была предрасположенность к простудам и бронхитам, а теперь к тому же начинался туберкулез. В учебе я никогда не добивалась выдающихся успехов и в частную женскую школу смогла поступить лишь потому, что папа попросил своего друга, влиятельного городского чиновника, поговорить с директором. Меня же это совсем не радовало. Красивая черная школьная форма с матросским воротничком была мне не по росту и совсем не к лицу, и, надев ее, я испытывала какую-то неловкость. Каждый день я отправлялась в школу, дрожа от страха. На уроках я скучала, а для того, чтобы обзавестись хорошими подругами, оказалась слишком робкой. Поэтому, когда на второй месяц занятий у меня началась легкая лихорадка, я с легким сердцем пропускала школу. Когда же температура спала, я впала в отчаяние, но, как только было решено отправить меня на горячие источники, быстро пошла на поправку.

Харада Ясуко

Гортензия

Горячие источники находились в Такахара. От города, где мы жили, до них было четыре часа езды — сначала на поезде, потом на автобусе. Со мной поехала мама. Всю дорогу она повторяла:

— Здешний воздух непременно пойдет тебе на пользу. Уже к осени ты поправишься!

Из-за моей болезненности мама всегда волновалась за меня больше, чем за других детей.

Я заболела в мае или июне. В это время года наш город (да и вообще все восточное побережье Хоккайдо) часто окутывался густым туманом, солнечные дни были редки. Мама считала, что влажный климат и явился причиной моего слабого здоровья. Возможно, это и так. Но я была мечтательной, романтичной девочкой и очень любила морской туман. А когда небо прояснялось, я даже расстраивалась.

Вот и в тот день, когда мы с мамой уезжали на источники, город был затянут пеленой влажного тумана, и у меня защемило сердце от непонятной печали. Но чем дальше поезд уходил на север, тем яснее становилось небо. Отчего-то мне сделалось одиноко, и я лишь рассеянно рассматривала листовые рощи и заросли белых вишен, тянувшиеся вдоль железной дороги.

Мама выбрала для моего лечения местечко К, не только потому, что там был хороший климат. Там находилась старинная гостиница под названием «Ямасиро», хозяина которой хорошо знал мой отец. Мама собиралась оставить меня там одну, и удачнее всего для этого подходила, конечно, гостиница «Ямасиро». Мне объясняли это много раз. Отец был человеком своенравным, он не любил кушанья, приготовленные служанкой, а две младшие сестры были еще совсем крошками, так что мне и самой были понятны причины, по которым мама не могла надолго оставить дом. К тому же, испытывая какую-то смутную надежду, я с нетерпением ожидала возможности пожить одной. И все же, когда этот момент, наконец, настал, я очень разволновалась.

«Ямасиро» оказалась большой старой гостиницей с густой сосновой рощей позади. Над рекой, огибающей дом, постоянно клубился белый пар. Отведенная мне комната находилась на втором этаже отдельного флигеля. Здесь было много маленьких комнат. Возможно, в некоторых из них жили, но я

редко встречала кого-нибудь из постояльцев, везде было очень тихо.

Меня не слишком заботил вопрос о том, как бы мне поскорее поправиться, но я добросовестно следовала маминим наставлениям. Дни проходили довольно однообразно: легкая утренняя прогулка, после обеда — отдых. Часа два я спала, а потом рисовала, читала книги. Учебу я не любила, а вот читать обожала. В детстве я восхищалась «Али-Бабой», а тогда моей любимой книгой были «Греческие мифы». Я часто их перечитывала, а потом, вдохновленная, сочиняла свои собственные истории и сама же наслаждалась ими. Больше всего меня воодушевлял миф о Нарциссе, превратившемся в цветок. Я очень сочувствовала Нарциссу и придумывала, как оттащила бы его от воды, если бы оказалась рядом. Все мои «истории» и начинались с таких волнующих моментов. Но к вечеру даже это развлечение надоедало мне, и тишина комнаты начинала действовать на меня угнетающе.

В соседних номерах царил безмолвие. Справа жила какая-то старушка, иногда я видела ее в коридоре. В комнате слева вообще не было заметно признаков жизни, однако служанка Окэи всегда ставила столик с обедом и перед этой дверью. Я представляла в мечтах, что там живет прекрасный юноша, и ни на минуту не допускала мысли о том, что за дверью скрывается какая-нибудь толстая тетка или бородатый старичок.

Само путешествие, а уж тем более жизнь в одиночестве были для меня непривычны, и время от времени мне становилось очень грустно. Однажды вечером я вышла в коридор и долго стояла у окна. В темном коридоре не было ни души, но из окна виднелся свет располагавшегося напротив главного здания гостиницы. Там толпами сновали туристы и школьники-экскурсанты. В общем гомоне выделялся хор девичьих голосов. Мои глаза наполнились слезами, когда я смотрела на все это оживление. Я хотела вернуться домой. Хотела, чтобы рядом оказался кто-то родной и любимый. Я не сблизилась даже с Окэи, не говоря уж о хозяйке гостиницы, хоть она и приносила мне фрукты и сладости. Возможно, причиной моих слез был небольшой жар. Я долго всхлипывала, никого не стесняясь. Для того чтобы предаваться печальным размышлениям, пустой коридор подходил как нельзя лучше. Поэтому я чуть не подпрыгнула от изумления, когда кто-то внезапно положил мне руку на плечо. Высокий мужчина в белом с темным узором кимоно, улыбаясь, смотрел на меня.

— Что с тобой?

Он заглянул мне в лицо. Смутившись, я отвернулась.

— Отругал кто-нибудь?

Я медленно покачала головой.

— А, ведь твоя матушка уехала домой! И тебе немного грустно, да?

Легонько потрепав меня по щеке, он пошел дальше, но по пути обернулся и дружески улыбнулся мне.

За ужином я решила после долгих колебаний спросить у Окэи об этом человеке. Я так его и описала: «Высокий мужчина в белой одежде с темным рисунком». Сначала полная круглолицая Окэи покачала головой в недоумении, но потом сообразила:

— Должно быть, это господин Хида.

— Как пишется его фамилия?

— Первый иероглиф тот же, что в слове «сравнивать». А почему ты спрашиваешь?

Я лишь загадочно улыбнулась:

— Он даже откуда-то знает, что мама уехала...

Окэи попыталась меня успокоить, видимо, решив, что я встревожена:

— Скучно, вот и наблюдает за всеми. Он тут рядом живет, в комнате слева...

Это было для меня настоящим открытием. «А почему же там так тихо?» — подумала я. В любом случае открытие было приятным. Хида совсем не походил на моего воображаемого героя, но он мне определенно нравился. Даже по отношению к Окэи я внезапно почувствовала нежность. В тот вечер я съела весь ужин без остатка, несмотря на то, что у меня была температура.

Вскоре я подружилась с Хидой. Вот как это произошло.

Три дня спустя, утром, когда я зашла в ванную, Хида был там. Он чистил зубы и улыбнулся мне, не прерывая своего занятия.

— Заходи ко мне! — сказал он.

Я ответила не сразу. На губах Хиды еще оставалась зубная паста, и мне было неприятно, но я быстро справилась с этим чувством. И вскоре была уже частым гостем в его комнате.

Отправляясь к нему, я брала с собой книги и принадлежности для рисования. Хотя Хида и приглашал меня в гости, он никак не занимал меня. Обычно он читал. Я привезла из дому пять или шесть книжек, но, украдкой осмотрев комнату Хиды, заметила тут всего лишь пару книг, и мне это показалось странным. Я-то думала, что у взрослых их должно быть гораздо больше. Но зато это были два толстых фолианта в твердых переплетах. Однажды я спросила, что это за книги, но Хида только улыбнулся:

— Это?

Я не любила надоедать с одним и тем же вопросом. На корешках я сумела разглядеть только: «Теория...», — но мой интерес был вполне удовлетворен. Я подумала, что вряд ли это очень увлекательное чтение.

Хида же, напротив, с любопытством рассматривала все мои книжки. Я читала тогда «Кота» Нацумэ Сосэки.

— Первый шаг в серьезную литературу? Ну как, интересно?

Я кивнула. На самом деле мне было не очень интересно. Так, чуть-чуть... Но мне хотелось показать Хиде, что я читаю взрослые романы.

Когда я что-нибудь рисовала, Хида обязательно просил дать ему посмотреть. Рисовала я обычно — пастельными карандашами или акварелью — города своей мечты, с башнями, замками и церквями.

— Ну, ты прямо Кирико! Да у тебя талант к живописи, — улыбался Хида.

Временами мне казалось, что он подсмеивается надо мной. Но все равно находиться рядом с ним было так весело и спокойно!

Из окна комнаты Хиды, так же, как и из моего, виделся лес и серный источник, над которым вечно клубился белый дымок. Иногда мы стояли и разговаривали, любуясь открывающимся пейзажем. Говорила почти всегда я. О родственниках, о скучной школе, о своем слабом здоровье. Хида слушал, кивая. О себе он ничего не рассказывал. А если я спрашивала, сразу переводил разговор на другое: «Ничего особенного. Все как у людей...» — или даже так: «А уютная у меня комната, правда?» Я сердилась и нарочито равнодушно поджимала губы, а он начинал подробный рассказ о чем-нибудь постороннем, например, описывал экосистемы окрестных лесов... Я думала тогда, что, вполне возможно, он хотел наскучить мне, чтобы я от него отвязалась и больше не приходила. Меня это очень огорчало. И вот однажды я сказала совершенно безумную вещь:

— В этом лесу наверняка живут нимфы. Как бы я хотела с ними встретиться!

— Нимфы? Это такие девочки, вроде тебя?

Я покраснела. Нимфы, которых я имела в виду, заворачивались в золотые волосы, сквозь которые просвечивали их обнаженные тела.

Во время наших разговоров лицо Хиды иногда ненароком оказывалось вблизи моего. Я немного пугалась. Хида был смуглым, с четко очерченными губами и носом, с густыми бровями, а глаза его были очень глубокими, словно два озера. Не знаю, считали ли его красивым другие, но мне все больше нравилось его лицо. Я даже приблизительно не представляла, сколько Хиде лет. Мне казалось, что где-то между двадцатью пятью и тридцатью, а решила я так потому, что сравнила его с Окэи, которой, я знала, было двадцать семь. Были дни, когда Хида выглядел моложе, чем она, а были, когда и старше.

Мне, конечно же, больше нравилось «молодое» лицо Хиды. Однажды он выглядел очень странно, и я сказала:

— Не люблю, когда у вас такое лицо. Обычно вы похожи на Апполона...

— Шутишь? — Хида натянуто улыбнулся.

— Что с вами сегодня?

— Здесь нет ничего интересного.

— Где это «здесь»?

— Отстань! — закричал Хида.

Я остолбенела. Ни родители, ни школьные учителя никогда не ругали меня. И уж тем более не было случая, чтобы на меня кричали. Кровь отхлынула от моего лица, а потом потихоньку закапали слезы. Я и не пыталась их сдерживать. Хида помолчал немного, а потом сказал:

— Плакса...

Он обнял меня за плечи, достал носовой платок и вытер мои мокрые глаза и нос. Но слезы никак не унимались.

— Глупышка... Не надо плакать.

— Но... — вскрикнула я, — я думала, что вы мой друг. А я вам, значит, никто?

Смешно, наверное, но мне совершенно искренне так показалось. Я очень расстроилась. Хида не ответил, но еще раз легонько обнял меня.

Я проводила у Хиды все больше времени. Поскольку он не хотел выходить из комнаты, до полудня я гуляла в одиночестве в окрестностях гостиницы, а вечерами приходила к нему. Случалось, что и ужинала я у Хиды. В такие дни еда казалась мне особенно вкусной. Окэи смеялась:

— Так и мне проще за вами ухаживать.

Когда подходило время ложиться спать, Хида отправлялся в ванную. Частенько звал и меня. Но я стеснялась идти вместе. Несмотря на то, что я была болезненным, слабым ребенком, моя грудь уже начала расти. Соски становились розовыми и твердыми, а если их встряхнуть, сильно болели. Эта тупая боль отдавалась во всем теле.

Ванная была общей, для мужчин и женщин, но я была бы совершенно спокойна, окажись я там с незнакомым мужчиной, однако я стыдилась, представляя, что Хида увидит мое тело! И все же мы отправились туда вместе, причиной тому послужила гроза.

Грозы в Такахаре ужасные. Гром гремит так, как мне никогда не доводилось слышать в моем прибрежном городе.

Однажды гроза началась посреди ночи. Оконное стекло дребезжало, я стучала зубами от страха, изо всех сил вцепившись в матрас. Наконец я влетела в комнату Хиды.

¹ Джорджио де Кирико (1888–1978) — итальянский художник.

— My friend! — беззаботно воскликнул он. — Что, испугалась?

Хида приподняла одеяло, я запрыгнула к нему в постель и прижалась к его широкой груди.

— Мне страшно, страшно!

— Все в порядке, не волнуйся!

Хида крепко обнял меня. Я продолжала бормотать: «Страшно, страшно...», — но мало-помалу страх проходил. Да и гроза постепенно удалялась. Успокоившись, я вдруг почувствовала, как бьется мое сердце. Оно колотилось как сумасшедшее, то ли оттого, что я испугалась, то ли, скорее, оттого, что Хида обнимал меня. Я испугалась даже, что он может услышать этот стук. Все вокруг было пропитано его запахом. Едва уловимый, похожий на аромат сухой травы, этот запах был мне очень приятен. Внутри все у меня сжалось, но я продолжала лежать рядом с Хидой. Пальцы моих ног доставали ему до колен.

— Все, малышка, я уже сплю! — Хида ослабил объятия.

Тут я и заснула.

Когда я утром открыла глаза, Хида безмятежно спал рядом. Над его губой появилась чуть заметная щетина. Я смотрела на лицо Хиды, чувствуя к нему глубочайшую нежность. Ничего подобного я не испытывала еще ни к кому — ни к родным, ни к героям своих «историй». Хида вскоре проснулся, и мы отправились в ванную. Было раннее утро, и в просторной ванной комнате еще никого не было. Вода, немного отдававшая серой, вытекала из переполненного бассейна на кафельный пол. Хида помыл мне спину.

— Что это ты такая тощая? Кожа да кости! — Хида легонько ударил меня по спине. От пара у меня кровь прилила к лицу, и я смогла лишь чуть-чуть улыбнуться. Прежде я волновалась не только оттого, что Хида увидит мою растущую грудь, еще больше я боялась, что он сам будет обнаженным. Но он повязал на пояс полотенце. Я тоже решила помыть ему спину.

— Не надо, устанешь еще! — запротестовал он.

— Да не устану! А хоть и устану, ну и что!

Хида посмотрел на меня с сомнением и, уступая, рассмеялся.

Несколько дней спустя Хида пригласил меня на прогулку. Небывалый случай! Я была на седьмом небе от счастья.

Мы медленно шли вдоль реки. От воды поднимался густой пар, дно было желтым от серы. Тут я набралась смелости и спросила:

— Вы тоже больны?

Хида состоял для меня сплошь из вопросительных знаков, но у меня всегда было такое ощущение, что спрашивать нельзя, да и бесполезно.

— Болен? Да нет. Знаешь, что такое «лишение наследства»?

Я знала, конечно. Но Хида сказал это очень весело, и я подумала, что он шутит. Хида сорвал с невысокого кустика веточку, густо усыпанную кремовыми цветами с приятным запахом. Я взяла веточку из рук Хиды.

— Что это за цветы?

— Гортензия, — ответил Хида. Я не расслышала незнакомое название. — Засушим их. Я в этом знаю толк.

По дороге домой я заметила, что эти белые цветы растут повсюду. Даже рядом с гостиницей «Ямасиро». Хида нарвал гортензий, и теперь я увидела, что они всюду.

В гостинице я попросила Окэи принести нам старых газет. Хида разрезал их на маленькие листочки, и осторожно положил между ними цветы.

— А теперь надо сверху прижать книгами.

Я осторожно подула на бумагу.

— Пусть до вечера полежат у меня, — сказал Хида, и тут в дверь постучали.

Я подумала, что это, как всегда, Окэи, и бодро отозвалась. Но в комнату вошла незнакомая женщина в зеленом платье.

— Хиросэ... — хрипло сказала женщина. Она стояла посреди комнаты, на плече — маленькая сумочка на молнии. — Конечно же, ты здесь...

Хида побледнел, как полотно.

— В чем дело?

В его голосе были холодные, жесткие нотки, которых я никогда раньше не слышала.

— Твой отец беспокоится... — хрипло сказала женщина.

Хида мельком взглянул на меня. Прочтя в его взгляде приказ уйти, я торопливо вскочила. Почему-то схватила газету с гортензиями. Женщина меня, казалось, не замечала. Она даже не взглянула в мою сторону.

Вернувшись к себе, я уселась на пол и долгое время провела в одной позе, изо всех сил стараясь осмыслить произошедшее. «Кто она? Хида побледнел. И лицо женщины было странным. Но он ведь меня выгнал...» Меня будто оглушили. Я ничего не могла понять. Чувствовала только страшную растерянность, ведь он меня выгнал.

Я не могла успокоиться до самого вечера. В комнате Хиды было тихо, даже голосов не было слышно. Почему-то мне казалось, что идти к нему теперь нельзя. Придя немного в себя, я вспомнила о цветах и положила на них книги. Книги были ужасно тяжелые, мои пальцы едва удерживали их.

Когда Окэи принесла ужин, я стояла у окна.

— Сегодня вечером скучаешь одна?

Ее слова задели меня, и я отрывисто спросила, не двигаясь с места:

— Кто она?

Окэи развела руками:

— Не знаю, но... Раз она осталась на ночь, наверно, любовница...

Я неоднократно сочиняла любовные истории, но на самом деле относилась к ним с опаской. Отлично понимая, что такое «любовница», я не могла поверить своим ушам. «Нет, только не любовница. Она — не любовница Хиды. У Хиды не может быть любовницы», — думала я. Слова складывались легко, как домик из кубиков, но эта постройка была непрочной.

Я сидела молча, расстроенная, и никак не решалась приступить к ужину. Окэи озабоченно спросила:

— Ты что, плохо себя чувствуешь? Ничего не ешь...

— Отстаньте! — воскликнула я.

Окэи изумленно взглянула на меня, и вдруг ее круглые глаза блеснули. Недобрый блеск! Я внезапно подумала, что все это время считала ее своим другом лишь потому, что мама, уезжая, доверила меня ее заботам. Я не хотела больше ее видеть. А Окэи сказала, совсем не щадя моих чувств:

— Ревнуешь, что ли? Вот странный ребенок! — и вышла.

Так и не дотронувшись до еды, я сама вытащила столик в коридор.

Последние слова Окэи больно ранили меня. «Странный ребенок». Конечно, я ребенок... И та женщина меня игнорировала именно поэтому. Все ясно давали мне понять, что Хида намного старше меня.

Ночью я никак не могла уснуть. Мысленно я находилась в комнате Хиды. Конечно, мое понимание того, что такое любовники, было наивным. Но происходящее в соседней комнате очень меня беспокоило. Весь дом был погружен в сон, но в тишине смутно слышался плач какой-то женщины. Я спрашивала себя: «О чем она плачет?», — и почти ненавидела ее. Мне хотелось заболеть. Если я заболею, думалось мне, Хида, возможно, придет меня навестить.

На следующий день у меня и в самом деле случился жар.

— Это у тебя от ревности. Ну, прямо как маленькая, — засмеялась Окэи.

Я молча устала в потолок, скрывая свою печаль. Мне было грустно, что я могла положиться только на эту толстую грубоватую женщину. Хида не пришла.

Три дня подряд я спала. Благодаря температуре мое возбуждение постепенно улеглось.

С Хидой я встретилась лишь на следующее утро после того, как спал жар. Я вышла из уборной и заметила его, Хида как раз собирался войти в свою

комнату. Он тоже меня увидел. Застыдившись чего-то, я невольно отвернулась, но Хида позвал меня по имени.

— Иди сюда! Выздоровела?

Его голос совсем не изменился. Я собрала все свое мужество и подошла к нему.

— Да ты, кажется, еще больше похудела! — весело улыбаясь, Хида смотрел на меня сверху вниз. Украдкой я заглянула в открытую дверь его комнаты. Комната была пуста. «Неужели она уехала?» — подумала я. Но я не могла спросить об этом. Хида не пригласил меня к себе, но предложил прогуляться.

— Что, если не спеша пройтись по окрестностям? — сказал он задумчиво.

День стоял ясный. Ветерок шевелил листья лаковых деревьев, росших вдоль дороги. В отдалении от городка находился большой отель, и хотя Хида собирался погулять неподалеку, привел он меня к нему. За отелем проходила дорога, ведущая к горячему источнику. Мы вдруг оказались в густом лесу, еще ни разу я не забиралась так далеко.

— Давай поищем твоих нимф, — улыбнувшись, негромко сказал Хида. «Ну при чем тут нимфы», — подумала я раздраженно. Не могла я быть такой же веселой, как прежде. Вероятно, потому, что чувствовала: Хида о чем-то умалчивает. На поддороге Хида свернула на узкую тропинку. Внезапно деревья раздвинулись, и нашим глазам предстало синее-синее озеро.

— Это озеро Куссияро, — сказал Хида.

Мы подошли к берегу и опустились на траву. Хида любовался гладью озера, напевая какую-то иностранную песенку. Не знаю, что это была за песня. Могу сказать только, что она была не на английском, ведь я как раз начала изучать этот язык. Но она точно была в миноре. Хида прервал песню:

— Когда ты возвращаешься домой?

— Через неделю. А вы?

— Сейчас.

Я испуганно посмотрела на него. Мне показалось, что Хида может просто взять и исчезнуть.

— А я не могу уехать раньше... — наконец сказала я.

Хида ничего не ответил. Он лег на спину и закрыл глаза. Не находя себе места от беспокойства, я срывала травинки и сыпала на лицо Хиде. Он не отмахивался и никак не возражал. В глазах его было безразличие, а на лице — усталость и печаль.

— Ты милая девочка... — медленно проговорил Хида.

— Как приятно быть с тобой. Вот так, как сейчас!

На секунду я засомневалась в его словах. Внезапно передо мной возникло лицо той женщины, но я отогнала от себя это видение. На этот раз Хида, похоже, не шутил. Я почувствовала непонятное волнение.

Лицо Хиды было белым — то ли из-за травы, то ли из-за близости озера. Как у мертвого... Мне стало неприятно, и я стряхнула травинки с его лица. Хида схватил меня за руку и повалил на траву. Одной рукой он обнял меня за плечи, а другой стал гладить голову, на которой был капюшон. Теплые, большие руки Хиды...

По дороге домой Хида временами нес меня на спине. Я держалась за его плечи, но оставалась равнодушно спокойной. Совсем скоро Хида уедет. Можно плакать, можно сердиться — ничего этим не изменишь. Я чувствовала теперь только голод.

Была поддень. Когда мы вошли в городок, где было уже совсем мало туристов, я быстро пошла впереди Хиды. Лишь иногда я оборачивалась и брала его за руку.

Перед гостиницей «Ямасиро» стояло черное такси. Я прошла мимо машины в дом. В коридоре стояли знакомые служащие и горничные — человек пять-шесть. Увидев меня, никто из них не улыбнулся как обычно. Вскоре вошел и Хида. Двое мужчин, которых я до этого не заметила, ожидавших здесь же в коридоре, сразу приблизились к нему. Они были в костюмах и шляпах.

— Хиросэ! — обратился один из них к Хиде, а другой показал ему что-то вроде записной книжки.

— Сейчас переоденусь, и пойду с вами, — спокойно сказал Хида.

— Нет уж, подожди!

Эти люди надели на запястья Хиды металлические кольца. Моментально. Боясь пошевелиться, я наблюдала за происходящим. Хида был совершенно безразличен. Безразличным он остался и тогда, когда его посадили в машину. В мою сторону он не смотрел. Да мне и не хотелось тогда, чтобы он на меня смотрел... Я проводила глазами машину, быстро удалявшуюся по дороге, засыпанной вулканическим пеплом.

Как во сне, я отправилась в свою комнату. Там была Окэи.

— Куда ты с ним ходила? — спросила она, вытираив свои и без того круглые глаза. Потрясенная

увиденным, я не могла вымолвить ни слова и лишь развела руками.

— Странно это все! И имя-то его, оказывается, фальшивое. На самом деле он — Хиросэ...

«Это ложь! Его зовут Хида!» — беззвучно закричала я.

— Что сделал Хида? — спросила я прерывающимся голосом.

— Антигосударственная деятельность, похоже.

Я не поняла, о чем она говорит. Но даже если бы мне сказали, что Хида — вор, я бы все равно не поверила. Просто я попала в такую реальность, где рядом со мной в гостинице «Ямасиро» нет Хиды.

Я всхлипывала, стиснув зубы.

Осенью я опять пошла в школу. Подруг у меня в классе было немного, да и веселее на занятиях не стало, но я вдруг начала увлеченно учиться, допоздна засиживалась над уроками. Мама даже беспокоилась за меня, но я только смеялась. Я поставила себе целью закончить год с самыми высокими баллами. Что-то во мне переменялось.

В моих «историях» тоже уже не было прежней увлеченности. Диана с Купидоном куда-то исчезли. А когда я думала о нимфах, меня пробирала дрожь: их тонкие руки виделись мне закованными в наручники. Я не пыталась ни узнать, что такое наручники, ни понять, почему их надели на руки Хиды. Почему-то мне было страшно думать об этом. Но между страницами учебников я положила засушенную гортензию. Иногда во время урока я доставала цветы и раскладывала их на некрасивой парте. Тогда многие увлекались засушиванием цветов, так что никто не обращал на это внимания. Мне всегда становилось грустно в такие моменты. Я не могла забыть Хиду. Сделав взрослое, как мне казалось, лицо, я вспоминала теплые, нежные прикосновения его рук. «Никто не знает, что это за ощущение...» — думала я и снисходительно оглядывала подруг в школьной форме.

В декабре того года началась война с Англией и Америкой.

Перевод О. Макаровой

Нейтралитет или война? Борьба в правящих кругах Японии по вопросу участия в Первой мировой войне

«Война есть обычный путь и не является ненормальным состоянием. Войско также является нормальным учреждением»

*Иноуэ Эирё,
японский философ (1859—1919)¹*

Одним из итогов Русско-японской войны 1904—1905 гг. явился окончательный переход Южной Маньчжурии в сферу влияния Японии, что, в свою очередь, создало предпосылки для дальнейшего развития японской экспансии в Китае². К тому же, победа над Россией укрепила в правящих кругах Японии позиции сторонников эскалации вооружений, выступавших за продолжение военной экспансии в Азии.

В соответствии с принятым в 1906 г. Планом национальной обороны, к 1914 г. военно-морские силы Японии были увеличены почти вдвое, а сухопутные войска получили возможность в случае начала военных действий за короткое время развертываться до 1 миллиона человек. Японское правительство осуществляло перевооружение своей армии такими темпами, словно готовилось к войне: в Южной Маньчжурии и Корее проводилось широкомасштабное строительство военных укреплений, сопровождаемое переброской на континент новых военных частей. На Корейском полуострове, вблизи границы России и Кореи, велось строительство казарм, шоссе и дорог стратегического значения и укрепрайонов. К началу Первой мировой войны японская армия, дислоцированная на Корейском полуострове и в Южной Маньчжурии, насчитывала уже 19 дивизий.

С началом войны в Европе все внимание ведущих держав оказалось прикованным к европейским событиям. Данное обстоятельство, наряду с превосходством японской военной силы в Южной Маньчжурии и Корее предопределявшее особую стратегическую роль Японии в Азии, позволяло Токио использовать европейскую войну для расширения своего влияния в Азиатско-тихоокеанском регионе и добиваться новых территориальных приобретений. Прежде всего, японские правящие круги рассчитывали, что европейская война позволит Японии добиться новых привилегий в Китае³. Об этом свидетельствовали и высказывания японских политических деятелей. Например, гэнро Иноуэ Каору заявил, что эра Тайсё станет божественной помощью в определении судьбы Японии⁴. В том же духе высказался

другой японский политик — Ёсино Сакудзо, сказав, что настал «самый благоприятный момент для обеспечения будущего Японии в Китае»⁵.

В Европе предвидели, что в случае мировой войны Токийский кабинет поспешит предпринять шаги к упрочению своего положения в Азии. Как, например, отмечал накануне войны морской министр Германии Альфред фон Тирпиц, «властолюбивые и алчные японцы, достигнув господствующего положения в Азии после Русско-японской войны, не остановятся перед установлением своего господства над Китаем»⁶.

Другим направлением интересов Японии в Азии были германские владения на Тихом океане и в Китае. Впервые в Японии заговорили о необходимости установления японского контроля над Южноокеанскими островами⁷ еще в 70-е гг. XIX в., когда империя только вышла на мировую арену после двухсот лет самоизоляции. В то время доктрину «движения на Юг» заслонили более близкие экспансионистские цели — захват в 1872 г. островов Рюкю, находившихся в вассальной зависимости от Китая, передача Японии Россией Курил в 1875 г. и навязывание ряда договоров Корее, позволивших японцам хозяйничать на Корейском полуострове.

Интерес к Каролинским, Маршалловым и Марианским островам с новой силой всколыхнул Японию после окончания Русско-японской войны. Японское правительство, японские историки и публицисты стали делать попытки обосновать необходимость установления японского контроля над южной частью Тихого океана. В 1907 г. в Японии вышла работа Сато Тэцутаро «Исторический очерк о концепции национальной обороны Империи», где доказывалось, что установление контроля над Южными островами Тихого океана (Микронезией) позволит японскому правительству разрешить многие финансово-экономические проблемы в самой Японии. В 1910 г. другой автор — Такэкоси Ёсабура — в своей работе «Описание южных стран» заявил, что «будущее Империи — на Юге». Автор доказывал, что, установив контроль над Микронезией, Япония сделает первый шаг к установлению мирового господства⁸. В течение двух предвоенных лет — с 1913 по 1914 г. — в Японии наблюдался настоящий бум, связанный с обсуждением доктрины «движения на Юг». В марте 1914 г. Высшая военно-морская академия Японии выпустила сборник под названием «Исследование

вопросов национальной обороны», где было заявлено, что «южные районы Тихого океана являются для Империи регионом, важным с точки зрения политики, торговли и расширения колоний»⁹. В печати стало появляться множество подобных публикаций, в которых главной была идея необходимости установления японского господства над Южными островами Тихого океана. Вот лишь некоторые заглавия тех публикаций: «Цель — Юг»; «Монопольное владение Южными островами — сокровищницей Тихого океана»; «Япония и Южноокеанские острова». В отношении коренного населения этих островов высказывалась мысль, что история этих народов давно прошла, и что только Япония имеет право на подчинение народов Южноокеанских островов, как это уже было с айну и корейцами¹⁰.

В 1913 г. японским правительством была создана компания «Нантё когё госи кайся» («Компания по промышленному развитию южной части Тихого океана»), которая уже к началу Первой мировой войны открыла сеть своих филиалов на островах Понапе, Трук, Сайпан, входящих в группу островов Микронезии. Благодаря деятельности этой компании, Японии удалось заметно усилить свое экономическое присутствие на этих территориях и расширить эмиграцию японских подданных на Южноокеанские острова.

Начавшаяся в Европе война поставила японских политиков перед непростым выбором — к какой из воюющих коалиций примкнуть? Ведь для осуществления своих планов Японии предстояло встать на сторону одного из враждующих блоков — Тройственного союза или Антанты. В своем дневнике генерал-губернатор Кореи Тэраути Масатакэ писал на этот счет следующее: «...Объявлено о том, что Англия и Германия находятся в состоянии войны, во Франции также отдан приказ о мобилизации... Нашей стране необходимо определить свою позицию по отношению к воюющим державам»¹¹.

Возможное выступление Японии на стороне антигерманского блока давало ей прекрасную возможность для осуществления своих давних планов по захвату островов Микронезии. Германское правительство, впрочем, до последнего дня надеялось, что Япония все же не предпримет нападения на германские колонии на Тихом океане, а ограничится захватом Циндао. В Берлине полагали, что именно Китай, сотрясаемый внутренними противоречиями и потому представляющий легкую добычу, является главной целью Японии. Предвидя, что возможный захват германских колоний на Тихом океане вызовет негативную реакцию Вашингтона, германские политики предполагали, что Токио, скорее всего, не станет ссориться из-за Тихоокеанских островов с Соединенными Штатами¹².

В то же время обострившиеся отношения Токио с Америкой и Великобританией толкали Японию в лагерь противников Антанты. Такой шаг также сулил Японии немалые выгоды: воспользовавшись занятос-

тью Великобритании, Франции и России на полях европейской войны, Япония могла бы попытаться вытолкнуть конкурентов из Китая и установить там свое полное господство. Нейтралитет для Японии был вряд ли возможен, поскольку в таком случае возникала вероятность заключения между воюющими сторонами соглашения об исключении Дальнего Востока из сферы военных действий, и Токийскому кабинету пришлось бы надолго забыть о своих захватнических планах.

Таким образом, вмешательство Японии в войну было только делом времени. К тому же Японская империя практически ничем не рисковала: при любом исходе Япония имела все шансы расширить свое влияние в Азии. В случае победы англо-французской коалиции Японская империя могла получить компенсации за счет германских колоний на Дальнем Востоке, а в случае победы Германии — либо за счет доминионов Великобритании или Франции, либо за счет установления контроля над Северной Маньчжурией и русским Дальним Востоком¹³.

Не без колебаний Япония встала на сторону Антанты. Прогермански настроенный японский генералитет (Ямагата Аритомо, Тэраути Масатакэ, Кацура Таро), а также большинство гэнро были уверены в том, что победителем в мировой войне окажется Германия. Сомнения японских политиков по вопросу дальнейших действий Японии отметил в своем дневнике Тэраути Масатакэ, записавший после министерского совещания, состоявшегося 9 августа 1914 г., что, «...наверное, в соответствии с англо-японскими отношениями, Японии придется принять меры против Германии на Востоке»¹⁴. Действительно, в итоге, взвесив все «за» и «против» и придя к выводу, что выступление на стороне Тройственного союза сможет повлечь за собой войну с Россией, а также дальнейшее обострение отношений с Вашингтоном, Токийский кабинет присоединился к Антанте¹⁵.

Японская официальная пропаганда тут же нашла убедительные доводы в пользу решения Токио присоединиться к странам антигерманской коалиции, ссылаясь на верность духу англо-японского союза и подчеркивая, что Япония больше, чем кто бы то ни было, осознает, какую опасность Германия представляет для всего мира¹⁶. Поначалу японский генеральный штаб был настроен немедленно объявить Германии войну и тут же начать военные действия, не прибегая к каким-либо уговорам или убеждениям. Однако поскольку на очередном совместном совещании японских министерств и гэнро обеим сторонам так и не удалось договориться по этому вопросу, в итоге было принято решение повременить с объявлением Германии войны, предоставив ей возможность самой уйти из Китая¹⁷.

Необычайное рвение японского правительства принять участие в боевых действиях серьезно обеспокоило Лондон. Еще свежи были в памяти недавние события 1913 г. в Китае, когда японское правительство предприняло столь активные меры по расследованию

инцидента в Нанкине, что Пекину пришлось в итоге не только принести официальные извинения под дулами японских орудий, но и пойти на новые уступки Токио в Южной Маньчжурии и Монголии¹⁸. Опасаясь, что нечто подобное может произойти в случае обращения за помощью к Японии, правительство Великобритании поначалу дистанцировалось от обсуждения этого вопроса, хотя, согласно статье II англо-японского договора 1911 г., в случае, если одна из сторон оказывалась вовлеченной в войну для защиты своих интересов, другая была обязана оказать ей военную помощь. Английские доминионы не устраивало грядущее военное усиление Японии в Азии и перспектива иметь на Тихом океане такого опасного соседа. 7 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей поставил в известность японское посольство в Лондоне, что Англия не собирается обращаться за помощью к Японии в соответствии с условиями союзного договора 1911 г.; оно намерено лишь попросить Токио уничтожить германские крейсера в Китайском море¹⁹.

Германские военные корабли представляли довольно реальную опасность для торговых судов стран антигерманского блока. Когда в начале августа 1914 г. в Корейском проливе германскими крейсерами было захвачено торговое судно «Рязань», приамурский генерал-губернатор Н.А. Гондатти обратился к японскому правительству с просьбой предоставлять информацию относительно наличия германских крейсеров в Японском море. В Токио было также сообщено, что уничтожение германских военных судов было бы весьма желательным для обеспечения безопасности судов Добровольного флота²⁰.

Тогда же министр иностранных дел Японии Като Такааки в ответ на запросы Великобритании и России сообщил, что изгнание германских крейсеров не является единственной целью Японии в этой войне. Императорская армия, — заявил Като, — будет участвовать в военных действиях только при условии, что ей будет поставлена задача окончательного искоренения германского влияния на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана. Одновременно японской прессой была начата пропагандистская атака Берлина. Японские газеты напомнили обывателю старую обиду, когда после японо-китайской войны 1894—1895 гг. Германией было организовано совместное с Россией и Францией выступление против Японии, после чего Токио пришлось отказаться от захвата Ляодунского полуострова в обмен на увеличение контрибуции²¹. Они также заявляли, что настало время «наказать» Германию за «все чинимые беззакония и заставить ее возратить Китаю Цзяочжоу». По-видимому, для того, чтобы лишний раз продемонстрировать Лондону и Парижу свою лояльность, Токийский кабинет неожиданно припомнил Берлину Эльзас и Лотарингию, которые Франция уступила Германии в 1871 г. по Франкфуртскому мирному договору²².

Готовящееся выступление Японии против Германии объяснялось в японской прессе необходимостью

сохранения мира на Дальнем Востоке и рассматривалось как «чрезвычайно искусный ход, за который Японии, разумеется, одобряют великие державы»²³. Газета «Кэйдзё ниппо» даже заявила, что «самый интересный вопрос на сегодняшний день — как и в чем выразит Японии свою благодарность Китай»²⁴. Хотя накануне военной операции против Циндао японский премьер-министр Окума Сигэнобу в своем обращении к Великобритании и Соединенным Штатам торжественно заявил, что никакой угрозы самому Китаю эта операция не несет, Пекин был серьезно обеспокоен планами Токио. С целью хоть как-то воспрепятствовать распространению военных действий на китайскую территорию в начале августа китайское правительство обратилось к воюющим странам с просьбой не вести боевых действий на территории Китая, а 6 августа 1914 г. Пекин официально объявил о своем нейтралитете.

Нейтралитет Китая не остановил японское правительство. Столь же безуспешной оказалась и попытка Великобритании добиться от Японии согласия на ограничение военных действий на море районами, прилегающими к территории Китая. Не согласившись ни на какие ограничения, 15 августа 1914 г. Япония предъявила Германии ультиматум с требованием без всяких условий и компенсаций передать Японии Цзяочжоу в целях возвращения его Китаю. Когда содержание японского ультиматума стало известно Пекину, где прекрасно помнили об обещании Токио потребовать от Китая «благодарность за его освобождение», перед китайским правительством возникла реальная перспектива предоставления Японии компенсаций. Однако пока китайское правительство могло лишь гадать, что может потребовать Япония. В довершение всего, германский поверенный в Пекине барон Мальгцан заявил китайскому Министерству иностранных дел, что германское правительство обратилось к Японии с требованием возместить Германии возможные убытки от предполагаемых военных действий за пределами концессионного района. Прежде всего, речь шла об обществе железной дороги Циндао-Цзиннань. Пекин был предупрежден, что в случае отказа Токио от выплаты Берлину компенсации ответственность за ущерб, причиненный военными действиями Японии, будет возложена на Китай²⁵.

Пекинское правительство, обеспокоенное таким развитием событий, постаралось заручиться поддержкой России. Министр иностранных дел Китая Сунь Баоцзы срочно встретился с российским поверенным в делах в Китае В.В. Граве и попытался выяснить, какие дальнейшие шаги в Китае Россия намерена предпринять в связи с действиями Японии. В Пекине не рассчитывали на то, что японское правительство возвратит Циндао Китаю, поэтому Сунь Баоцзы попытался убедить В.В. Граве в том, что при подобном развитии событий российским интересам на Дальнем Востоке будет нанесен серьезный вред. По мнению китайского министра, испра-

вить ситуацию могло военное вмешательство России в китайские события, то есть направление в Китай русских войск с Дальнего Востока. В.В. Граве, не получивший по данному вопросу никаких инструкций от Министерства иностранных дел, уклонился от обсуждения перспектив вмешательства России в японо-китайские дела, заявив, что не располагает на этот счет никакой информацией²⁶.

15 августа германские власти Циндао получили японский ультиматум, который «по резкости тона сильно напоминал Симоносекскую ноту 1895 г.»²⁷. Несмотря на настойчивые требования германского посла в Японии графа Рекса, морской министр Германии фон Тирпиц настоял на том, чтобы оставить ультиматум без ответа, считая, что в случае передачи Японии Циндао без боя Германия все равно потеряет его. В данном же случае немецкие военные стремились спасти честь мундира и тем самым добиться расположения победителей. В своих мемуарах фон Тирпиц позднее писал, что будущий союз с Японией, на заключение которого в Берлине надеялись, несмотря на формальное состояние войны между двумя странами, мог быть возможен лишь при условии видимой демонстрации борьбы за свою уже бывшую китайскую колонию²⁸.

Таким образом, в Берлине ультиматум Японии проигнорировали, и 23 августа 1914 г. токийский кабинет объявил Германии войну²⁹. Вместе с тем в Токио оценили намерение Германии с честью уйти из Циндао. Русская разведка в Китае доносила, что, объявив Германии войну, японцы все же чувствуют себя «как-то неловко» и в частных разговорах с германскими подданными пытаются показать, что Япония не имеет ничего против Германии, а военное выступление связано с необходимостью соблюдать условия англо-японского союзного договора³⁰.

Военные действия против Германии были начаты с захвата крепости Циндао и железной дороги Циндао-Цзинань. Крепость Циндао была не только надежно защищена со стороны моря двадцатью одним орудием, но и довольно хорошо укреплена минными заграждениями с суши. Во время восстания ихэтуаней в 1899–1901 гг. вокруг крепости был сооружен крепостной вал, который позднее переделали в крепостную стену. За ней располагались несколько окопов, редутов и ряды проволочных заграждений. Судя по тому, как японские армия и флот готовились к занятию Циндао, это должно было стать крупной военной операцией, поскольку японские войска были введены на территорию провинции Шаньдун на 240 км севернее Циндао. В японской историографии первой половины XX в. нередко указывается, что ввод японских войск на территорию Китая был осуществлен «с одобрения Пекина». Что же касается установления контроля над Шаньдунской железной дорогой, то здесь аргументация некоторых японских историков вообще не выделяет никакой критики: «...означенная железная дорога в действительности принадлежала германскому правительству и

невозможно представить, чтобы какое-либо другое государство на месте Японии поступило иначе»³¹.

В осаде Циндао принимало участие около 30 тыс. японских солдат и офицеров, а сама операция продолжалась два с половиной месяца. Морикава Масамити приводит поистине эпическое описание битвы за Циндао: «...Из-за горизонта Желтого моря подобно стустку огня взошло солнце. Оно ослепительно сверкало на штыках атакующего японского отряда, который поднимался по склону горы... Взятие (крепости – Ю.П.) завершилось в 7.05 утра. Когда поднимался белый флаг, окрестности огласил крик «Банзай!». Ликование продолжалось около двадцати минут. Тем временем на окрестных холмах и крепостных стенах начали развиваться японские знамена. Таким образом, был положен конец германской мечте о господстве на Дальнем Востоке...»³²

Между тем, по словам очевидцев этой баталии, при взятии крепости японские военные постарались свести к минимуму возможные потери в своих войсках, для чего за хорошее вознаграждение было нанято около 1000 китайцев и корейцев (в то время – подданных Японии), которых попросту погнали на минные поля. Этот отряд был практически полностью уничтожен во время первой же атаки на крепость Циндао. Поскольку минные заграждения все еще представляли опасность для японских солдат, на мины был пущен домашний скот, который «защитники Китая» отбирали у местного населения в окрестных деревнях. Гарнизон Циндао сдался лишь после того, как у оборонявшихся закончились боеприпасы³³.

Накануне штурма японцы были уверены, что Циндао обороняет двенадцатитысячный гарнизон, хотя на самом деле крепость защищало около двух тысяч солдат и офицеров и порядка полутора тысяч добровольцев из числа немецких чиновников и купцов. Несмотря на все предпринятые меры и почти десятикратное численное превосходство, потери японцев при взятии Циндао составили около 1500 человек убитыми и ранеными³⁴.

По мере овладения японскими войсками территорией провинции Шаньдун менялся тон заявлений японских правящих кругов относительно дальнейшей судьбы провинции. Если еще накануне военной операции японское правительство объявило, что в самое непродолжительное время Циндао будет возвращен Китаю, то незадолго до падения крепости министр иностранных дел Японии Като Такааки заявил в японском парламенте, что вопрос о дальнейшей судьбе Циндао можно будет решить только по завершении войны, и «никаких обязательств на этот счет Япония ни перед кем не брала»³⁵.

Известие о падении Циндао было встречено с большим воодушевлением в Японии, а в Хабаровске и Владивостоке в связи с этим событием прошли массовые манифестации японской диаспоры. В Хабаровске манифестанты прошли по центральной улице города до резиденции приамурского генерал-

губернатора Н.А. Гондатти, который вышел на балкон здания и произнес перед собравшимися речь. В ней он подчеркнул укрепление дружественных отношений между двумя странами в связи с последними событиями. Приветствуя участников манифестации, генерал-губернатор троекратно прокричал «Банзай!», чем вызвал неподдельный восторг у японцев³⁶.

При взятии Циндао японцы захватили в плен 220 офицеров и около 1800 солдат, причем небольшая часть защитников крепости все же смогла вырваться из окружения и затеряться среди местного населения, переодевшись китайцами³⁷. По договоренности с Лондоном 102 человека из числа военнопленных были отправлены в Гонконг, а остальные — в Японию. Следует заметить, что немецким военнопленным, оказавшимся в Японии, очень повезло. Японское правительство постаралось создать довольно комфортные условия проживания для немецких солдат и офицеров, часть которых была размещена в Токио. Германским офицерам было разрешено жить на частных квартирах и даже иметь при себе табельное оружие. Например, бывший комендант крепости Циндао Мейрвальдек, высланный вместе с другими военнопленными после падения крепости в Японию, не только свободно проживал в Токио, но и раздавал интервью газетным репортерам, в которых делал оскорбительные высказывания в адрес стран антигерманской коалиции³⁸.

В дальнейшем немецким военнопленным нередко удавалось загадочным образом бежать из Японии на материк, а оттуда — в Европу. Один из таких случаев произошел в ноябре 1915 г., когда из тюрьмы для военнопленных в г. Фукуока смогли сбежать сразу пять пленных германских офицеров. Этот случай необычен уже потому, что японская полиция отличалась своей образцовой работой, не говоря уже о том, что в течение всей Первой мировой войны все иностранцы в Японии находились под наблюдением, и покинуть страну было делом непросто³⁹. Случаи побегов военнопленных, а также анализ дипломатических документов российского Министерства иностранных дел позволяют утверждать, что в годы Первой мировой войны правительство Японии потворствовало побегам немецких военнопленных в Корею или Китай. Далее они либо оседали в Китае, либо по поддельным документам добирались до Европы. Раздобыть поддельные документы в Маньчжурии не составляло особого труда. В Тяньцзине, например, поддельный русский паспорт можно было свободно купить за 20 долларов⁴⁰.

Существуют данные, косвенно указывающие на сотрудничество японской и немецкой разведок в годы Первой мировой войны. В этом смысле весьма показательной представляется ситуация, в которой оказался итальянский посол в Токио Кукки Боассо. Через некоторое время после своего приезда в японскую столицу он направил в Рим донесение, в котором говорилось о весьма ограниченном участии Японии в войне и сообщалось, что японские пра-

вляющие круги, известные своими германофильскими настроениями, совершенно не заинтересованы в поражении Германии. В начале марта 1917 г. в итальянское посольство в Токио пришло донесение от посла Италии в Вашингтоне, которое информировало, что донесение, отправленное ранее итальянскому правительству, в Рим так и не попало. Но зато полный его текст был опубликован в германской прессе⁴¹.

Вслед за захватом крепости Циндао 7 октября 1914 г. японский флот занял остров Ялуит Маршаллова архипелага, а затем все Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Следуя букве англо-японского союза, японское правительство спешно направило в Лондон и Вашингтон уведомления, в которых сообщалось, что Японская империя не имеет на Дальнем Востоке территориальных притязаний и надеется стать лишь защитницей мира в регионе. Относительно дальнейшей судьбы германских колоний заявлялось, что острова, занятые в военных целях, будут в самое ближайшее время переданы Великобритании⁴². Уже через несколько дней последовало новое заявление, в котором Токийский кабинет хотя и подтверждал свои прежние намерения относительно временного занятия островов японскими войсками, одновременно оговаривал, что дальнейшая судьба германских колоний на Тихом океане будет решаться после окончания войны. Уже тогда российские газеты высказали предположение, что Япония, скорее всего, занятые территории никому не отдаст, а превратит в свою военную базу на Тихом океане⁴³.

В беседе с российским послом в Токио Н.А. Малевским-Малевицем министр иностранных дел Японии Като Такааки подтвердил мнение, высказанное российской прессой, заметив, что хотя Японией и было заявлено о готовности вынести вопрос относительно статуса бывших германских владений на всеобщее обсуждение, японское правительство на самом деле не собирается отказываться от своего права на владение этими территориями. Более того — в правительственных кругах Японии даже возникла идея (правда, она не получила развития) о выкупе Японией у США Филиппин для разрешения эмигрантского вопроса, являвшегося предметом разногласий между Японией и США⁴⁴. Япония, вдохновленная установлением своего контроля над бывшими германскими колониями, уже рассматривала Филиппины в качестве территории, которая в будущем войдет в состав Японской империи. Например, в сентябре 1916 г. в журнале «Кайгай» («Заграница») появилась статья некоего Фукумото «Отношения между Японией и Филиппинскими островами». Ее автор доказывал, что Филиппинские острова являются частью того Южноокеанского архипелага, которому выпала роль объединения под властью Японии⁴⁵. Хотя до приобретения Японией Филиппин дело не дошло, японское правительство приложило все усилия, чтобы оставить за собой право распоряжаться бывшими германскими колониями⁴⁶.

Осенью 1914 г. заявление японского министра о дальнейшей судьбе Тихоокеанских островов было с тревогой воспринято в российской столице, поскольку развитие событий в таком русле означало нанесение серьезного удара по англо-японскому союзу, который в последнее время и без того не отличался особой прочностью. Само по себе занятие Японией германских владений на Тихом океане и в Китае мало беспокоило Россию. Петербург больше тревожило то, что разрыв отношений между Токио и Лондоном мог привести к сближению Японии с Германией. В этом случае России неминуемо пришлось бы подвергнуть пересмотру всю концепцию своей внешней политики с учетом превращения Японии из союзника в противника.

Очень скоро подтвердились предположения, что Япония будет использовать войну в Европе для дальнейших колониальных захватов в Китае. Заявления о наличии у Японии особых интересов в Китае делались японскими политиками еще до сараевского убийства, однако европейские державы, занятые подготовкой к войне, не придавали им особого значения. Еще в 1913 г. Като Такааки неоднократно указывал британскому министру иностранных дел Э. Грею на наличие у Японии жизненных интересов в Квантунской области, а также на намерение Токио добиваться постоянного сохранения за собой этого района. Като и не думал скрывать, что если Японии представится удобный случай, Токийский кабинет поставит перед Пекином вопрос о продлении сроков аренды и концессий в Маньчжурии. В конце сентября 1914 г. наиболее ревностный сторонник азиатской доктрины Монро японский премьер-министр Окума Сигэнобу заявил, что Японии пора занять более твердую позицию в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии и что непосредственно после занятия Циндао необходимо немедленно приступить к ведению соответствующих переговоров с Пекином. Одновременно с заявлением Окума Сигэнобу в японской печати появилась статья другого известного политика — виконта Утида, в которой говорилось о необходимости для Токио взять на себя управление китайским народом путем введения института советников и их участия в работе всех звеньев китайской администрации. В своей статье виконт Утида делал особый акцент на необходимости принудительного создания в Китае японских школ, что подразумевало под собой превращение Китайской республики в государство, подобное Корее, — постепенно утрачивающее свою национальную идентичность под культурным пресингом Японии⁴⁷.

Царское правительство, казалось, не придавало серьезного значения высказываниям японских политиков, полагая, очевидно, что дальше заявлений дело не пойдет, поскольку Япония должна была согласовывать свои действия с Великобританией, союзником которой являлась. Однако в августе 1914 г. от русской разведки в Китае стали поступать сведения, что японцы затевают здесь какую-то интригу. Сооб-

щилось, например, что японский посланник в Пекине Хиюки Ёки предложил китайскому правительству заключить с Японией некий договор, суть которого сводилась к обязательству Японии охранять территориальную неприкосновенность республики. В обмен на это от Пекина якобы требовалось предоставить в распоряжение Японии все важнейшие стратегические пункты Китая. Другим требованием был отказ Китая от заключения договоров с какой-либо третьей державой без получения на это согласия Токио⁴⁸. В то время усилия японской дипломатии натолкнулись на сопротивление Юань Шикая, опасавшегося, что принятие японских требований в данный момент нанесет серьезный урон его авторитету руководителя страны и провалит планы по установлению личной диктатуры.

Таким образом, уже к моменту завершения военной операции против германской крепости Циндао, которая именовалась японским официозом «борьбой за освобождение Китая», в Токио был составлен первоначальный вариант программы широкого проникновения в Китай для укрепления там влияния Японии⁴⁹.

Уже в начале 1915 г. стало очевидно, что у Токио имелись далеко идущие планы относительно Китая. 7 января Пекин потребовал вывода японских войск из провинции Шаньдун, переставшей быть зоной военных действий, но это обращение китайского правительства было проигнорировано Токио, а после вторичного требования о выводе войск 18 января 1915 г., Япония, «оскорбленная столь наглым поведением Китая», передала китайскому правительству ноту, известную как «Двадцать одно требование»⁵⁰. Хотя по правилам дипломатического протокола подобные документы должны были вручаться министру иностранных дел, в данном случае — главе китайского МИД Сунь Баоцзы, японский посланник Хиюки Ёки вручил требования лично президенту Юань Шикаю. Этот шаг Токио представлял собой элемент политического шантажа, демонстрировавший президенту Китая, что в условиях политической борьбы между правительственными группировками будущее самого Юань Шикая зависело от принятия или неприятия им японских требований. Помимо этого, в Токио прекрасно учли затяжной характер боевых действий на европейских фронтах, а также то обстоятельство, что царское правительство перебросило с Дальнего Востока в Европу свои основные военные силы и вряд ли станет выражать недовольство по поводу действий Японии. Всё вышперечисленное предоставило Японии прекрасную возможность для полной свободы действий в отношении Китая⁵¹.

Японские требования, состоявшие из пяти групп, не только нарушали государственный суверенитет Китайской республики, но и предоставляли Японии такие экономические и политические привилегии, что в случае принятия этих условий Пекином Япония становилась в Китае господствующей силой⁵².

Чтобы произвести на Пекин большее впечатление, японская сторона прибегла к использованию особой бумаги, на которой эти требования были написаны: водяные знаки изображали дредноуты и пулеметы, красноречиво давая понять, что может случиться, если президент Юань Шикай окажется несговорчив⁵³. Опасаясь развития событий по образцу 1914 г., когда президент Юань Шикай выступил против принятия Китаем каких-либо требований Японии, Хиоки Ёки постарался «убедить» президента, что непринятие японских требований опасно, в первую очередь, для самого Юань Шикая. Давление на китайского президента исходило, прежде всего, от Като Такааки, которому было необходимо заработать на «пекинском вопросе» политический капитал в преддверии намечавшихся парламентских выборов. Поэтому министр иностранных дел торопил Хиоки Ёки, направляя ему указания как можно быстрее убедить Юань Шикая принять условия Токио, «даже если для этого потребуется работать днями и ночами»⁵⁴. Японское правительство учитывало и то обстоятельство, что из-за борьбы между бэйяннской группировкой, возглавляемой Юань Шикаем, и оппозиционной ей демократической группировкой Пекин не сможет оказать должного сопротивления Японии. Эта же точка зрения была высказана и в одном из донесений российского посланника в Китае В. Крупенского С.Д. Сазонову, где указывалось, что Юань Шикай оказался в прямой зависимости от позиции Токио: «За последнее время замечается усиление деятельности со стороны наиболее известных революционных вожаков, но правительство Юань Шикая, несомненно, может справиться с этой агитацией, чтобы последняя не получила поддержки извне, то есть от Японии. Возможность такой поддержки более всего устрашает в настоящую минуту пекинское правительство, сознающее, что если только Япония желает возникновения волнений в Китае, то вызвать волнения ее будет весьма легко, равно как и своей поддержкой сделать их опасными для Пекина»⁵⁵.

Японские требования представляли собой программу экономического, политического и военного закабаления Китая и являли собой пример столь беспрецедентного нарушения норм международного права, что сами японские правящие круги поначалу попытались скрыть от мировой общественности факт их предъявления Китаю. Даже после того, как в конце января 1915 г. сведения о событиях в Китае попали на страницы мировой печати, в Токио было опубликовано официальное заявление японского МИДа, в котором отрицался факт предъявления требований Китаю, а сами требования назывались «пожеланиями». Тем не менее, японское правительство все же опасалось резонанса, который могли вызвать последние события в Пекине. В первую очередь Токио интересовало, чью сторону займет в этом вопросе Россия, поскольку в Китае интересы России и Японии тесно соприкасались. Японский министр иностранных дел Като Такааки постарался сразу же

убедить российского посла Н.А. Малевского-Малевича в том, что ничего серьезного или, тем более, угрожающего российским интересам в японских требованиях не содержится, а некоторые пункты требований вообще могут быть пересмотрены с учетом пожеланий России⁵⁶.

Переговоры между Пекином и Токио проходили с начала февраля до середины апреля 1915 г. С середины апреля Япония начала перебрасывать в Китай войска под предлогом усиления охраны своих проживающих там граждан. К моменту принятия Пекином японских требований общая численность японских войск, дислоцированных в пределах Китая, составляла 42000 чел. Большая часть вооруженных сил, прибывших в Китай, была расквартирована в Южной Маньчжурии и Квантуне (юго-западная оконечность Ляодунского полуострова), где находились 17-я и 10-я дивизии⁵⁷. Присутствие японских войск существенно ускорило процесс принятия Китаем «Двадцати одного требования».

Серьезное влияние на ход японо-китайских переговоров могло оказать вмешательство держав Антанты, поскольку японские требования наносили удар и по их интересам в Китае. Например, для России наиболее неудобными являлись те из требований, которые касались приглашения японских советников в состав центрального китайского правительства и учреждения японо-китайской полиции в китайских провинциях. Проблема заключалась в том, что четкого разграничения на японскую и русскую сферы влияния в Маньчжурии не существовало, поэтому, например, компетенция японской администрации в Мукдэне (Шэньян) распространялась и на часть Северной Маньчжурии. В свою очередь, почти половина провинции Гирич, находившейся в сфере влияния Японии, попадала и в сферу влияния России. В случае участия японских чиновников в работе провинциальных управлений Китая сфера интересов Японии неизбежно вторгалась в русскую сферу интересов. Однако министр иностранных дел Японии Като Такааки не только заверил российского посла в Японии Н.А. Малевского-Малевича, что Япония не собирается вторгаться в сферу интересов России, но и выразил принципиальное согласие на обмен мнениями между Санкт-Петербургом и Токио относительно участия японских советников в китайском правительстве⁵⁸.

Остальные требования больше касались интересов Великобритании и Франции в Китае и мало интересовали Россию. Царское правительство постаралось поскорее дистанцироваться от японо-китайских дел, поскольку попытки Петербурга как-либо повлиять на развитие событий грозили обострением отношений с Токио, что было совсем нежелательно для российского правительства, получавшего от Японии военную помощь. Кроме того, Петербург обоснованно опасался сближения Японии с Германией в случае ухудшения японо-русских отношений. В российской столице было известно, что через дипломати-

ческие каналы в Стокгольме и Пекине германское правительство неоднократно обращалось к Японии с предложением вступить в секретные переговоры, и в Токио в целом благожелательно относятся к идее сближения с Берлином. Российскому посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому была направлена негласная директива воздержаться от каких-либо попыток вмешательства в японо-китайские переговоры, чтобы не вызвать трений в отношениях с Токио⁵⁹.

Подобную позицию заняли и российские газеты, которые если и комментировали проходившие между Токио и Пекином переговоры, то всячески старались показать, что Россию события в Китае мало касаются, и что обе стороны самостоятельно разберутся в собственных проблемах. Указывалось и на тот факт, что японские требования не такие уж и серьезные, если их изучить более детально⁶⁰. Тем временем российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов поспешил выступить в Государственной Думе с речью, где заявил, что «установившиеся между Японией и Россией отношения дают российской стороне уверенность в том, что в требованиях, которые японское правительство сочло нужным поставить китайскому правительству, не содержится ничего противного интересам Российского государства»⁶¹. В частной беседе с американским послом глава внешнеполитического ведомства России даже посоветовал, что китайцы сами виноваты в сложившейся ситуации, поскольку «они плохие солдаты и не любят воевать»⁶². С заявлением, одобрявшим действия Японии в Китае, выступил также председатель Государственной Думы М.В. Родзянко.

Речь русского министра в Государственной Думе произвела превосходное впечатление на японское правительство, а газета «Japan Daily Mail» даже заявила, что поддержка, оказанная Россией Японии, является крупным успехом японской дипломатии⁶³.

Однако далеко не все российские политики поддерживали японскую агрессию против Китая, прекрасно понимая, что после принятия Пекином японских требований под молчаливое одобрение ведущих держав Япония фактически получит согласие стран антигерманской коалиции на полную свободу действий в Азии. От российских политических деятелей стало раздаваться все больше критики в адрес Японии, внешняя политика которой таила в себе прямую угрозу российским национальным интересам на Дальнем Востоке. В феврале 1915 г. член Государственного совета и бывший губернатор Приамурья П.Ф. Унтербергер направил председателю Совета министров И.Л. Горемыкину записку, где говорилось о необходимости уклониться от переговоров о политическом союзе с Японией до того момента, когда русские войска смогут возвратиться на Дальний Восток. П.Ф. Унтербергер предостерег главу Совета министров, что Япония не замедлит воспользоваться европейской войной для нанесения ущерба российским интересам на Дальнем Востоке⁶⁴.

Опасения П.Ф. Унтербергера разделял российский генеральный консул в Сеуле Я.Я. Лютша, полагавший, что решение японского правительства о формировании двух отдельных дивизий для Кореи, сопровождаемое заявлениями японских военных кругов о необходимости усиления военной мощи государства, в первую очередь угрожает российскому Дальнему Востоку⁶⁵.

В прошлом крупный банкир, а ныне российский министр финансов П.Л. Барк в августе 1914 г. предложил главе российского внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонову контрмеры по укреплению положения России в Маньчжурии: добиваться от китайского правительства предоставления русскоподданым права проживать в Северной Маньчжурии, продление срока действия концессии на эксплуатацию КВЖД до 2002 г.⁶⁶ Следует заметить, что еще в феврале 1915 г. во время японо-китайских переговоров Министерство иностранных дел России направило японскому послу Мотоно Итиро памятную записку с предупреждением, что в случае принятия Китаем требований, касающихся права жительства и владения японскими подданными недвижимостью в Южной Маньчжурии, российское правительство будет считать себя вправе требовать от Пекина распространения аналогичного режима на Северную Маньчжурию⁶⁷. Однако никаких шагов в отношении укрепления своего положения в Северной Маньчжурии царским правительством предпринято не было. Более обеспокоенное делами в Европе, оно рассчитывало в ближайшие десятилетия сохранить на Дальнем Востоке мир ценой заключения с Токио ряда новых соглашений относительно проведения совместной политики в Китае. Что же касается предложений некоторых российских политических деятелей об укреплении дальневосточных рубежей, то они либо вовсе не были приняты к рассмотрению, либо раскритикованы внешнеполитическим ведомством России. Например, С.Д. Сазонов прокомментировал предложения П.Ф. Унтербергера следующим образом: «Инженер-генерал Унтербергер в бытность свою приамурским генерал-губернатором ожидал нападения на Россию в самом скором будущем, хотя в это время происходили русско-японские переговоры. Нужно учитывать этот факт в оценке политических прогнозов Унтербергера»⁶⁸.

Несмотря на предостережения царского правительства относительно невмешательства в японо-китайские дела, российским дипломатам в Пекине и Токио удавалось не только быть в курсе происходивших событий, но и определенным образом оказывать давление на японское правительство в китайском вопросе. Например, почти сразу же после начала переговоров между Пекином и Токио российский посол в Японии Н.А. Малевский-Малевич встретился с Като Такааки для обсуждения ряда вопросов, касающихся политики Японии и России в Китае. Представитель России предостерег японского министра иностранных дел, что, несмотря на лояль-

ное отношение официального Санкт-Петербурга к предъявлению требований, события в Китае могут быть неверно истолкованы в России и инициировать подозрительность по отношению к Японии со стороны российского общественного мнения. Вместе с тем Н.А. Малевский-Малевич еще раз подчеркнула параллельность японо-российских интересов в Китае и выразил мнение, что Токио и Санкт-Петербург смогли бы оказывать друг другу существенную поддержку, если бы им удалось откровенно и доверительно выяснить намерения в Китае. Като Такааки, по-видимому, прекрасно понял намерения своего собеседника и заявил, что те уступки, на которые японскому правительству удастся склонить Китай, пойдут на пользу и Японии, и России⁶⁹.

Единственной державой, попытавшейся, хотя и безуспешно, вмешаться в ход японо-китайских переговоров, оказались Соединенные Штаты. Государственный секретарь США Брайан после ознакомления с содержанием японских требований направил японскому послу в Вашингтоне ноту с возражениями против предоставления Японии дополнительных экономических привилегий в Китае и приглашения японских советников в центральные государственные учреждения Китая. В мае 1915 г. Государственный департамент предложил царскому правительству организовать совместный с Великобританией, Францией и Соединенными Штатами дипломатический нажим на Японию и Китай, чтобы не допустить перерастания японо-китайского конфликта в войну⁷⁰. С.Д. Сазонов в ответ на это предложение заявил, что по имеющейся у него информации Пекин собирается принять требования Японии, поэтому какое-либо вмешательство в японо-китайские переговоры теперь уже вряд ли целесообразно. К тому же, по словам министра, у правительства России просто не было иного выхода, кроме как поддержать Японию, которая оказывала ей военную помощь. С.Д. Сазонов также заметил, что хотя Великобритания и Франция понимают, какую опасность интересам стран Антанты Япония создает на Дальнем Востоке, они не смогут ничего сделать в отношении японо-китайских переговоров, поскольку у них «связаны руки войной в Европе»⁷¹. После провала попыток США повлиять на развитие японо-китайского конфликта, Вашингтон направил в Пекин и Токио дипломатические ноты, в которых заявлялось, что правительство Соединенных Штатов не признает никаких японо-китайских договоренностей, нарушающих «политику открытых дверей» в Китае.

Хотя японские требования затрагивали интересы Великобритании и Франции, правительства этих стран также заняли позицию своеобразного нейтралитета, так как нуждались в сохранении status quo на Дальнем Востоке и не считали возможным осложнять отношения с Токио, по меньшей мере, до конца войны. К тому же, Париж и Лондон полагали, что финансовая слабость Японии не позволит ей осуществить свои планы в отношении Китая.

Лондон опасался растущего японского влияния на Тихом океане и в Кифае, но английская дипломатия не решалась на серьезные заявления в адрес Японии. Тем не менее, в английских доминионах на страницах газет все же появилась вялая критика в адрес Японии, где японское правительство обвинялось в стремлении к установлению господства на Дальнем Востоке. Официальный Лондон самоустранился от любых комментариев на этот счет: на запросы депутатов парламента правительство официально заявило, что поддерживает дальнейшую экспансию Японии в Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Таким образом, за исключением выступления Вашингтона против пятой группы требований, касавшихся провинции Фуцзянь, японские требования были приняты китайским правительством с молчаливого одобрения ведущих держав. 25 мая 1915 г. Пекин согласился с японскими требованиями, из которых в окончательном варианте была исключена пятая группа. Следует подчеркнуть, что эта пятая группа была исключена из японского ультиматума во многом из-за опасений Токио, что принятие их Китаем окончательно подорвет англо-японский союз, который, несмотря на свое ослабление, все же был необходим Японии для решения вопросов по послевоенному устройству мира. Другой причиной исключения пятой группы требований явились настоячивые требования гэнро, недовольных чрезмерной самостоятельностью кабинета Окума Сигэнобу и деятельностью главы Касумигасэки Като Такааки, по инициативе которых пятая группа была включена в состав японского ультиматума⁷².

Япония, опьяненная своими военными успехами в Китае и на Тихом океане, очень остро реагировала даже на незначительные попытки ограничить ее влияние в Китае. Попытки Вашингтона вмешаться в ход японо-китайских переговоров, а также газетные публикации в британских доминионах вызвали ответную волну недовольства на Японских островах. В Японии звучали призывы «обнажить меч» против США и Великобритании, а в прессе появилось множество статей, в которых напрямую говорилось, что англо-японский союз потерял свое значение и является помехой для Японии. В японских газетах Япония и Англия нередко стали сравниваться с лошадью и наездником, причем авторы такого сравнения основывались на том, что, выступив на стороне Антанты ради защиты интересов Лондона, Япония создала для Великобритании и ее союзников возможность беспрепятственно заниматься морской торговлей, а теперь Япония не может расширить свое присутствие в Китае. Вот лишь одна из подобных цитат: «Япония играет на Дальнем Востоке роль собаки для Англии, которая оберегает ее достоинство и получает в награду обглоданную кость»⁷³. Судя по донесениям из Токио, подобную точку зрения разделяло и правительство Японии, все больше склонявшееся к разрыву англо-японских отношений и сближению с Германией,

причем Россия также рассматривалась японскими правительственными кругами как крайне ненадежный союзник, который «ничего не делает для упрочения мира между двумя странами»⁷⁴.

Поддержка японской политики в Китае, оказанная царским правительством во время японо-китайских переговоров, позволила Токио рассчитывать и на другие подобные уступки со стороны России. Так, в октябре 1915 г. японский МИД направил С.Д. Сазонову меморандум, в котором говорилось, что правительство Японии опасается нарушения мира на Дальнем Востоке в связи с попытками Юань Шикая восстановить в Китае монархию. В документе указывалось, что токийский кабинет согласовал с Лондоном совместное выступление для рекомендации Юань Шикаю подождать с изменениями государственного устройства Китая. Меморандум приглашал Санкт-Петербург присоединиться к демаршу, что и было сделано царским правительством.

Таким образом, выступив против Германии, Япония подготовила почву для дальнейшего расширения экспансии в Китае. Добившись в течение нескольких месяцев от Пекина принятия «Двадцати одного требования», Японская империя установила контроль над восточной Внутренней Монголией, провинциями Шаньдун и Фуцзянь, получила возможность для развития в этих областях экономической деятельности. Получив от Пекина обязательства не отчуждать иностранным державам территории на китайском побережье, Япония фактически закрыла туда доступ Великобритании, Франции и России. Действия Японии в Китае не встретили практически никакого возражения ведущих держав, которые постарались не перечить японским правящим кругам в их стремлении к расширению влияния на континенте. Политика невмешательства со стороны России, Великобритании и Франции привела к тому, что значительная часть Китая попала в монопольное распоряжение Японии.

Вместе с тем японское правительство не было удовлетворено результатами переговоров с Пекином, поскольку из требований была исключена пятая группа, предусматривавшая участие японских политиков в работе правительства Китая в качестве советников по политическим, военным и финансовым вопросам. Токио был нужен предлог для усиления давления на Пекин. Таким предлогом стал произошедший в августе 1916 г. инцидент в г. Чжэнцзяту, результатом которого явилось столкновение между китайскими и японскими войсками. Воспользовавшись инцидентом, Токио предъявил Китаю новые требования, которые по замыслу японских политиков должны были восполнить требования, от принятия которых Пекину удалось уйти в 1915 г. Токийский кабинет потребовал от Китая разрешения на присутствие японской полиции в некоторых районах Южной Маньчжурии для защиты своих подданных, а также обязательного присутствия в вооруженных силах Китая японских военных советников⁷⁵.

* * *

В итоге можно сказать, что подлинной причиной выступления Японии на стороне Антанты явилось не стремление к поддержанию мира на Дальнем Востоке, а намерение раз и навсегда уничтожить здесь германское влияние. Германский «бронированный кулак», выдвинутый в Желтое море, был постоянной угрозой японским интересам на Ляодунском полуострове и в Корее. Токийский кабинет выступил против Германии только после того, как тщательно изучил и проанализировал складывавшуюся на Дальнем Востоке обстановку, придя к выводу, что никто из держав, включая Соединенные Штаты, не сможет существенно помешать реализации японских планов. При довольно скромном использовании своих военных сил результаты войны оказались для Токио весьма удачными: Япония сумела не только установить главенство в Южной Маньчжурии и на юге Китая, но и присоединить к своим владениям бывшие германские колонии на Тихом океане. Навязывание Пекину «Двадцати одного требования» превратило Китай в зависимое от Японии государство, а также серьезно подорвало в Китае позиции Великобритании⁷⁶. Тем самым Япония превратилась из региональной державы в государство, претендующее на доминирующую роль в Азии.

Примечания

¹ *Кокумин дзюэмэй (Девизы японского народа)*. Харбин, 1944. С. 112.

² *Нагано Акира. Мансю-но тэцудо-о мэгуру нитибэйроси (Япония, Америка, Россия, Китай и вопрос о железных дорогах Маньчжурии)*. Токио, 1931. С. 75.

³ *Toyama M. Foreign Policy of Japan. 1914–1939*. Tokyo, 1941. P. 3.

⁴ *Cit. no: Dickinson F. War and National Reinvention. Japan in the Great War, 1914–1919*. Cambridge (Massachusetts) and London, 1999. P. 35.

⁵ *Dickinson F. Op.cit.*

⁶ *Тирниц А. Воспоминания*. М., 1998. С. 106.

⁷ Название «Южноокеанские острова» объясняется тем, что по своему географическому положению они расположены к югу от Японских островов.

⁸ *Яно Нобуру. Нансин-но кэйфу (Геналогия доктрина движения на Юг)*. Токио, 1975. С. 11–17.

⁹ *Хирама Ёити. Дайитидзи сэкай тайсэн то Нихон кайгун (Первая мировая война и военно-морской флот Японии)*. Токио, 1998. С. 58.

¹⁰ «Япония и Америка», 30 декабря 1916 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4167, л. 20.

¹¹ *Тэраути Масатакэ никки (Дневник Тэраути Масатакэ)*. 1900–1919. Токио, 1980. 5 августа 1914 г. С. 635.

¹² *Тирниц А. Указ. соч.* С. 204.

¹³ Следует отметить, что в большинстве трудов японских историков, посвященных участию Японии в Первой мировой войне, в качестве главной причины, побудившей Японию выступить на стороне Антанты, называется, как правило, англо-японский союзный договор. См., например, *Хирама Ёити. Указ. соч.* С. 3–7; *Мориякава Масамити. Дайитидзи тайсэн то Пари кова кайги (Первая мировая война и Парижская мирная конференция)*. Токио, 1983. С. 8–9.

¹⁴ *Дневник Тэраути Масатакэ, 10 августа 1914 г.* С. 636.

¹⁵ *Wywater Hector C. Sea Power in the Pacific: A Study of the American-Japanese Naval Problem*. London, 1921. P. 21. Несом-

рия на присоединение Японии к антигерманской коалиции, прогерманское влияние играло заметную роль во внешней политике Японской империи в течение всей Первой мировой войны. Так, уже через неделю после начала военных действий между Японией и Германией японской администрации на материке из Токио были разосланы инструкции, в которых предписывалось оказывать всяческое содействие германским подданным, находящимся на территории Японии, Кореи и Южной Маньчжурии, а также заявлялось, что подданные Германии, к которым «Япония не питает враждебных чувств», имеют возможность не только заниматься прежними делами, но и искать защиты в японских судах. См.: Донесение Н. Бирюкова, 20 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4164, л. 28.

¹⁶ Секретная телеграмма посла в Токио Н.А. Малевского-Малевица, 12 ноября 1914 г. АВПРИ, «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, д. № 71, л. 207. Дешета посла в Токио. 3 мая 1917 г. АВПРИ, «Японский стол», оп. 493, д. № 925 (Т. 1), л. 115. Хотя Токио объявил Германии войну, японский кабинет разрешил германским подданным остаться повсеместно в Японии, причем не только для ведения торговли и занятой частным бизнесом, но и для службы в японских государственных учреждениях. Япония не стала сворачивать торговые отношения с Германией и исправно осуществляла финансовые операции с этой страной в течение всей Первой мировой войны. Более того, из Берлина в германский банк в Июкогаме в течение 1914–1918 г. осуществлялся перевод денежных средств, предназначенных для подкупа японских должностных лиц и журналистов. Существуют данные, указывающие на то, что и некоторые российские коммерсанты в годы Первой мировой войны продолжали вести нелегальную торговлю с Германией. По сообщениям российской прессы, из России в Германию поступал невыделанный мех, а из Германии в Россию — готовые меховые изделия. См.: «Приамурская Жизнь», 9 апреля 1915 г.

¹⁷ Секретная телеграмма посла в Токио Н.А. Малевского-Малевица, 16 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4056, л. 19.

¹⁸ Имеется в виду так называемый «Нанкинский инцидент» — события 1913 г. в Нанкине, когда при взятии города войсками Юань Шикая было убито три японца.

¹⁹ Камимура Синъити. Гайко годзюэн (Пятьдесят лет дипломатической работы). Токио, 1960. С. 42.

²⁰ Телеграмма посла в Токио, 8 августа 1914 г. АВПРИ, «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, д. № 116, л. 50. Н.А. Малевский-Малевиц — Н.А. Гондатти, 7 августа 1914 г. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. № 950, л. 29. Н.А. Гондатти — Н.А. Малевскому-Малевицу, 22 августа 1914 г. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. № 950, л. 45.

²¹ Речь идет о Симонсеском мирном договоре, завершившем японо-китайскую войну 1894–1895 г., одним из условий которого была передача Японии Китаем полуострова Ляодун. На самом деле совместное выступление трех держав было инспирировано не Германией, а царским правительством, увидевшим в мирном договоре угрозу интересам России на Дальнем Востоке.

²² См., например: «Токио Асахи Симбун», 19 августа 1914 г.; «Кэйдзё Ниппо», 20 августа 1914 г.

²³ «Китай и Япония», № 205, 23 августа 1914 г.

²⁴ «Кэйдзё Ниппо», 20 августа 1914 г.

²⁵ В. Крупенский — С.Д. Сазонову, № 39 // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства, серия III, тт. 1–10. М.-Л., 1935. Т. VII, Ч. 1.

²⁶ В.В. Граве — С.Д. Сазонову, № 88 // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VII, Ч. 1.

²⁷ Тирниц, А. Указ. соч. С. 126.

²⁸ Там же.

²⁹ «Ёмиури Симбун», 6 сентября 1914 г.

³⁰ Донесение Н. Бирюкова, 20 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000,

оп. 1, д. № 4164, л. 30. Eisenstadt S.N. Japanese Civilization: a Comparative View. Chicago, 1996. P. 45.

³¹ Киёсава Киёси. Нихон гайкоси (История японской дипломатии). Токио, 1942. С. 361.

³² Морикава Масамити. Указ. соч. С. 13.

³³ Разведка штаба Иркутского военного округа в Особое делопроизводство Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), 25 октября 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4126, л. 477.

³⁴ Там же.

³⁵ Информация о том, что японское правительство изначально намеревалось использовать захват Циндао для получения от Пекина компенсаций, подтверждается, в том числе, и дневниковыми записями. На это, например, указывает в своих мемуарах Тэраути Масатакэ. См.: Дневник Тэраути Масатакэ, 11 августа 1914 г. С. 637.

³⁶ «Китай и Япония», 1914, № 223. С. 33. «Сэкай симбун», 8 декабря 1914.

³⁷ Разведка штаба Иркутского военного округа в Особое делопроизводство Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), 25 октября 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4126, л. 477. «Приамурские Ведомости», 2 ноября 1914 г.

³⁸ Секретная телеграмма посла в Токио, 12 ноября 1914 г. АВПРИ, «Канцелярия министра иностранных дел», Оп. 470, Д. № 71, Л. 207.

³⁹ Донесение Н. Бирюкова, 18 ноября 1915 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4164, л. 322–323.

⁴⁰ Секретная телеграмма посла в Токио, 5 февраля 1916 г. АВПРИ, «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, д. № 73, л. 19.

⁴¹ В. Крупенский — П.Н. Милокову, 10 апреля 1917 г. АВПРИ, «Японский стол», оп. 493, д. № 925, л. 95.

⁴² Камимура Синъити. Указ. соч. С. 42.

⁴³ «Русское Слово», 27 сентября и 10 октября 1914 г.

⁴⁴ Секретная телеграмма посла в Токио Н.А. Малевского-Малевица, 22 октября 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4056, л. 28. Японо-американские разногласия были вызваны принятием в 1913 г. властями Калифорнии, а затем и ряда других штатов Земельного закона об иностранцах (Alien Land Law), согласно которому первое поколение японских эмигрантов (иссэи), проживавших на территории США, могло арендовать землю только на три года и не имело права передавать ее по наследству по причине отсутствия американского гражданства. Попытки японцев приобрести земельные участки на своих детей, имевших американское гражданство, привели к внесению в Земельный закон новых поправок, согласно которым, японцам запрещалось выступать опекунами несовершеннолетних американских граждан. См.: Савельев И.Р. Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб., 1997. С. 118–119.

⁴⁵ «Япония и Америка», 30 декабря 1916 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4167, л. 20.

⁴⁶ В январе 1917 г. правительство Японии попыталось добиться согласия Великобритании дать заверения, что германские владения на Тихом океане, захваченные Японией, останутся за ней. Правительство Великобритании заявило, что поддержит японские требования на будущей мирной конференции. Российское правительство согласилось поддержать требования Японии на известных условиях. Накануне обращения Японии за поддержкой к России российский посол в Токио В.Н. Крупенский заявил главе японского МИДа Мотоно Итиро, что на степень поддержки Россией Токио «не может не повлиять готовность Японии поставлять России тяжелую артиллерию и предоставлять денежный заем». Японский министр согласился с такими условиями, после чего российское правительство присоединилось к японским требованиям. См.: Секретная телеграмма посла в Токио В.Н. Крупенского, 12 января 1917 г. АВПРИ, «Канцелярия министра иностранных дел», оп. 470, д. № 123, л. 3.

- ⁴⁷ Бродский Р.М. 21 требование Японии Китаю в 1915 г. Львов, 1947. С. 121.
- ⁴⁸ Разведка штаба Иркутского военного округа. 16 августа 1914 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4126, л. 432.
- ⁴⁹ «Токё Асахи Симбун». 4 декабря 1914 г.
- ⁵⁰ Усуи Кацуми. Нихон то Тюгоку: Тайсё дзидай (Япония и Китай: эра Тайсё). Токио, 1972. С. 82.
- ⁵¹ По данному вопросу см.: Накамура Акира. Дайтоа сэносэ-но мити (Путь к войне в Великой Восточной Азии). Токио, 1995. С. 149-156. Walter Young C. Japanese Jurisdiction in the South Manchuria Railway Areas, New York, 1979. P. 176-185.
- ⁵² В первую группу вошли требования, предусматривающие согласие Китая на любую договоренность между Японией и Германией по вопросу о дальнейшей судьбе провинции Шаньдун. Японское правительство потребовало от Пекина согласия на постройку железной дороги от Чифу до Лунокю, что позволило бы соединить ее с железной дорогой Циндао - Цзинань. Помимо этого токийским кабинетом было выдвинуто требование об открытии в Китае ряда новых портов для ввоза японских товаров. Вторая группа требований предусматривала превращение восточной Внутренней Монголии в японскую сферу влияния, а также усиление японского влияния в Южной Маньчжурии. Предлагалось продлить срок аренды Порт-Артура, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог еще на 99 лет. В случае принятия требований, японские подданные получали право приобретать земли в Южной Маньчжурии и восточной Внутренней Монголии, заниматься там любой коммерческой деятельностью. Японская сторона также требовала от Пекина согласия на предоставление Японии ряда горных концессий. Китайское правительство также должно было дать обязательство без одобрения Токио не выдавать концессий на строительство железных дорог в этих провинциях и не заключать соглашений об иностранных займах под залог получаемых с них доходов. Помимо всего вышеречисленного, от Китая было потребовано передать контроль и управление железной дорогой Гирич - Чанчунь Японии. В третьей группе японских требований говорилось о создании из Ханьпинского металлургического комбината, которому принадлежали железорудные и угольные копи на р. Янцзы, японо-китайской фирмы, что на деле означало передачу комбината Японии. Четвертая группа содержала требования, касавшиеся самой территории Китая. От Пекина требовалось согласие не уступать и не сдавать в аренду третьей державе гаваней, бухт и островов вдоль побережья Китая. В пятой группе содержались требования, касающиеся приглашения влиятельных японцев в качестве советников по политическим, экономическим и военным делам, передачи в совместное управление Пекина и Токио полицейских учреждений в важнейших районах Китая, принятия на службу в полицию в этих районах японцев, предоставления японским подданным права миссионерской пропаганды. Помимо этого, от Китая требовалось согласие на приобретение не менее 50 % вооружения в Японии, создание совместного японо-китайского арсенала, приглашение японских технических экспертов. Здесь же содержалось требование на предоставление Японии концессии на сооружение железной дороги в долине р. Янцзы, что должно было обеспечить Токио контроль над центром китайской торговли и промышленности в противовес Великобритании см.: Mo Shen. Op. cit. P. 390-391.
- ⁵³ Бродский Р.М. Указ. соч. С. 116.
- ⁵⁴ Като - Хюки, 24 марта 1915 г. // Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы) (1915). Т. 3. С. 257.
- ⁵⁵ Цит. по: Бродский Р. М. Указ. соч. С. 102-103.
- ⁵⁶ Н.А. Малевский-Малевиц - С.Д. Сазонову, 11 марта 1915 г. АВПРИ, «Японский стол», оп. 493, д. № 923, л. 109.
- ⁵⁷ Рапорт полковника Мореля Генерал-квартирмейстеру генерального штаба, 25 апреля 1915 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4160, л. 43.
- ⁵⁸ Н.А. Малевский-Малевиц - С.Д. Сазонову, 2 февраля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VII, Ч. 1. С. 201.
- ⁵⁹ С.Д. Сазонов - В.Н. Крупенскому, 22 февраля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. Т. VII. Ч. 2. С. 304.
- ⁶⁰ См.: «Летопись войны», 1915 г. № 32, С. 519. «Приамурская Жизнь» 23 декабря 1915 г. «Приамурские Ведомости» 28 июля 1915 г. «Правительственный Вестник» 6 января 1915 г.
- ⁶¹ «Приамурские Ведомости» 3 февраля 1915 г.
- ⁶² Despatch: Embassy. «Japan and China». May 9, 1915. The Secretary of State, Washington. // Confidential U.S. Diplomatic Post Records. Part I: Russia: From Czar to Commissars (1914-1918). Edited by Paul Kesaris. Guide Compiled by Dale Dale Reynolds. A Microfilm Project of University Publications of America, INC. 1982. Reel 3, № 0001.
- ⁶³ Н.А. Малевский-Малевиц - С.Д. Сазонову, 30 января 1915 г. АВПРИ, «Японский стол», оп. 493, д. № 923, л. 60-61.
- ⁶⁴ П.Ф. Уитеребергер - И.А. Горемыкину // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VII, Ч. 1. С. 469.
- ⁶⁵ Я.Я. Лютиш - С.Д. Сазонову 30 июня 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VIII, Ч. 1. С. 86-87.
- ⁶⁶ П.А. Барк - С.Д. Сазонову 17 августа 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VIII, Ч. 2. С. 94-96.
- ⁶⁷ Памятная записка Министерства иностранных дел японскому послу в Петрограде Мотоно, 9 февраля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VII, Ч. 1. С. 307.
- ⁶⁸ С.Д. Сазонов - И.А. Горемыкину, 13 марта 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.-Л., 1935. Т. VII, Ч. 1. С. 471-472.
- ⁶⁹ Н.А. Малевский-Малевиц - С.Д. Сазонову, 5 февраля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Т. VII, Ч. 1. С. 189.
- ⁷⁰ State Department to Embassy (Petrograd). May 8, 1915. // Russia: from Czar to Commissars (1914-1918). Reel 3, № 0001.
- ⁷¹ Despatch: Embassy. «Japan and China». May 9, 1915. The Secretary of State, Washington. // Russia: from Czar to Commissars (1914-1918). Reel 3, № 0001.
- ⁷² По мнению японского исследователя Китаока Синьити, генро и особенно маршал Ямагата были обеспокоены тем, что японская политика в Китае вызовет негативную реакцию ведущих держав. См.: Китаока Синьити. Нихон рикугун то тайрику сэйсэаку (Японская армия и континентальная политика). Токио, 1978. С. 177.
- ⁷³ «Peking Daily News», 29 июля 1916 г.
- ⁷⁴ «Положение Японии», 28 августа 1916 г. РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. № 4167, л. 2-6.
- ⁷⁵ Японо-китайские трения по провинции Шаньдун со временем вылились в серьезную проблему, которая была разрешена лишь в 1922 г. на международной конференции в Вашингтоне. Решением конференции территория провинции Шаньдун была возвращена Китаю.
- ⁷⁶ Необходимо заметить, что участие Японии в мировой войне не ограничилось Дальним Востоком. В январе 1917 г. Япония направила свои корабли в Средиземное море для осуществления конвоирования военных транспортов Великобритании и Франции. Японские военные корабли также осуществляли патрулирование Тихого океана в районе о. Мидуэй. Однако данный аспект требует отдельного рассмотрения.

О природе знания школ воинских искусств

Уникальной особенностью традиционной японской культуры является наличие школ (рю или рюха). Школы, которые можно рассматривать, как минимум, в двух аспектах — как особую организацию, в которой осуществляется передача знаний от наставников ученикам, и как знание, учение как таковое, — существуют во всех традиционных искусствах: в каллиграфии, музыке, танцевальном искусстве, чайной церемонии и т.д. Особенно много школ возникло в воинских искусствах — бугэй. По оценкам специалистов, к концу эпохи Эдо (1603–1867) в Японии существовало до 9000 различных рю, охватывавших практически все аспекты военного дела — от фехтования мечом до военной топографии и сигнализации ударами в гонг [Draeger, с. 21].

Здесь во избежание путаницы следует особо подчеркнуть, что речь идет не о залах для занятий боевыми искусствами (додзё), а именно об особых технических и духовных традициях, характеризующихся наличием собственной, подчас уникальной, теории и установленного технического арсенала, зафиксированного в специальных «каталогах» (мокуроку).

Особый интерес представляют школы бугэй, возникшие в период средневековья и сохранившиеся до наших дней: школы фехтования мечом Катори синто-рю, Синкагэ-рю, Итто-рю и др., боя без оружия — Асаяма итидэн-рю, Ягю синган-рю, Араки-рю, Кираку-рю и др., метания стрелок — Нэгиси-рю, Сирай-рю и др. Всего в настоящее время существует не менее сотни школ воинских искусств различной специализации, возникших в XIV — XIX вв.

Поражает живучесть этих традиций, созданных триста, четыреста, а то и пятьсот лет назад. В то время как в Европе с развитием военного дела устаревшие его формы бесповоротно отмирали, да так основательно, что даже самое общее представление о них в настоящее время составить чрезвычайно трудно¹, японские рю, даже полностью оторвавшись в постмэйдзийский период от современной военной практики, продолжают сохраняться и сегодня в отнюдь не цельном и неизменном виде. В чем же причина этого феномена? Как представляется автору, один из главных факторов — специфическая природа Знания школы бугэй и способов его обретения. Об этом и пойдет речь в статье.

В старых японских текстах по бугэй и другим искусствам мы то и дело сталкиваемся со словом «передача» (дэн, цугаэ, кит. чуань), заменяющим слово «обучение». Наставник бугэй не просто учил, но именно передавал своим ученикам — передавал Знание, составляющее сущность школы, ее «тело».

Это Знание имеет глубоко сакральную природу. Об этом свидетельствуют сами названия многих школ бугэй, включающие различные производные от слова «передача»: «божественная передача» (синдэн), «прямая передача [от божества]» (дзидэн), «правильная передача» (сёдэн), «истинная передача» (синдэн) и др. С точки зрения японской традиции, Знание отнюдь не является плодом одного лишь усердия в ежедневных бесконечных и утомительных тренировках, личного опыта, обретенного в боях, неугасимого стремления

Асаяма Итидэнсай, основатель школы Асаяма итидэн-рю, получает секреты фехтования мечом от божества Асаяма Фудо-мё (из свитка «Инка сэиси-но маки»)

познать секреты воинского искусства, таланта и ума. Всего этого недостаточно для обретения высшего, истинного Знания, которое может быть получено либо от богов, либо «открыто» через сатори — буддийское «пробуждение» (просветление). Именно такое сакральное и обладающее абсолютной ценностью Знание и лежит в основе школ бугэй.

Получение Знания от божества

Типичный пример предания о получении знания от божества — «история» школы Катори синто-рю — Школы пути божества [святилища] Катори. Основатель Катори синто-рю Иидзаса Тёсай Иэнао (традиционная датировка жизни 1387–1488) был выходцем из уезда Катори провинции Симоса, с детства изучал фехтование на мечах и копьях под руководством местного наставника и достиг значительных успехов. В зрелом возрасте он отправился в Киото, тогдашнюю столицу Японии, где поступил на службу к сёгуну Асикага Ёсимаса (1436–1490). Однако уже вскоре он по какой-то причине вернулся на родину и поступил на службу к дому Тиба. После гибели Тиба в распре Иидзаса стал монахом буддийской школы Сингон, расстался со своей семьей и поселился отшельником неподалеку от древнего синтоистского святилища Катори. Параллельно он обучал местных жителей искусству фехтования мечом. По легенде, однажды один из учеников мастера вымыл своего коня в ручье, протекавшем поблизости от святилища Катори-дзингу. Через некоторое время конь издох в ужасных страданиях. Мастер приписал гибель коня недовольству божества Фуцунуси, чей ручей был осквернен, и стал поклоняться ему. Он дал обет в течение тысячи дней беспрестанно молиться Фуцунуси и заниматься тренировками в святилище Катори [Отакэ, т. 1, с. 16]. И на тысячный день его молений, как описано в «Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю хэйхо» («Искусство фехтования мечом школы Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю»; 1867 г.), «два бога Неба и Земли, [начал] Инь и Ян спустились с небес во [двор святилища], и Тэнсинсё — [Бог] Небесный Истинный Справедливый — в превращенном облике юноши обратился к Тёсай [со словами]: «Ты затворился в святилище на 1000 дней, и исполнилось твое великое желание — я явился сюда. Я жалею тебе книгу об искусстве меча в одном свитке, что находится на вершине старой сливы. Ради этого я и явил это чудо» [Тэнсинсё-дэн, с. 350]. Так, согласно легенде, родилась школа Катори синто-рю.

В старейшей «истории» японских воинских искусств «Хонтё бугэй сёдэн»² цитируется «Соун ки» («Повесть о [Ходзё] Соун»), где говорится: «Фехтовальщики из школы Синто-рю рассказывают: «Поскольку искусство боя мечом [нашей школы] было даровано Иидзаса богами храмов Касима и Катори, в письменных наставлениях (дэнсё; букв. «письменная передача») значит «Тэнсинсё-дэн» — «Переданная богами Тэнсинсё». «Тэнсинсё» — это почтительное обозначение богов [Касима и Катори]»³ [Хинацу, с. 52].

Часто контакт воина с божеством происходит во сне. Например, об Оцубо Додзэн, основателе школы верховой езды (бадзюцу) Оцубо-рю, «Хонтё бугэй сёдэн» сообщает: «Однажды он направился в провинцию Хитати, помолился богу Касима и во сне получил [правильные] размеры седла и стремян. Это [седло] называют «мусо-но кура» — «седло, [переданное] во сне». [Оцубо] хранил его в тайне и не поверял другим людям. Говорят, что Додзэн — прямой ученик Великого бога Касима» [Хинацу, с. 48].

Там же об основателе школы боя копьем Мухэн-рю Оути Мухэн говорится: «В письменном наставлении говорится: «Мухэн помолился богу горы Сэмбоку Маюми-яма, что в уезде Ёкотэ области Усю, [бог] наслал на него вещий сон (рэйму), и [Мухэн] достиг чудесного мастерства (синмё)»» [Хинацу, с. 92].

Инвариантом предания о получении Знания от божества являются предания о получении Знания основателем школы воинского искусства от идзин.

Стандартное словарное значение слова «идзин» — «чужестранец», «другой человек». Реально же имеется в виду человек или иное существо, обладающее особыми качествами, — необычным внешним видом, волшебным умением и т.д. В категорию идзин попадают черти в человеческом облике (онибито); человеко-обезьяны (сарубито); святые, способные входить в контакт с богами (синдзин); монахи, обладающие сверхъестественной способностью общения с богами (синсо); тэнгу⁵; каппа⁶; волосатые буддийские монахи (мободзу); горные отшельники (ямабуси); странствующие монахи, играющие на флейте (комусо); странствующие рыцари (кёю); странники и т.д., а также иностранцы — путешественники и иммигранты: китайцы, персы, индийцы, вьетнамцы, корейцы и т.д. [Фудзивара, с. 461].

В легендах и сказках можно выделить следующие основные типы идзин: 1) существа, живущие за границей: хаято, айну, санка⁷, иностранцы; 2) че-

Тэнгу демонстрирует прием с дубинкой-дзиттэ (из наставления «Кэмпо дзу» школы Ёсин-рю дзюдзюцу)

ловекоподобные сказочные существа: тэнгу, каппа, сарубито, онибито, синдзин, синсо; 3) странники: странствующие монахи, комусо, бродячие торговцы, ремесленники и артисты, бродяги; 4) лица, живущие обособленно: отшельники, проститутки, нищие-попрошайки; 5) избегаемые (отчужденные): сироты, сумасшедшие, слепые, глухие, заики, карлики, прокаженные; 6) лица, временно живущие в данной местности: беженцы, изгнанники, ссыльные, странствующие рыцари, путешественники, паломники. Что касается воинских искусств, то в преданиях об идзин чаще всего упоминаются представители первых двух категорий: тэнгу, каппа, онибито, синсо, синдзин и ямабуси [Фудзивара, с. 465].

Объединяет все эти группы идзин их необычность, отличие от местного населения. Прежде всего, их представители выделяются внешним обликом и образом жизни. Они либо обитают за пределами среды повседневного обитания, освоенной обычными людьми, либо вообще не имеют постоянного места жительства и находятся в постоянном движении. Необычность облика и образа жизни заставляет предполагать за идзин и обладание необычными свойствами — владение секретами волшебства, умение входить в контакт с богами и т.д., т.е. магическим Знанием, являющимся предметом вождения людей этого мира. Не случайно иероглиф «и» /«котонару» в слове «идзин» имеет не только значения «другой», «отличный», «чуждый», но и «странный», «ненормальный», «исключительный».

Таким образом, идзин — это странное, с точки зрения обычного человека, существо, обладающее сверхъестественными способностями. Прежде всего, это способность входить в контакт с божествами и выступать в качестве посредника между ними и обычными людьми. Именно в качестве посредников, трансляторов божественной воли и Знания и выступают идзин в преданиях школ воинских искусств. Приведем несколько примеров.

О Такэноути Хисамори, основателе школы боя без оружия и подручными средствами (дзюдзюцу) Такэноути-рю, в главе «Нихон торимоно кайдзан» («О создании японской борьбы») книги «Бугэй хасиримавари» («Рассказы о воинских искусствах») сообщается: «Однажды [Хисамори], чтобы предаться голодному радению, удалился в горную глушь Санномия... Там он воздерживался от пищи, приготовленной на огне, в течение 37 дней. Чтобы время от времени посылать известия в замок, где он жил, он назначил своим посыльным слепого массажиста, который приходил к нему один раз в день, но о его [изможденном] состоянии [по причине слепоты] узнать не мог.

На 37-й день радения по небу пролетело множество коршунов. После этого перед глазами Хисамори по воздуху стали носиться предметы из снаряжения ямабуси — дорожный посох, соломенная шляпа. Хисамори очень удивился этому, закрыл глаза и стал про себя молиться.

В это время — в 24-й день 6-го месяца 1-го года Тэмбун (1532), под конец 37-го дня радения, в это место словно из ниоткуда неожиданно явился ямабуси и обратился к Хисамори. При этом Хисамори по-прежнему держал глаза закрытыми и на этого человека не смотрел. Было это место не такое, где люди ходят, и он принял его за слепого массажиста, который обычно приходил днем, и спросил, не случилось ли чего в деревне. Тогда ямабуси отвечал: «Ты всегда любил воинскую доблесть и, будучи слабосильным, стремишься научиться одолевать сильных, ты обратился за помощью ко мне, и я явился, чтобы исполнить твое желание».

Хисамори чрезвычайно обрадовался, поведал о своих мечтах, и тогда ямабуси срезал цветущую ветку длиной в 1 сяку и 2 сун (ок. 37 см) [и еще] срезал лозу длиной в 7 сяку и 5 сун (ок. 230 см) и передал [Хисамори] 5 [приемов] торидзё⁸ для быстрого связывания врага (хаянава) и 35 приемов коси-но мавари⁹. С тех пор деревянный меч школы Такэноути-рю имеет размеры 1 сяку 2 сун, а веревка для связывания — 7 сяку 5 сун. Цвета она фиолетового — в цвет [срезанной ямабуси] лозы. Хисамори очень удивился, выразил этому ямабуси свое почтение, воспринял приемы во всех деталях и всеми до единого овладел» [Маруяма, с. 96-97].

От ямабуси, согласно преданию, получил свое Знание и Камбэ Оки нюдо, основатель школы воинского искусства Рикисин-рю, и многие другие основатели школ бугэй. Родоначальник школы Мусо дзикадэн-рю монах Икэйбо Тёхэн, живший в местечке Дорогава на горе Обаяси-яма в провинции Ямато, получил секреты воинского искусства от каппа по имени «Тэнсинсё» и т.д. [Осано, с. 110-116; Фудзивара, с. 463-465].

Вообще, как утверждает мифология воинских искусств, от богов были получены не только Знания отдельных школ, но воинские искусства в целом. Так, в «Хонтё бугэй сэдэн» всякое отдельное искусство (за несколькими понятными исключениями в виде, скажем, ходзюцу — искусства применения огнестрельного оружия, заимствованного у европейцев) возводится к богам и культурным героям: «Стратегия (хэйхо) берет свое начало от божественных воинов Касима и Катори¹⁰, от того, как император Дзимму¹¹ соизволил усмирить мятежников, как Ямато-такэру-но микото¹² покарал восточных варваров, как императрица Дзингу кого¹³ соизволила напасть на Три страны Кара¹⁴...» [Хинацу, с. 11].

«...Искусство стрельбы из лука началось с четырех луков Века Богов¹⁵...» [Хинацу, с. 29].

«...Искусство боя мечом начинается с божественного искусства, [явленного] богами Такэмикадзути-но микото и Фуцунуси-но микото, которые воткнули мечи в десять пястей обратными концами (т.е. рукоятями — А.Г.) в землю и уселись на их кончиках¹⁶» [Хинацу, с. 52] и т.д.

Такое понимание истории воинских искусств вполне естественно в контексте японской мифологи-

Божество Мариситэн — покровитель воинов
(из свитка «Ёсин-рю какуго-но маки»)

ческой традиции. Познакомившись с древнейшими японскими мифологическими-летописными сводами «Кодзики» (712) и «Нихон сёки» (720), мы увидим, что в древнеяпонской периодизации истории Веку людей предшествует Век Первопредков, а ему — Век богов. С этой точки зрения, история — не прогрессивное восхождение к светлому и счастливому будущему, как ее, порой, представляет рационалистическая традиция Запада, а, напротив, процесс постепенной утраты могущества, чудотворной силы, способной претворять этот мир. Отсюда — почитание древности и идея возврата к истокам, которые составляют вечный лейтмотив всей японской культуры. В этой традиции любая вещь, любое явление тем ценнее, значимее и правильнее, чем оно старше. Поэтому для японцев оказывается жизненно важным углубить историю того или иного явления до божеств-первопредков, до предела древности, чтобы это явление приобрело абсолютную ценность изначальной реальности. А естественной миссией человека оказывается передача потомкам в неизменном виде того, что когда-то было передано богами первопредкам, а от них дошло до него самого. Не случайно «Хонтё бугэй сёдэн» оперирует на первый взгляд кажущимися совершенно алогичными сочетаниями «тюко-но со» или просто «тюко», где «тюко» означает «возрождение, реставрация, период нового подъема» [Фельдман-Конрад, с. 496], а «со» — «предок, родоначальник, основатель, основоположник» [там же, с. 430]. Например, об основателе школы Катори синто-рю этот источник сообщает: «Иидзаса, возродивший [искусство боя мечом] (букв. «тюко Иидзаса»), получил это искусство от [бога] Тэнсинсё и многое сделал для процветания искусств боя мечом и копьем» [Хинацу, с. 52].

С точки зрения обыденной логики, трудно понять, как один и тот же человек может одновременно быть и основателем, и реставратором. А между тем, с точки зрения японской традиции, это вполне логично: искусство боя мечом уже некогда даровано людям богами, но из-за утраты человеческим родом способности контактировать с ними, потом было забыто. Поэтому-то Иидзаса Иэнао — человеку, достойному внимания богов, — и пришлось его «возродить».

Боги, разумеется, даруют Знание лишь самым достойным — добродетельным и благочестивым воинам, целиком отдающимся постижению воинского искусства.

Во всех преданиях контакт с божеством происходит в святом месте — в синтоистском святилище или в буддийском храме, на священной горе или в священной пещере.

Чаще всего в контакт с воинами входят древние воинские божества Такэмикадзути-но микото и Фучунуси-но микото, основными центрами поклонения которым были святилища Касима-дзингу и Катори-дзингу, популярные буддийские божества и бодхисаттвы — Мариситэн, Каннон и др., обожаемые исторические (или полусторические) воители — Ямато-такэру, Саканоуэ-но Тамурамаро и др.

Обязательным условием установления контакта воина с божеством является исполнение обета, поднесение жертвенного дара божеству, в качестве которого выступает необычайно рьяная, чрезвычайно тяжёлая многодневная тренировка в воинских приемах, превращающаяся благодаря этому в сюё — «подвижничество», «радение», в духовный подвиг. Суть этого радения, которое всегда проходит строго индивидуально, вдали от людей, заключается в ритмичных бесчисленных повторениях одних и тех же технических приемов — ударов, блоков — на протяжении многих часов и даже суток. Особое значение имеет, конечно же, психологический настрой. Недаром, в уже упоминавшемся тексте «Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю хэйхо» имеются слова «сила концентрации (нэнрики) пронзает скалы» [Тэнсинсё-дэн, с. 350]. Такая тренировка, проходящая на грани человеческих возможностей, с точки зрения традиции, видимо, и побуждает божество передать воину священное Знание воинского искусства.

Типологически такой способ получения Знания во многом сродни шаманскому общению с духами, характерному для древнего прасинтоизма. Более того, глава школы, получивший свое Знание от божества или его посредника, по своим функциям во многом тождественен синтоистскому «господину божества» — каннуси, а сама школа — святилищу. Так, главу школы можно рассматривать в качестве священнослужителя, устанавливающего контакт с божеством-покровителем и создающего канал, с помощью которого члены школы могут приобщиться к воле божества и переданному им божественному Знанию. Сама школа как Знание выступает как бестелесное «тело божества», т.е. синтай — предмет, замещающий божество и, по поверью, обладающий всеми его чудотворными свойствами. На это указывают, например, следующие слова «Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю хэйхо»: «... Даже если не помолишься тысяче ками, но будешь сражаться посредством чудесного искусства великого божества, никогда поражения не потерпишь» [Тэнсинсё-дэн, с. 350]. Кроме того, синтай может быть и опредмечен. Именно такую функцию, по-видимому, выполняет свиток об искусстве боя мечом, согласно

преданию, переданный богом Тэнсинсё основателю школы Катори синто-рю. Так же, как и настоящий синтай синтоистского святилища хранится в «глубинном святилище» храма и крайне редко либо вообще никогда не предьявляется верующим, этот свиток до настоящего времени передается от главы школы к наследнику в тайне и остается недоступным ее рядовым членам, выступая вместе с тем залогом наследования последователями Катори синто-рю божественного искусства фехтования.

Получение Знания в результате пробуждения (озарения)

Получение Знания от божества или его представителя — не единственный способ его обретения. Основатель школы воинского искусства может и «открыть» его в мистическом акте «пробуждения» («просветления» — сатори). Об этом рассказывается, например, в предании о создателе школы кэндзюцу Мугай-рю Цудзи Гэттан Сукэмоти.

Цудзи начал изучать бугэй еще в детстве и к 26 годам под руководством известного наставника Ямагути Бокусинсай овладел школой кэндзюцу Ямагути-рю. После этого он отправился в странствие в поисках учителей, обошел почти всю Японию, повсюду сражаясь с мастерами разных школ, а потом обосновался в Эдо и открыл собственное додзё. Будучи уже известным наставником со многими учениками, Цудзи Сукэмоти вдруг почувствовал, что его знания еще далеки от полноты. Тогда он вновь отправился в трехгодичное путешествие в надежде встретить

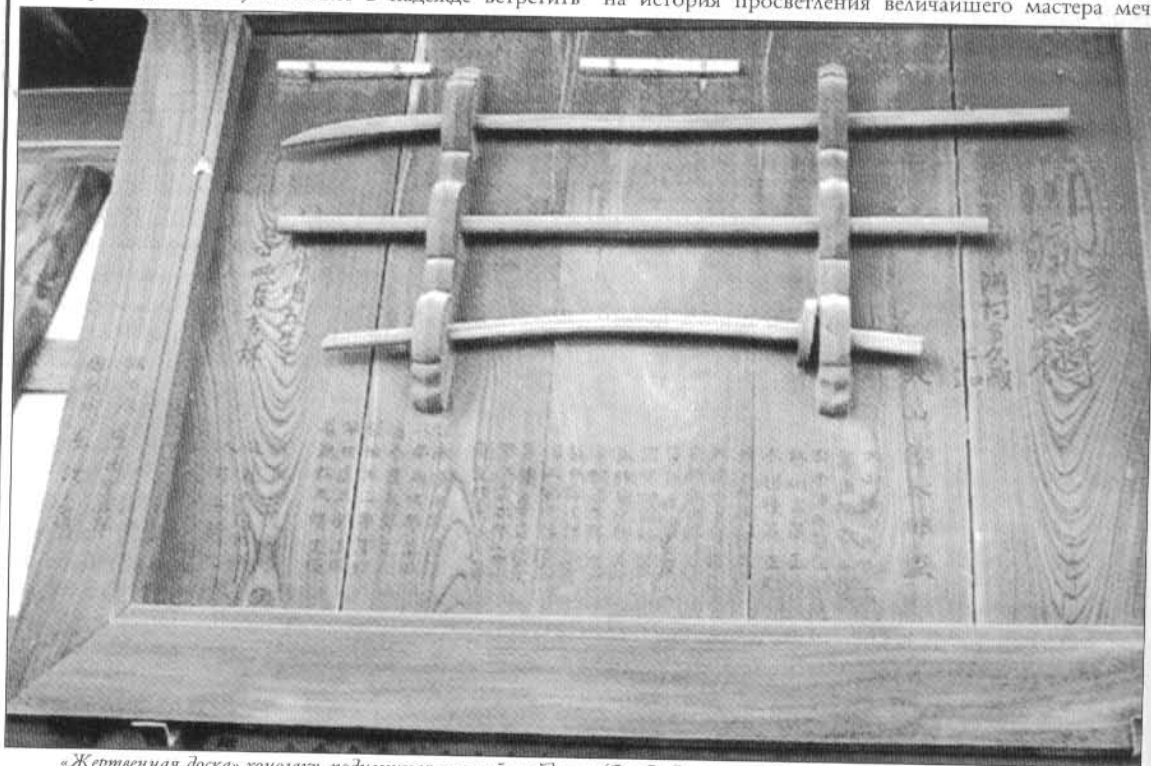
кого-нибудь, кто смог бы передать ему сокровенную сущность искусства меча. На протяжении трех лет он со всей страстью предавался тренировкам в воинском искусстве и учился медитации у дзэнского монаха Сэжитан из монастыря Мафукюко-дзи. После долгих медитаций и практики коанов Цудзи неожиданно получил от своего наставника буддийское стихотворение-гатху, которое гласило:

В действительности Дхарма — не во вне [человека],
Небо и земля обретают целомудрие,
Получаешь, будто [ветер] обдувает волосы,
Движения молодё, а сиянье чисто.

Прочитав эту гатху, Цудзи обрел просветление, в одно мгновение постиг таинство бугэй, принял имя «Мугай», позаимствовав его из стихотворения наставника — «мугай» означает «не во вне» — и впоследствии основал школу Мугай-рю [Осано, с. 118].

Аналогичные предания существуют и о других мастерах бугэй, например, о Тэрада Горэмон, основателе школы Тэнсин-дэн итто-рю, получившем наставление в Дзэн от святого отца Торэй, о Харигая Сэкиун, основателе школы Мудзю синкэн-рю, насквозь пропитанной духом Дзэн, о великом Миямото Мусаси и его наставнике преподобном Сюндзан из монастыря Тайсё-дзи, об основателе школы Тогун синто-рю Яно Сагэмон, который постиг сокровенные секреты кэндзюцу после того, как во сне побеседовал с дзэнским монахом, передавшим ему 3 стиха. Есть немало и других примеров.

Из всех преданий такого рода лучше всего известна история просветления величайшего мастера меча

«Жертвенная доска» *хоногаку*, поднесенная школой тайдзюцу (борьба без оружия) Сибукава-рю храму Сибасима-дзиндзя (особая преф. Осака)

эпохи Бакумацу (1853–1867) и начала эпохи Мэйдзи (1867–1912), камергера (дзидзю) императора Мэйдзи Ямаока Тэссю (1836–1888), которая зафиксирована во многих сочинениях его современников и учеников.

Ямаока Тэцутаро, известный под псевдонимом «Тэссю», происходил из семьи прямого вассала сёгуна (дзикисан) с жалованьем в 600 коку и дайкана¹⁷ провинции Хида Оно Томоуэмон Такаёси. С детства изучал кэндзюцу под руководством мастера школы Синкагэ-рю Кусуми Дзицусай, учился также у наставника школы Хокусин итто-рю Иноуэ Хатири, позднее овладел искусством боя копьем (содзюцу) под руководством наставника Ямаока Сэйдзан, который избрал его своим наследником и передал ему фамилию Ямаока.

В юношеском возрасте Тэссю поступил в зал главы школы Хокусин итто-рю Тиба Эйджиро. Там он достиг блестящих успехов. Его называли «непобедимым», «не имеющим равных», прозвали Они-Тэцу — Тэцу-черт или Железный черт. Но однажды он посетил зал мастера Асари Матаситиро Ёсиаки из ортодоксальной ветви Итто-рю, сразился с ним в поединке и потерпел столь сокрушительное поражение, что понял: мастер Асари не просто превосходит его умением, а стоит на порядок выше.

С того дня страстное желание одолеть Асари Матаситиро в поединке поселилось в душе Ямаока, не покидая его ни днем, ни ночью. Семнадцать лет он провел в неустанных тренировках тела и духа, пытаясь изобрести способ одолеть своего противника, но каждый раз, когда он брал в руки меч, перед ним вставал образ Асари, подобный гигантской скале, его устрашающий лик и разящий меч, перед которыми он даже не мог пошевеливаться.

Столкнувшись с этой проблемой, Ямаока стал посещать дзэнские монастыри, подолгу занимался медитацией, но никак не мог обрести уверенность, что может победить Асари. И лишь на семнадцатый год своих поисков, на рассвете 30 марта 1880 года, закрыв, как обычно, глаза для медитации и сосредоточившись на поиске способа победить противника, Ямаока вдруг обнаружил, что призрак Асари, все эти годы витавший перед ним, исчез, и ощутил, что постиг сокровенную сущность фехтования мечом.

Ямаока немедленно пригласил к себе своего ученика Котэда Ясусада, чтобы в поединке с ним испытать себя. Но едва он взял в руки учебный бамбуковый меч и издал боевой клич, как Котэда отшвырнул от себя свое оружие и вскричал: «Я не в состоянии быть вашим противником! Сегодня от острия вашего меча исходит устрашающая энергия, какую я никогда ранее не замечал! Что с вами произошло, учитель»?!

Ямаока понял, что он действительно совершил прорыв на новый уровень мастерства и тут же отправился к Асари Матаситиро и попросил его о поединке. Оглядев его изготовку к бою, Асари отбросил в сторону свой бамбуковый меч и в восторге воскликнул: «Похоже, вы постигли чудесный принцип фехтования, овладели подлинной сущностью искусства меча»!

— и тут же вручил Ямаока свидетельство, подтверждающее постижение учения Мусокэн¹⁸ — высшего раздела Знания школы Итто-рю «Меч безмыслия».

Вскоре после этого Ямаока Тэссю основал собственную школу фехтования. Он назвал ее «Итто сэдэн муто-рю», где «Итто сэдэн» означает «Правильная передача школы Итто-рю», а «муто» — букв. «отсутствие меча» — указывает на необходимость выхода за пределы установленных форм и приемов и достижения высшего состояния сознания (синри кёкути).

Десятилетия я трудился для постижения фехтования,

И мое умение защищаться, используя момент и следуя переменам, становилось все совершеннее.

Наконец, однажды утром все стены, окружавшие меня, рухнули,

И став столь же глубоким, как отраженье в росе, я возвратился к истоку и постиг совершенство...

— писал Ямаока Тэссю в это время [Нандзё, с. 216–218].

Описанный опыт просветления совершенно идентичен опыту просветления дзэнских монахов. Схожи и методы достижения просветления. Так, многократные ритмичные повторения одних и тех же движений на протяжении длительного времени в сочетании с регулированием ритма дыхания, по сути, представляют собой вид медитации, а проблема, стоящая перед воином, — тот же коан. С другой стороны, эти методы сходны и с методами установления контакта с божествами, о чем говорилось выше.

Попытка интерпретации

Описанные феномены напрямую смыкаются с религией, и потому оценка их во многом связана с отношением исследователя к религии. Так, один из ведущих специалистов в области истории японских воинских искусств Фудзивара Рёдзо склонен рассматривать предания о получении Знания от богов или от их представителей как «мифы» (синва). Он высказывает предположение, что они рождались на свет в одном из трех случаев: 1) когда основатель школы бугэй по какой-то причине не имел возможности или не хотел сообщить имя своего настоящего наставника; 2) когда напряженные самоотверженные тренировки на пределе человеческих сил вызывали у него яркие сны или галлюцинации (т.е. психическое расстройство); 3) когда основатель школы и/или его ученики по какой-то причине решали прибегнуть к махинациям (для повышения авторитета рю, увеличения числа учеников и т.д.).

Однако автору такой подход представляется упрощенческим, поскольку весьма сомнительно, чтобы существование школы на протяжении сотен лет могло поддерживаться голой рекламой, не подкрепленной реальными достижениями. Думается, ключом к решению этого вопроса может послужить психологический подход к проблеме религии, разрабатывавшийся видным отечественным востоковедом, специалистом по духовным традициям Дальнего Востока Е. А. Тор-

чиновым и изложенный им в работе «Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника» (СПб., «Петербургское востоковедение», 1998).

Е. А. Торчинов в своей интерпретации религиозно-феномена опирается на достижения современной глубинной психологии, прежде всего, на исследования создателей трансперсональной психологии — американского психолога и психиатра С. Грофа и его соратников К. Уилера, Р. Уолша, Ф. Воона и др., которые в ходе опытов с психоделиками и с различными методами немедикаментозной терапии (техника «холодного дыхания») установили возможность последовательного открытия различных уровней бессознательного. Первый уровень, самый поверхностный, соответствует представлениям фрейдовской школы и замкнут на биографический уровень. Второй — соотносится с юнговским пониманием архетипов, коллективного бессознательного и с воспоминаниями о пренатальном (предшествующем рождению, внутриутробном) и перинатальном (связанном с процессом родов) опыте. Наконец, третий, весьма неоднородный, полиморфный уровень связан с собственно трансперсональными переживаниями, соответствующими мистическому религиозному опыту [Торчинов, с. 31–34].

Диапазон переживаний, которые испытывали пациенты в ходе этих опытов, оказался чрезвычайно широк: чувство космического единства, которое С. Гроф назвал «океаническим» экстазом, когда мир представляется местом невыразимого сияния и красоты; видения ада; переживания смерти и воскресения; видения сияющего света, исходящего из божественного источника; отождествление себя с одним из своих предков; переживания коротких эпизодов или длительных, насыщенных подробностями историй, имевших место в различных странах и/или столетиях, сопровождающиеся получением вполне достоверной информации о разных аспектах культур, с которыми человек связан этническим происхождением или историческим опытом своего этноса; полное и совершенно реалистическое отождествление человека с животными на разных уровнях филогенетического развития; отождествление себя с представителем иной расы и культуры и получение достоверной информации о ней; различные формы расширения сознания (переживания единения с жизнью и всем творением как на макро, так и на микро уровне, наделенности различными экстрасенсорными способностями, встреч с различными архетипическими и божественными персонажами; интуитивное понимание универсальных символов; аналогичные описания переживаний адептов индийских психотехнических методов ощущения активизация чакр, подъема кундалины и т. п.; отождествление себя с мировым сознанием или супракосмической пустотой и т. д.) [Торчинов, с. 34–38]. Причем оказалось, что эти «измененные» состояния сознания не только не являются патологическими, но, напротив, способствуют ликвидации имеющейся пси-

хопатологии, относятся к категории выше нормы, а не ниже или вне ее [Торчинов, с. 31].

На основе этих данных Е. А. Торчинов высказал предположение о том, что в основе феномена религии лежат трансперсональные переживания перинатального (архетипического) и трансперсонального типов, предполагающие высшую форму святости, достижение спасения, освобождения и т. д., связанные со специфическими измененными состояниями сознания. Эти трансперсональные переживания воспроизводимы с помощью особых методов воздействия на сознание, т. е. психотехники. Причем ряд религий, которые Е. А. Торчинов называет «религиями чистого опыта», характеризуются установкой на достижение этих переживаний (буддизм, индуизм, джайнизм и даосизм) [Торчинов, с. 42–48].

Исходя из своей концепции религии, Е. А. Торчинов делает вывод о принципиальном единообразии религиозного опыта. Разумеется, можно выделить разные слои и уровни этого опыта: эмоциональный, перинатально-архетипический и трансперсональный, в свою очередь имеющий множество уровней, — но все эти типы переживаний, по существу, практически тождественны в различных религиозных традициях и культурах. Известное же нам многообразие религий относится лишь к уровню выражения и описания этого опыта, поскольку адепт всегда передает свой опыт в категориях и терминах своей доктрины, существующей в рамках определенной культуры. При этом в религиях чистого опыта с их особым вниманием к психотехнике и трансперсональному переживанию это обстоятельство было осознано очень давно, что привело их последователей к выводу о принципиальной невыразимости и неопиываемости мистического опыта [Торчинов, с. 75–80].

Думается, что предложенное Е. А. Торчиновым психологическое истолкование феномена религии может быть продуктивно использовано и при рассмотрении проблемы Знания в школах воинских искусств, да и вообще в исследовании сущности традиционных японских искусств — каллиграфии, музыки, танцевального искусства, чайной церемонии и т. д.

Прежде всего, мы можем предположить, что в основе Знания школы лежит трансперсональное переживание ее основателя, которое с психологической точки зрения вполне достоверно описано в предании. Как было показано выше, эти предания образуют две основные группы — «синтоистскую» (получение Знания от божества или его представителя) и «дзэн-буддийскую» (получение Знания через просветление), что неудивительно — именно эти две религиозные традиции оказали наибольшее влияние на становление традиции школ воинских искусств. Это влияние сказалось, прежде всего, в том, что различные школы использовали сходные психотехнические методы, что, в свою очередь, предопределило достижение их мастерами однотипного трансперсонального опыта¹⁸.

Измененное состояние сознания мастера — залог эффективности его действий в бою. И не только.

Мистический опыт оборачивается постижением всех Знаний, всех Путей. Самый известный пример раскрытия выдающихся творческих способностей в результате занятий воинским искусством — жизнь великого мастера меча Миямото Мусаси (1584—1645), который оставил после себя не только десятки преданий о победах в поединках и несколько блестящих трактатов по фехтованию мечом, но и значительное количество прекрасных скульптур из дерева, высокохудожественных гард мечей, рисунков тушью, каллиграфических свитков. Сам Миямото Мусаси свой опыт постижения Знания описал так: «С юных лет я увлекся Путем фехтования. В разных провинциях, в разных местах я сходилась в поединках со знаменитыми фехтовальщиками. Я участвовал в более чем 60 поединках, но ни разу не потерпел поражения. Так жил я от 13 до 28—29 лет. Когда мне минуло 30, я оглянулся на пройденный путь и понял, что побеждал не потому, что постиг вершины фехтования. Возможно, я побеждал, потому что обладал способностями [к овладению этим] Путем или потому что не шел против Небесного Принципа, или потому что умение в фехтовании моих противников было недостаточным. После этого я захотел постичь более глубокие Принципы Пути, тренировался дено и ношно и в возрасте приблизительно 50 лет достиг согласия с Путем фехтования. С тех пор я провожу свои дни, не имея Пути, который мне нужно было бы постигать. Каким бы Путем каким бы искусством, каким бы умением я не занялся, я полагаюсь на принципы фехтования, и в отношении тьмы вещей не существует наставников, которые могли бы учить меня» [Нитэнки, с. 239¹⁹].

Мистический опыт основателей школ воинских искусств и их последователей, естественно, выражался и описывался в категориях и терминах знакомых и близких японцам духовно-религиозных традиций — синтоистской и буддийской, а боевая техника, принципы воинского искусства, «полученные» от божества или «постигнутые» в результате сатори, сакрализовались.

Как и всякое сакральное Знание, Знание школы подлежало передаче последующим поколениям. Именно в этом заключались миссия и долг наставника, а тем более главы школы. Отметим, что в понятии «дэн» — «передача» — присутствует смысл «преемственности-передачи», откуда вытекает другой вариант перевода этого слова — «традиция».

Традиция требовала, чтобы сакральное Знание передавалось в неизменном виде, ведь подправлять богов или изменять истине, постигнутой в сатори, — кошунство. Эта посылка во многом, видимо, и предопределила стагнацию развития школ и обеспечила сохранность их Знаний на протяжении сотен лет. Показательны слова современного мастера школы Катори синто-рю Отакэ Рисукэ: «Я остро ощущаю необходимость правильной передачи важного культурного достояния Японии, и, вероятно, это вполне естественно. В последнее время наметилась тенденция пересматривать, совершенствовать старин-

ные школы воинского искусства. Я считаю, что в таких условиях важно проникнуться осознанием необходимости во что бы то ни стало передать культурное достояние в правильном виде. Люди, привносящие свою индивидуальность, изменяющие технику на основе произвольного ее истолкования, озабоченные, в конечном счете, лишь извлечением ближайшей выгоды, будут сметены просвещенной, прекрасной в культурном отношении жизненной средой. В противном случае, если им все же удастся распространить воинское искусство, лишенное корней и установлений, они нанесут колоссальный ущерб старинным воинским искусствам Японии» [Отакэ, т. 1, с. 9].

Но, конечно, в действительности технические школы изменялись от поколения к поколению довольно сильно, что подтверждается опытом той же Катори синто-рю, в которой в настоящее время выделено несколько ветвей — Отакэ Рисукэ, Хатакэяма Горо, Сугино Юкихино и других мастеров.

Впрочем, боевые приемы сами по себе не столь уж важны. Они — не более чем средство достижения специфического состояния сознания, обретенного основателем школы и другими мастерами и обеспечивающего эффективность действий в бою. В аллегорической форме об этом говорится в письменном памятнике школы фехтования мечом Ягю синкагэ-рю «Хэйхо кадэн сё»²⁰: «Чтобы добраться до дома, сначала нужно войти в ворота... Учение — это ворота, указывающие на приближение к постижению Пути. Пройдя через эти ворота, придешь к постижению Пути. И все же учение — это лишь ворота, а не сам дом... Дом расположен за воротами» [Ягю, с. 30].

И уже совершенно недвусмысленно эта идея выражена в памятнике школы дзюдзюцу Тэндзин сингё-рю «Тэндзин сингё-рю-но синпо»²¹: ««Фудосин» — «непоколебимое сознание» — это такое состояние, когда сознание не движется ни при каких изменениях. Когда сознание ясно, а пневма-ки наполняет все тело, даже если глаза видят клинок меча противника, состояние сознания таково, словно сознание его не видит; даже если ухо слышит гром пушечного выстрела, состояние сознания таково, словно оно его не слышит. Такое состояние сознания, когда оно ничему не удивляется и не движется, называют «непоколебимым сознанием великого человека». Управлять телом посредством своего сознания и печени²², [свободно] реализовать мириады приемов и не испытывать ни малейшего страха в бою с врагом — это называют «подлинным непоколебимым сознанием». В былые времена, хотя люди от рождения естественно пугались грохота пушек и слышали свист мечей, они должны были натренировать свои сознание и печень так, чтобы по достижении мастерского уровня поединков на мечах был для них обыденным делом. В те времена [последователи бугэй] для овладения собственным сознанием (букв. хара — «живот», «чрево», «душа» и др.) уходили в глушь полей и гор, в места, куда не ступала нога человека. Должно быть, те, кто целиком отдавались овладению фудосин, достигали уровня подлинного

непоколебимого сознания. В наши же дни многие из так называемых «сюгёся» — «совершенствующихся в технике» — упражняют лишь руки и ноги и, похоже, имея лишь внешнее умение, не обладают подлинным мастерством (гэй аритэ хара-ни ва дзюцу наки — букв. «при наличии внешнего умения, не имеют мастерства в хара»). Это следует тщательно осмыслить и целиком отдаться овладению способами достижения непоколебимого сознания» [Маруяма, с. 167].

Передать нужное состояние сознания, как считает традиция, может лишь мастер, который сам его достиг. Причем Знание «передается посредством сознания (сердца) сознанию (сердцу)» (исин дэнсин). В этом отношении бугэй весьма сходны с буддийской школой Дзэн, которую неслучайно называют «школой патриархов», имея ввиду непрерывную передачу-преемственность «просветленности» от учителя к ученику. Поэтому выбор учителя — первейшая задача последователя бугэй. Неслучайно в японских воинских искусствах существует поговорка: «Выбрать хорошего учителя — все равно, что тренироваться в течение трех лет». Конечно, таких мастеров во все времена было очень немного. Их называли «китай-но мэйдзин» — «редкостный совершенный мастер» или, буквально, «мастер, каких мало в поколении».

С другой стороны, воспринять Знание, т.е. достичь необходимого состояния сознания, с точки зрения традиции бугэй, может далеко не каждый. Например, в «Хэйхо кадэн сё» прямо говорится, что «есть такие люди, которые не могут постичь Путь, сколько бы ни учились» (Ягю, с. 30). Воспреемствовать Путь могут лишь наиболее талантливые ученики — «небесные таланты» (тэнсай, тэнпин), обладающие особым психическим складом, высоким уровнем чувствительности, способные полностью освободиться от своего «Я» и следовать наставлениям учителя, готовые потратить на самоотверженные тренировки долгие годы. «Если хочешь овладеть Сокровенным Знанием (оги) искусства, какой вид его ни возьми, ты должен выбрать хорошего наставника, поступить к нему в ученики и по мере совершенствования в этом искусстве внутренне наполняться пневмой-ки мужества (юки), не выказывая ее снаружи. Не позволяя другим делам отвлекать тебя, ты должен следовать лишь наставлениям своего учителя и преемствовать тренировке в течение длительного времени, и тогда, познав, как Сокровенное Знание искали древние, сможешь достичь состояния умелости (дзэдзу-но ики)», — утверждает «Тэндзин синъё-рю по синпо» [Маруяма, с. 162].

Таким образом, традиционную школу воинского искусства можно охарактеризовать как единый комплекс боевых приемов, доктрин, элементов ритуала и иных форм практики, базирующийся на трансперсональном переживании ее основателя и предполагающий установку на достижение с помощью специальных психотехнических методик соответствующего измененного состояния сознания, обеспечивающего максимальную эффективность воина в бою. Сохранение таких школ в течение длительного времени,

в ряде случаев в течение нескольких столетий, возможно, объясняется относительно стабильной повторяемостью базового трансперсонального переживания, что обеспечивается высокой эффективностью используемых психотехнических приемов, заимствованных из синтоистской и буддийской религиозной практики.

В заключение нужно оговориться, что речь идет, конечно же, об идеальной модели. В жизни все, видимо, было гораздо сложнее. Во-первых, не вызывает сомнений факт фабрикации многих преданий о мистическом опыте основателей школ ими самими или их учениками — либо с целью саморекламы, либо просто под влиянием культурного стереотипа. Во-вторых, даже в школе, Знание которой базируется на трансперсональном переживании, может произойти обрыв передачи — наставник может просто не найти достойного ученика, способного воспринять Знание, может умереть, прежде чем успеет передать традицию, и т.д. При этом школа продолжает жить, но ключ к базовому измененному состоянию сознания оказывается уже утраченным.

ЛИТЕРАТУРА

- Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994.
- Маруяма Сандзо. Сэкай дзюдо си (Всемирная история дзюдо). Токио, 1967.
- Нандзё Норио. Нихон кэнси дэн (Биографии японских мастеров фехтования). Токио, 1967.
- Нитэнки (Жизнеописание [мастера] Нитэн). // Миямото Мусаси. Горинсё (Книга пяти колец). Токио, 1985. С. 239-259.
- Осано Дзюн. Дзусэцу Нихон бугэй бунка гайрон (Иллюстрированный очерк культуры японских воинских искусств). Токио, 1994.
- Отакэ Рисукуэ. Катори синто-рю. Т. 1-3. Токио, 1977-78.
- Тараторин В.В. История боевого фехтования. Минск, 1998.
- Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб., 1998.
- Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю хэйхо (Фехтование школы Тэнсинсё-дэн Катори синто-рю). // Тобэ Синдзюро. Хэйхо хидэн ко (Размышления о секретах фехтования). Токио, 1995, с. 349-355.
- Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М., 1977.
- Фудзивара Рёдзо. Какутоги-но рэкиси (История рукопашного боя). Токио, 1990.
- Хинацу Сиродзаэмон Сигэтака. Хонтё бугэй сёдэн (Краткие биографии мастеров воинских искусств Японии). // Будзюцу сосё (Собрание письменных памятных воинских искусств). Токио, 1995. С. 3-108.
- Ягю Мунэнори. Хэйхо кадэн сё (Книга о семейной традиции фехтования). // Ёсида Ютака. Будо хидэн сё (Книга о секретах будо). Токио, 1973.
- Draeger D.F. Classical Bujutsu. Tokyo, 1977.

Комментарии

¹ Особенно это касается рукопашного боя. Приведу показательную цитату из работы В. В. Тараторина «История боевого фехтования»: «Тактика шведской армии того периода (времен Северной войны — А. Г.) великолепно отражена в публикациях А. Васильева, а также в книгах Петера Энглунда на шведском языке. В этих работах подробно освещается вся структура построения шведской пехоты и кавалерии, но механику рукопашного боя из упомянутых авторов не описывает никто» [с. 287].

² «Хонтё бугэй сэдэн» («Краткие биографии [мастеров] воинских искусств Японии») — старейшая обзорная работа по истории японских воинских искусств, написана в 1714 г. Хинацу Сиродзэмон Сизэтика, опубликована в 1716 г. Получила широкое распространение в эпоху Эдо (1603–1867), послужила основой для целого ряда последующих работ по истории бугэй.

³ Значение комбинации иероглифов «тэнсинсэдэн» в названии школы Каттори синто-рю до сих пор является предметом споров. Одни авторы предлагают трактовать его в смысле «переданное божеством (божествами)», другие считают его именем конкретного божества или чудесного существа — тэнгу, каппа и т. д.

⁴ Син (кит. цзинь) — ключевая категория китайской философии и культуры. В физиологическом аспекте син — духовная субстанция, одна из составляющих психофизического комплекса человека, наряду с пневмой жи (кит. цзи) и семенем сэй (кит. цзин), регулирующая психическую деятельность человека. Мё (кит. мяо) — «тайнственное», «чуждое» — внешнее проявление син.

⁵ Тэнгу (букв. «небесная собака») — в японской народной демонологии лесное чудовище с длинным красным носом и двумя небольшими крыльями, наделенное чудотворными способностями и нередко знанием воинского искусства.

⁶ Каппа («дитя воды») — в японской народной демонологии водяной с зеленовато-желтой кожей, обезьяньим лицом, с перепонками на руках и ногах и черепашим панцирем на спине, топлящий людей и животных и питающийся их внутренностями и кровью, наделенный чудотворными способностями.

⁷ Санка — бродячее горное племя.

⁸ Торидэ (букв. «хватательные руки») — здесь имеется в виду техника связывания. В эпоху Эдо (1603–1867) термином «торидэ» называли полицейскую технику задержания преступников, включавшую в себя приемы обезоруживания, болевого удержания, связывания, надевания наручников и т. д., а также самих полицейских.

⁹ Коси-но мавари (букв. «окружающее поясницу») — раннее название японского искусства боя без оружия или с использованием подручных средств (дзюдзюцу), включающего удары, броски, болевые приемы, душения и приемы боя с использованием малых и потайных видов оружия.

¹⁰ Имеются в виду воинские божества Такэмикадзуты-но микото и Фучунуси-но микото.

¹¹ Дзимму — легендарный основатель государства Ямато.

¹² Ямато-такэру-но микото — сын государя Кэйко. Согласно «Нихон сёки» и «Кодзики», совершил ряд походов против врагов Ямато.

¹³ Легендарная правительница государства Ямато, унаследовавшая трон после смерти своего супруга государя Тюай и ставшая

матерью государя Одзин. Согласно «Нихон сёки» и «Кодзики», совершила завоевательный поход в Корею.

¹⁴ Три страны Кара — корейские государства Силла, Пэкче и Когурё.

¹⁵ Упомянутые здесь «четыре лука», как полагают комментаторы, использовались богами, но в древних текстах их названия не встречаются.

¹⁶ Имеется в виду сюжет усмирения земных богов посланцами с небес перед схождением на землю родоначальника императорского рода Ниниги-но микото, разные версии которого представлены в «Кодзики» и «Нихон сёки». Такэмикадзуты-но микото и Фучунуси-но микото были посланы Аматэрасу подчинять Среднюю страну — Тростниковую равнину. Прибыв в Идзумо, они (или он — в разных версиях сюжета фигурирует то один, то два бога), обнажили свои мечи в десять пядей длиной, вонзили их в землю рукоятками и, усевшись на кончиках, стали беседовать с непокорными местными богами.

¹⁷ Дайкан — высокопоставленный чиновник бакуфу, ведавший сбором налогов на территории одной или нескольких провинций, соблюдением законов и т. д.

¹⁸ Преобладание влияния синто и Дзэн-буддизма вовсе не означает, что другие религиозные направления или философские учения не оказывали влияния на бугэй. Напротив, в текстах школ воинских искусств мы сталкиваемся с ярчайшими образцами религиозного синкретизма, что, впрочем, вообще характерно для японской религиозности. Вот, например, пассаж из текста «синтоистской» школы «Тэнсинсё-дзи Каттори синто-рю хэйхо», представляющий характерный пример синто-конфуцианского синкретизма: «Мицу-но тати — Три удара мечом. В устных наставлениях говорится: «Это ката Мицу-но тати исполняется на основе принципа троичности Тэн-Ги-Дзин — Небо-Земля-Человек; в синто — бог Кунити-но токотати-но микото; в конфуцианстве — долг, ритуал, мудрость и благонадежность; хоть они и различаются по именам, но если упадешь — все та же вода реки в долине: всё приносят Небо и Земля, Инь и Ян, уравновешивая друг друга. Исходя из этого смысла и назвали это ката Мицу-но тати» [Тэнсинсёдэн, с. 352].

Напомним также, что основатель Каттори синто-рю был монахом буддийской школы Сингон, который привнес в нее буддийскую магическую практику кудзи-ин («мудры девяти знаков»).

¹⁹ «Нитэнки» («Повесть о мастере Нитэн») — жизнеописание Миямото Мусаси, составленное в сер. XVIII в. последователями основанной им школы Нитэн ити-рю.

²⁰ «Хэйхо кадэн сё» («Книга о семейной традиции хэйхо») — наставление по искусству боя мечом школы Ягю синкагэ-рю, написано Ягю Тадзима-но kami Муэнори (1571–1646) под сильным влиянием дзэнского монаха Такуан Сохо (1573–1645), содержит рассуждения о контроле над сознанием во время поединка.

²¹ «Тэндзин сингё-рю-но сипто» («Учение о сознании школы Тэн-дзин сингё-рю») — сочинение начала эпохи Мэйдзи (1868–1911), написанное пятым и шестым главами школы — Исо Матаэмон и Ёсида Тихару — и получившее широкий резонанс среди последователей дзюдзюцу.

²² По представлениям японцев, печень «отвечала» за мужество, смелость человека.

Алексей Горбылёв

Школа всех наград

На самом севере острова Хонсю на земле княжества Намбу¹, некогда охранявшего северную границу сёгуната Токугава, родилась одна из самых необычных школ дзюдзюцу. Благополучно дожив до наших дней, она неизменно привлекает к себе внимание на всех показательных выступлениях с участием мастеров традиционных бугэй. Мощнейшие удары локтями и ногами в стойке, которыми обмениваются бойцы, одетые в толстые тренировочные кирасы, совершенно не характерны для дзюдзюцу, где удары, как правило, наносятся легко и быстро — в качестве подготовки к броску или болевому приему (кари-тэ), для отвлечения внимания противника, — или мощно, но только при добивании (кимэтэ). Причем удары этих бойцов, как утверждают, способны поражать врага даже через боевой железный панцирь, разрывая его мягкую подкладку. Действительно, такого не увидишь больше ни в одной школе.

Туман преданий

Сёсё-рю, то есть «Школа всех наград», — а именно так именуется эта необычная школа — удивляет не только необычной техникой приемов, но и своим удивительным преданием, которое представляет эту затерянную в далекой провинции традицию, не давшую ни единой дополнительной веточки, старшей (!) школой будзюцу.

Документы школы утверждают, что основателем Сёсё-рю был сам Фудзивара-но Каматари, знаменитый организатор Переворота Тайка (645 г.). Однажды он долго обсуждал с принцем Наканоэ план низвержения рода Сога, стремившегося взять всю власть в стране в свои руки, и последующие реформы, которые надлежало провести после победы. После этой беседы о восстановлении господства императорского рода, которая явно была угодна богам, Каматари стал молиться о даровании успеха своему опасному предприятию. Тогда ему явилась волшебная небесная лисица и научила его тайному искусству боя серпом-кама. Благодаря ему, Каматари удалось одержать победу, и он решил увековечить чудесное искусство применения серпа в виде особой

школы, которую, не мудрствуя лукаво, назвал «Кодэн-рю» — «Школа, переданная лисицей».

Надо сказать, что никакие источники ближайших к этому событию столетий не подтверждают существования в то время школы боевого искусства под названием «Кодэн-рю»². Да и предание Сёсё-рю утверждает, что «лисица школа» после кончины Каматари была утрачена...

«Позвольте, — скажет читатель, — а при чем тут тогда ныне здравствующая Сёсё-рю?» А вот при чем! Приблизительно через полтора столетия со времени Переворота Тайка, в последней трети VIII в., государство Ямато вело ожесточенную войну против эмиси — «дикого» населения северо-востока Хонсю, отказывавшегося признать над собой благодетельное господство японского государя. Война шла тяжело, армия Ямато не раз терпела поражения. Тогда «великим полководцем, покоряющим варваров» (сэйи тайсёгун) был назначен видный военачальник Саканоуэ-но Тамураро. Перед выступлением в поход, как гласит предание Сёсё-рю, он направился в знаменитый столичный храм Киёмидзу-дэра (в Киото) и принес обет бодхисаттве Кандзэон³, которой посвящен храм, что будет в течение 37 дней возносить молитвы, лишь бы милосердная бодхисаттва помогла разбить врага.

¹ Оно же княжество Мориока со столицей в одноименном городишке; ныне префектура Иватэ.

² Насколько известно автору, эта хитрая «лисица» школа известна только из предания Сёсё-рю, которое, кстати, не вполне оригинально. Дело в том, что в токугавский период были известны несколько школ боя серпом, возводившие свое происхождение к Фудзиваре Каматари — видимо, иероглиф «кама» в имени этого видного политического деятеля, означающий «серп», был уж очень соблазнительным...

³ Вообще-то, бодхисаттвы — существа бесполое, но в Китае Кандзэон (Каннон), она же Авалокитешвара (санскр.), была отождествлена с богиней счастья и властительницей рая Сиваму и в Японию попала уже в женском облике.

И вот в день окончания обета в вешем сне в храме Киёмидзу-дэра Тамурамаро открылись тайны школы Кодэн-рю, которая к его времени считалась давно утраченной. Полководец, естественно, обучил ее искусству своих воинов и наголову разбил «варваров». В память о даре бодхисаттвы Каннон Тамурамаро переименовал Кодэн-рю в «Мусо Кандзэ-рю», что означает «Школа, переданная в вешем сне бодхисаттвой Кандзэон».

Хотя эта школа боевого искусства уже вроде бы не утрачивалась, вы тщетно будете искать упоминания о ней в хэйанских и даже камакурских источниках — так же, как и «Кодэн-рю», название «Мусо Кандзэ-рю» известно только из предания Сёсё-рю, которое, между тем, имеет продолжение.

Основатель Камакурского сёгуната Минамото Ёритомо устроил большой турнир по сумо и пригласил на него сильнейших борцов. Среди них был и Мори Ухэйта Кунитомо, 27-й патриарх Кандзэ-рю, ученик некоего Канамори Канамэ, вассал Суо Дзэндзи. Хотя он был не высок ростом и не выглядел особенно могучим, Кунитомо легко бросил могучего рикиси по имени Дзётаро, выставленного буддийскими монахами. И сколько потом ни бросался на него раздосадованный силач, исход был один и тот же: Кунитомо бросал его, как только хотел. Оказавшись в семнадцатый раз на полу, злосчастный рикиси признал, наконец, свое полное поражение.

Минамото Ёритомо высоко оценил могущество боевого искусства Кандзэ-рю. Громко восхваляя его и другие самураи из окружения правителя. Поэтому сёгун повелел Мори впредь именовать свою школу «Сёсё-рю» — «Школа всех наград». Однако и вклад предшественников мастера не был забыт: сегодня полное название школы, которое вписывается в сертификат о «полной передаче школы с печатью просветления» (инка кайдэн), представляет собой трехслойную «пирамидку» из всех трех названий — Кандзэ-тэки син сёсё ёган кодэн-рю. Перевести его на русский язык мудрено — уж больно несладко получается. Но все же попробуем: «Воплощающая сущность [боевого искусства] школа, переданная [волшебной] лисой, полученная от бодхисаттвы Кандзэ, истинная школа всех наград». Школ, в которых встречаются такие манипуляции с названием, очень немного, и уже одно это, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о том, что Сёсё-рю — традиция достаточно древняя.

Поскольку его школа изменила название, Мори Ухэйта Кунитомо стал первым патриархом Сёсё-рю. Предание гласит, что он передал свою школу священнослужителям знаменитого синтоистского храма в Цуругаока Хатиман-гу в сёгунской столице Камакура, где она и сохранялась на протяжении нескольких столетий. Что, впрочем, опять-таки не подтверждается никакими документами...

Появление этой загадочной школы, то появляющейся на свет божий, то скрывающейся на столетия, в княжестве Намбу (уже в начале XVIII в.!) связано

с именем Ока Бухэй Цунэсигэ, 47-го патриарха (при счете от Фудзивара Каматари) или 21-го (при счете от Мори Ухэйта Кунитомо).

Ока Цунэсигэ родился в княжестве Намбу в семье врача на службе князя. Однако ему претила сама мысль унаследовать профессию родителя. Изучению лекарственных трав, рецептов, методов диагностики он предпочел странствия по стране и занятия боевыми искусствами. Некоторое время Цунэсигэ жил в Эдо, где изучал различные школы будзюцу. Потом забрел и в старинный город Камакура, где познакомился с мастером Сёсё-рю Исида Тацуносин Садамаса. Исида был ронином родом из Киото. По преданию, это был великий мастер техники ура-атэ — удара, приводящего к разрыву подкладки панциря и к тяжелой травме внутренних органов его обладателя. Рассказывают, что с двух ударов он пробивал любой панцирь, сколь бы прочным он ни был. Под конец жизни Исида поселился затворником в Камакура. Там его и нашел Ока Цунэсигэ и, пройдя под его руководством курс обучения, получил инка — свидетельство об изучении полного курса школы.

Получив право именоваться 21-м патриархом традиции Цуругаока школы Сёсё-рю и носить профессиональное имя «Канрюкэн» — «Высокий великодушный дракон», Ока Цунэсигэ вернулся на родину в Мориока, где поступил на службу к князю Намбу Тосимото (1707—1725) и начал преподавать свою школу, став первым мастером традиции Намбу школы Сёсё-рю. Остаток жизни он провел в местечке Ханاماки, носил в то время имя Ока Соноэмон.

От Ока эту школу переняли три его ученика: Кумага Дзиэмон, Накадатэ Ханносин и Нагата Суэму. Все они удостоились звания «сокэ» — «главы семьи», основали свои ветви Сёсё-рю и передали их ученикам. Однако традиции Кумага и Нагата в эпоху Мэйдзи (1867—1912) пресекались, до настоящего времени дожила только линия Накадатэ.

Параллельно с тремя ветвями Сёсё-рю, восходящими к Ока Цунэсигэ, в том же княжестве Намбу существовала и еще одна, особая, ветвь. Основателем ее считается Сайто Матаэмон. Овладев искусством копейного боя влиятельной в княжестве Намбу школы Мухэн-рю, он отправился в странствия по стране. Участвовал в товарищеских поединках и в одном смертельном. В нем противник перерубил копье Матаэмон, но отважный боец из Мориока расправился с ним обрубком. В результате этого опыта он основал собственную школу боя палкой (бодзюцу) и алебардой (нагинатадзюцу), которую назвал «Мухэн ёган-рю» — «Воплощающая сущность [боевого искусства] школа Мухэн».

Согласно преданию, во время посещения Киото Сайто Матаэмон повстречал там Фудзивара Ёсихиса, 45-го патриарха школы Сёсё-рю, и получил от него «полную передачу» (кайдэн) искусства связывания ходзёдзюцу. Это искусство он также включил в свою школу в качестве бэцудэн — «особой передачи».

Вернувшись на родину, по одной из версий, в 1682 г. Сайто был принят на службу к князю Намбу в отряд стражников онкуми досин и стал инструктором по школам Мухэн-рю и Сёсё-рю.

Таким образом, в эпоху Эдо школа Сёсё-рю передавалась по двум линиям — Ока и Сайто, и всего было четыре ветви. Все патриархи всех этих четырех ветвей принимали особые профессиональные «боевые» имена (бумэй) с окончанием на «кэн» — «высокий», «благородный» (система «кэнго моти-дзи» — «профессиональные имена с иероглифом «кэн»). А чтобы показать свою принадлежность к определенной ветви, на первом месте в имени всегда ставили один и тот же «фамильный» иероглиф: в традиции Кумагая в именах всех патриархов на первом месте значится иероглиф «эй» — «великий», «геройский»; в традиции Накадатэ — «кан» — «великодушный»; а в традиции Сайто — «о» — «откликаться», «реагировать», «соответствовать».

Вот такое предание школы Сёсё-рю. По правде говоря, оно вызывает массу вопросов и порождает серьезные сомнения в его достоверности. Не говоря уже о совершенно фантастической истории утраты школы после Фудзивара-но Каматари и чудесного ее возрождения при помощи бодхисаттвы Каннон, сомнительно и существование двух ветвей Сёсё-рю — камакурской и киотоской. Удивительным кажется и то, что два самурая из маленького глубоко провинциального княжества Намбу, к тому же жившие в разное время, — Ока Цунэсигэ и Сайто Матаэмон — случайно повстречали двух разных патриархов одной и той же никому не известной школы и благополучно доставили ее знание в захудалый северо-восточный городишко Мориока — столицу Намбу-хан. И это при том, что в биографиях самих этих самураев неясного гораздо больше, чем твердо установлено! К примеру, разные варианты предания о Сайто Матаэмон датируют время его возвращения в Мориока из Киото с разницей в полстолетия, хотя речь идет не о таких уж стародавних временах!

В общем, скорее всего, реальная история Сёсё-рю была гораздо прозаичнее. И родилась эта школа, видимо, не в далеком VII столетии, а на целое тысячелетие позже. Возможно, ключевую роль в становлении Сёсё-рю сыграл ее 23-й патриарх (считая от Мори Кунитомо) Цутикава Ниннаэмон Ёситика, о котором почему-то редко вспоминают авторы публикаций об этой загадочной рю.

Жил Цутикава, судя по всему, в середине XVIII в. Основательно изучив несколько школ будзюцу, которые существовали в княжестве Намбу, он отправился в странствия по стране. В сёгунской столице Эдо изучал знаменитую школу дзюдзюцу Сэкигути-рю и получил в ней инка — сертификат высшего мастерства. Потом овладел школой дзюдзюцу Курама-рю и в дальнейшем параллельно преподавал Сэкигути-рю и Курама-рю. Помимо рукопашного боя без оружия, он также изучил фехтование мечом школы Тода-рю

под руководством ее 8-го патриарха Тода Карасукэ Хидэоми (Тода Хёбу Кёсинсай).

В свете этих данных представляется, что Сёсё-рю родилась не чудесным образом в седой древности, а явилась продуктом синтеза целого ряда школ нескольких боевых искусств. И на это есть целый ряд указок. Например, свою традицию дзюдзюцу представители Сёсё-рю называют «явара» — именно так, как дзюдзюцу называется в изученной Цутикава Ниннаэмон Ёситика школе Сэкигути-рю (считается, что в борцовский обиход слово «явара» ввел именно основатель Сэкигути-рю Сэкигути Дзюсин). Раздел техники ведения боя на коленях, в котором широко представлены приемы с использованием ножа, они именуют «когусоку» — «малое оружие», пользуясь при этом термином школы Такэноути-рю. Кстати, и в технике Сёсё-рю просматриваются параллели техники Такэноути-рю.

Впрочем, сами представители Сёсё-рю не особенно задумываются о реальных корнях своей школы. Их вполне устраивает предание, которое из поколения в поколение служит им могучей духовной опорой.

«Тигр» Сёсё-рю Мацухаси Мунэтоси

Самой яркой личностью в истории Сёсё-рю считается 57-й патриарх Мацухаси Мунэтоси.

Мунэтоси родился в 1816 г. (во 2-м месяце 13-го года Бунка) в Мориока. С детства увлекся будзюцу, изучал фехтование мечом школа Синган-рю и Синто-рю, искусство верховой езды Оцубо-рю, технику иайдзюцу Тамия-рю, а также стрельбу из мушкета. Изучать искусство явара школы Сёсё-рю Мунэтоси начал с 16 лет, то есть с 1832 г., а в 1856 г. (в 12-й месяц 3-го года Ансэй) стал 57-м патриархом Сёсё-рю. Рассказывают, что в то время он был самым почитаемым мастером бугэй в княжестве Намбу, соперничать с ним в славе мог только мастер Синто-рю кэндзюцу Икава Тацугу.

На протяжении всей своей жизни Мунэтоси энергично продвигался в совершенствовании своего мастерства. Рассказывают, что когда он отработывал удары ногой на каштане, дерево через некоторое время засохло. Тогда Мунэтоси подвесил на тонких шнурах бочонок вместимостью в 1 то (ок. 18 литров) и стал отработывать удары на нем. За год таких тренировок он достиг выдающегося мастерства и мог, к примеру, запросто пробить толстую доску из тех, какими в Намбу крыли крыши. А во время экзамена на мастерскую степень, о котором мы скажем позднее, выполнил предписанные ката свыше 8000 раз, установив рекорд школы, не побитый до сего дня. В общем, в этом человеке чудесным образом соединились природный талант и сверхъестественное упорство.

В 1835 г. повелитель княжества Намбу Тосинари пожелал устроить в своем дворце состязания между представителями разных школ дзюдзюцу. Бойцы должны были сходитьсь фактически в боях без правил, но в настоящих доспехах (каттю сий). Вызов

на этот турнир получили главы всех местных школ, и естественно, никто не хотел ударить в грязь лицом, так что все постарались выставить сильнейших бойцов.

В то время патриархом Сёсё-рю являлся Сато Нобухидэ. Он был тяжело болен и решил послать вместо себя на состязание Мацухаси Мунэтоси, хотя тому было всего 19 лет. Во время турнира, когда приблизился черед Мунэтоси выходить на площадку, распорядители обратили внимание, что он почему-то мешкает и внимательно рассматривает свой панцирь, вместо того, чтобы надеть его. В недоумении они спросили у юноши, в чем дело. Мацухаси отвечал, что не может надеть свой панцирь, так как повредил его, испробовав на нем удар локтем. Распорядители осмотрели панцирь. Хотя снаружи на нем не было заметно никаких повреждений, внутренняя подкладка оказалась разорванной. Это произвело такое впечатление на чиновников, что они немедленно исключили Мацухаси Мунэтоси из числа участников соревнований и сообщили об устрашающей демонстрации мощи Сёсё-рю руководителям княжества. Князь Намбу Тосинари тоже был поражен необычной по эффективности техникой этой школы и официально запретил последователям Сёсё-рю сходить в поединках с бойцами других школ и объявил ее «о-томэ-рю» (о-тодомэ-рю).

«О-томэ-рю» принято называть школы, пользовавшиеся особым покровительством князей, являвшиеся секретом, доступным только княжеским вассалам или даже только самым высокоранговым из них. Как гласит предание Сёсё-рю, Намбу Тосинари повелел хранить эту школу в полнейшей тайне и для этого запретил ее бойцам участвовать в турнирах — чтобы не раскрывать секретную технику и не привлекать к школе ненужного внимания демонстрацией ее необычайной эффективности. Рассказывают, что дело дошло до того, что ученик Сёсё-рю не имел возможности без специального разрешения даже выехать за пределы княжества. А если он пытался бежать, то вслед немедля высылали погоню с приказом «Убить пока не пересек границу княжества!»

Правда, обо всем этом официальные документы княжества почему-то умалчивают... А некоторые историки будуюцу вообще с большим скепсисом относятся к утверждениям о том, что о-томэ-рю когда-либо существовали. К примеру, известный мастер целого ряда старинных школ боевых искусств и автор десятка работ по их истории Осано Дзюн утверждает, что неизвестно ни единой записи в надежных документах, где бы упоминалась какая-нибудь о-томэ-рю.

Опровергая заявления нынешних глав «секретных» школ, якобы являвшихся когда-то тайными боевыми традициями каких-то воинских родов или княжеств, сэнсэй Осано приводит данные о том, как тайные школы становились явными и получали самое широкое распространение, если на их знания возникал спрос. Тем более что эпоха Эдо (1603—1867) по боль-

шей части прошла без войн, и военное искусство не играло столь уж большой роли,⁴ как об этом думают некоторые.

Из надежных источников известно, что в период Бакумацу (1853—1867), когда перед лицом внешней угрозы развернулась подготовка страны к обороне от нашествия, появился целый ряд школ ходзюцу — искусства применения ручного огнестрельного оружия и артиллерии, которые рассматривались как «тайные традиции» (хидэн) различных княжеств. Однако эффективность этой секретности была крайне невелика, ведь сама судьба всего выдающегося такова, что оно сразу становится известным всему свету. Так, когда Катаи Кёсукэ Наомити, основатель школы ходзюцу Наомити-рю и самурай княжества Мацзуэ, избрал ружье райкандзю, стреляющее ракетами, правитель княжества строжайше запретил вывозить новое оружие за пределы княжества. Однако уже при жизни Катаи Наомити райкандзю было преподнесено сёгунскому правительству и в дальнейшем неоднократно демонстрировалось на публике.

Вообще, чем славнее была школа, чем лучше она была проработана в техническом и методическом отношении, тем более широкое распространение в стране она получала. Так, в самых разных уголках Японии мы найдем следы таких школ кэндзюцу, как Оно-ха Итто-рю и Ягю Синкагэ-рю, дзюдзюцу — Ёсин-рю и Такэноути-рю, нагинатадзюцу — Анадзаварю, содзюцу — Ходзоин-рю, кюдзюцу — Хэки-рю, бадзюцу — Оцубо-рю и др.

Миф об о-томэ-рю коренится в феномене «о-рюги» — «княжеских школ», действительно пользовавшихся привилегиями и поддержкой князей, которые, предпочитая в силу каких-то причин именно эти школы другим, лично поощряли их преподавание и изучение в ханко — официальных учебных заведениях, служивших для подготовки к службе вассалов. Так, в княжестве Сэндай о-рюги считалась школа иайдзюцу Кагэяма-рю; в княжестве Мито — Суйфу-рю кэндзюцу и Асаяма дайсэй-рю вадзюцу (т.е. дзюдзюцу); в княжестве Мацзуэ — Фудэн-рю иайдзюцу и Исси-рю кудаэридзюцу (разновидность копейного искусства); в княжестве Сацума — Дзигэн-рю хэйхо (фехтование мечом) и т.д.

Поскольку эти школы считались наиболее совершенными, доступ к их изучению для самураев из других княжеств был ограничен. Однако это не означает, что администрация княжества принимала какие-то особые меры с целью воспрепятствовать вывозу знаний школы за пределы княжества. В действительности, такая, например, известная школа, как Дзигэн-рю, славившаяся своей эффективностью, пустила корни во многих местах по всей Японии. Школа Фудэн-рю была принята «на вооружение» не только в Мацзуэ-хан, но и в княжестве Хиросэ. О-рюги княжества Сэндай Кагэяма-рю также вышла за его пределы.

Распространению о-рюги способствовали длительные периоды проживания князей и их свит в

Таблица 1. Структура технического арсенала и обучения в школе Сёсё-рю

Название уровня	Название ступени обучения	№	Раздел техники	Подразделы техники
Сёсё-рю	Нака-но курай мосиватаси («Решение [о допущении на] средний уровень»)	1	Тати-ай	Омотэ
			Когусоку	Омотэ
	Нака-но курай хондэн («Основная передача среднего уровня»)	2	Тати-ай	Хогурэ
			Когусоку	Ура
Кандзэ-рю	Мэнкё мосиватаси («Решение [о допущении на уровень] мастерского сертификата»)	3	Тати-ай	Хэнтэ
			Когусоку	Хэнтэ
			Тати-ай	Тэдзумари
			Когусоку	Тэдзумари
Кодэн-рю	Инка мосиватаси («Решение [о допущении на уровень] высшего мастерского сертификата (букв. «разрешающей печати», т.е. сертификата о просветлении)»)	5		
	Инка («Сертификат о просветлении»)	6		
Кандзэ-тэки син сёсё-гэн кодэн-рю	Инка кайдэн («Сертификат о просветлении – полная передача школы»)	7		

сёгунской столице Эдо, где неизбежно шел взаимобмен знаниями. Известно также, что, при наличии соответствующих соглашений между княжествами, самураи могли в индивидуальном порядке ездить в другие княжества на учебу или совершать «воинские путешествия» муся сюгё, в которых сражались в учебных поединках с представителями других школ или учились у известных наставников.

В эпоху Мэйдзи Сёсё-рю, как и многие другие школы, стала клониться к упадку. Чтобы спасти традиционные искусства от вымирания 59-й патриарх Сёсё-рю явара (по линиям Накадатэ-ха и Сайто-ха) Тогасава и 10-й патриарх школы искусства боя копьем Мухэн-рю Идзумисава договорились преподавать свои школы совместно и параллельно и обменяться знаниями. Так был оформлен союз Сёсё-рю и, видимо, родственной ей про происхождению Мухэн-рю.

В настоящее время наследником Сёсё-рю является 68-й патриарх (42-й патриарх традиции святилища Цуругаока и 22-й – традиции княжества Намбу) Такахаши Ацуёси Кансинкэн.

Структура и технический арсенал Сёсё-рю

В настоящее время школа Сёсё-рю включает 3 уровня, каждый из которых преподается под своим названием. Первый уровень называется «Сёсё-рю», второй – «Кандзэ-рю», третий – «Кодэн-рю». Каждый уровень разделяется на 2 ступени. Таким образом, для освоения всей программы Сёсё-рю необходимо последовательно пройти 6 ступеней.

Программа Сёсё-рю рассчитана на многолетнее обучение. Объем знаний, которые должен воспринять претендент на высший мастерский сертификат инка кайдэн, поистине огромен и многообразен. Он должен изучить приемы боя без оружия и с различными тайными видами оружия (какуси буки), освоить рекомендации и правила на самые разные

случаи жизни. К тому же, кроме стандартной программы, есть еще «особая передача» (бэцудэн), которая включает в себя технику связывания навадзюцу и кайсякухо – технику отрубания головы человеку, совершающему сэппуку.

Уровень Сёсё-рю и сандзю-но тори

На первом уровне обучения, который называется «Сёсё-рю», закладывается фундамент всего технического арсенала школы. Для этого изучаются 2 раздела техники: Тати-ай, т.е. приемы боя в стойке, и Когусоку – приемы боя в положении сидя. И в том, и в другом разделах представлены различные приемы, направленные против нападающего без оружия, с ножом или мечом или другими видами холодного оружия.

Под одним названием приема в программе в действительности скрываются сразу 3 взаимосвязанных приема: омотэ – «внешняя техника», хогурэ – «уход от приема» и ура – «скрытый прием». В этом состоит специфика техники явара школы Сёсё-рю, благодаря которой технику уровня Сёсё-рю определяют как сандзю-но тори – «трехслойные приемы». Соответственно, ступень Сёсё-рю разделяется на 3, так сказать, «подступени»: Омотэ-гэйко, Хогурэ-гэйко и Ура-гэйко.

На подступени Омотэ-гэйко («Отработка техники омотэ») изучаются самые базовые приемы Сёсё-рю. При этом ученик, как и в других школах дзюдзюцу, учится отражать атаки противника, используя в качестве «контраргументов» броски, щелчки по глазам, болевые приемы, удары и контроли (катамэ). Задача обучения на этой ступени – подготовить тело бойца к овладению сложными эффективными приемами следующих уровней обучения и вообще через многократные повторения сформировать тело воина.

КОГУСОКУ ТЁСИ

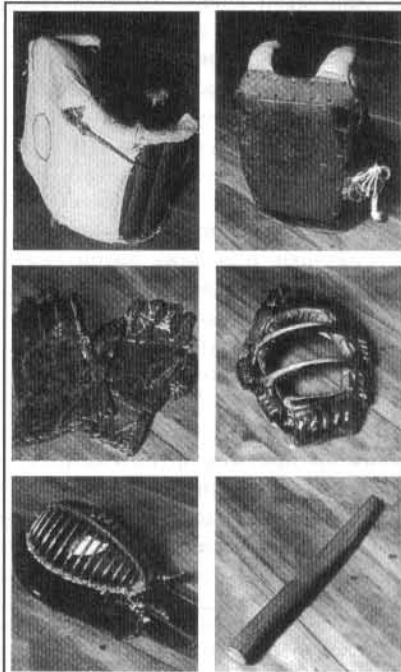
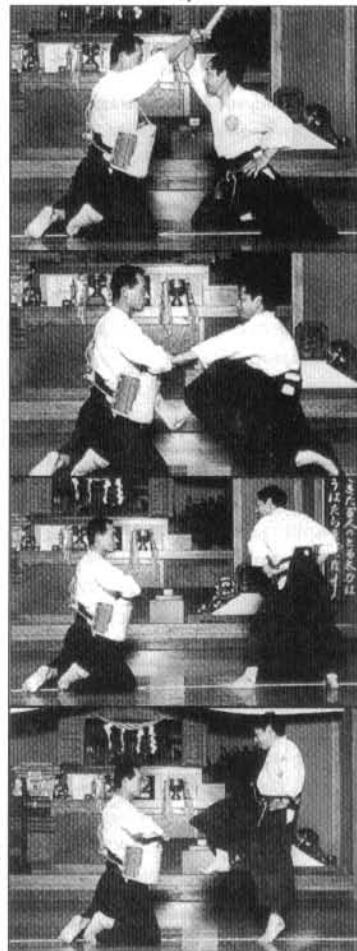
Омотэ

Хогурэ

Ура

Тренировочное снаряжение школы Сёсёрю →

Слово «Хогурэ» происходит от глагола «хогурэру» — «развязывать, распутывать, распускать» (совр. хогосу, хогусу, ходоку). Соответственно, на подступени Хогурэ-гэйко («Отработка техники хогурэ») изучаются приемы ухода от приемов группы Омотэ. К примеру, если противник проводит какой-то бросок, подготовленный боец может уйти в кувырок и в падении или после падения нанести ему удар ногой в подбородок, уложить оппонента или, по крайней мере, повернуть течение схватки в более выгодное русло.

Техника дзюдзюцу, как правило, построена таким образом, чтобы противник не мог выполнить укэми — самостраховку. Так, во многих бросках бросок проводится на голову либо сопровождается моментальным добиванием или переходом на болевой контроль. Однако в некоторых случаях у атакованного все же есть возможность кувыркнуться, опережая движение противника, и таким образом уйти с приема, чтобы затем перейти в контратаку. Кроме того, в поединке порой бывает так, что берущий верх боец слишком рано начинается радоваться своей победе, теряет бдительность и раскрывается для контратаки казалась бы уже поверженного противника. Техника хогурэ строится как раз на использовании такой потери бдительности оппонентом. Суть ее состоит в том, чтобы спровоцировать противника на проведение какого-то приема и затем, когда он попадется на приманку, мгновенно использовать его «раскрытие».

Техника хогурэ довольно сложна. Утверждают, что в программе Хогурэ-гэйко есть даже такой технический раздел, который до сего дня никогда не демонстрировался на публике. Им владеют только три старших мастера (сокэ) школы.

На подступени Ура-гэйко («Отработка техники ура») изучаются варианты приемов группы Омотэ, но более реалистичные и скоростные. В них акцент делается на применении мощных ударов, и в этом — особенность Сёсё-рю.

К изучению техники группы Ура допускаются только ученики, успешно освоившие разделы Омотэ-гэйко и Хогурэ-гэйко. Рассказывают, что в старину ученикам, не дошедшим в освоении школы до уровня Ура-гэйко, не разрешалось даже наблюдать за тренировками более продвинутых учеников.

Отрабатываемые приемы группы Ура по много раз с выкриками-киай «Я!», «Ха!» и «Тоо!» повторяют удары локтем (хидзи-атэ), стопой (аси-атэ) и пальцами по глазам (мэцубуси), стремясь овладеть смертоносным ударом (итигэки хиссацу).

Методика отработки ударов в Сёсё-рю не имеет аналогов в старых школах дзюдзюцу. Удары в полную силу наносятся партнеру, который облачен в специальную кирасу и шлем с железным забралом.

Чтобы не травмировать при отработке ударов по глазам о прутья забрала пальцы, бьющий надевает специальные перчатки из прочной кожи (котэ).

Жесткая часть кирасы (до) изготавливается из толстого и прочного бамбука вида Кагосима-дакэ и имеет толщину 1 сун 1 бу (около 33 мм)⁴. Она подбивается толстой смягчающей удары подкладкой и обтягивается кожей. В целом кираса имеет толщину около 10 см. Она похожа на вьючное седло, с помощью которого на лошадях перевозят грузы, а потому ее называют «нигура» — «вьючное седло». Кираса очень прочная и может выдержать сильнейшие удары.

Голову принимающего удары (укэ) обычно защищают маской для занятий кэндо (мэн), а в последние годы — шлемом бейсбольного кэтчера.

Удары нацелены в уязвимые зоны (атэцубо) площадью в квадратный сун. В исполнении мастера удар получается настолько мощным, что у укэ «гудит» позвоночник. При тренировке бьющий-ути должен стараться «пробить» оппонента через панцирь. Такой акцент именно на силу удара крайне редок в дзюдзюцу. Что касается укэ, то он в момент удара должен задерживать дыхание и напрягать пресс.

КОГУСОКУ ТЭСИ

Хэнтэ

Тэдзумэ

⁴ 1 сун 1 бу — это особая мера, которая называется «си», т. е. «воин». Интересно, что такой же диаметр имеет и боевой шест-бô в родственной Сёсё-рю школе боя копьем и палкой Мухэн-рю.

Утверждают, что среди наставников Сёсё-рю было немало мастеров, способных пробить ударом даже настоящий боевой панцирь. Причем такая мощь развивалась именно в процессе практики Ура-гэйко.

Уровень Кандзэ-рю и годзю-но тори

Пройдя обучение на первом уровне, ученик получает допуск на следующий, который называется «Кандзэ-рю». Это уровень получения мастерского сертификата — мэнкё.

Здесь в дополнение к уже изученным тройкам приемов, составляющих один прием программы, — омотэ, хогурэ и ура — изучаются еще по два дополнительных: хэнтэ — «изменение приема» и тэдзумари — «зажим руки» (образн. «безвыходное положение»). Поэтому техника школы характеризуется как годзю-но тори — «пятислойные приемы».

В принципе, ничего особенно специфического в таком методическом подходе к обучению нет. Во многих школах дзюдзюцу последовательно изучаются варианты омотэ — «внешние» (базовые), ура — «скрытые» — и каэси — «контрприемы». Но в Сёсё-рю эта идея деления приемов на взаимосвязанные группы (пятерки) проведена беспрецедентно последовательно. Придя в школу, ученик строго последовательно изучает все более и более сложную, но построенную на одной базе технику, что значительно облегчает и ускоряет процесс обучения. Таким образом, Сёсё-рю характеризуется очень рациональной, продуманной системой обучения.

Разделы Хэнтэ и Тэдзумари, содержащие эффективные варианты базовых приемов, в старину также держались в строжайшем секрете, и ученики, не прошедшие предыдущих ступеней, даже не знали об их существовании.

Приемы раздела Хэнтэ строятся на мгновенном переходе в момент защиты от атаки противника на болевой контроль одного или сразу нескольких суставов его конечности с последующим броском и добиванием ударом. Техника болевых приемов достаточно проработана: болевое воздействие включается моментально, рука сразу травмируется, и противник не имеет возможности уйти с приема. Конечно, для овладения этой техникой, требующей умения мгновенно брать захват и досконального знания всех ключевых моментов воздействия на сустав, требуется весьма основательная подготовка. Поэтому она и предназначена только лучшим ученикам.

Раздел Тэдзумари включает приемы, строящиеся на мгновенной разящей контратаке в уязвимую точку в момент защиты от удара противника. Удар наносится одновременно с блоком, нападение сливается воедино с обороной. Применение техники Тэдзумари требует великолепного чувства момента и дистанции и мощи удара, которая формируется на этапе Ура-гэйко.

Каттю бурицу кумиути

В качестве хидэн — «секретной передачи» — в Сёсё-рю преподается раздел Каттю бурицу ку-

миути — «Схватка в доспехах при ходьбе и в положении стоя». Это, видимо, древнейший пласт техники школы, восходящий к рукопашным схваткам-кумиути эпохи Воюющих провинций — Сэнгоку-дзидай (1467—1568).

В те времена снятие головы противника в рукопашной схватке считалось первейшим воинским подвигом (далее шли убийство врага мечом, копьем, стрелой и, наконец, из мушкета). Потому техника кумиути пользовалась у самураев очень большим почетом. Престижнее всего было, конечно, снять голову военачальника, но для этого требовалось прорваться через кольцо его вассалов-телохранителей.

В школе Сёсё-рю тренировки в кумиути проводятся в настоящих боевых кирасах, покрытых железными пластинами толщиной около 3 мм. Такие доспехи очень прочны, но одновременно тяжелы, из-за чего упавшему бойцу совсем не просто подниматься на ноги. Тем не менее, в процессе длительного использования даже такие стальные пластинки со временем не выдерживают мощных ударов бойцов и ломаются. В приемах этого раздела широко применяются удары рукояткой кинжала ёрои-доси, локтем и стопой. Приемы завершают броски на землю, болевые контроли и, наконец, имитация отрезания головы. В Сёсё-рю до сих пор передаются традиционные ритуализованные приемы обезглавливания врага, представляющие большой исторический интерес.

Кадзу-гэйко — «Многоразовая тренировка»

В школе Сёсё-рю после прохождения каждого этапа обучения проводится своеобразный экзамен, который называется «Кадзу-гэйко» — «Многоразовая тренировка». В полном соответствии с буквальным значением этого названия, экзамен заключается в многократном повторении каждого изученного приема.

Экзамен Кадзу-гэйко проводится один раз в несколько лет в благоприятный день, который выбирают при помощи традиционного гадания. Без прохождения этого экзамена ученик не имеет права быть допущенным к освоению техники более высокой ступени.

Претендент на переход на следующую ступень должен в присутствии наставников и старших учеников продемонстрировать все изученные ката во всех изученных вариантах и ролях (выполняющего прием и его ассистента). Значащиеся в программе приемы выполняются сериями по 7, 5, 3, 2 и 1 повторение на каждый. Наставники и старшие товарищи следят за тем, чтобы действия сдающего экзамен были технически правильными, чтобы соблюдался их предписанный порядок и техника выполнения. В случае ошибки демонстрация не засчитывается, и сдающий должен повторить прием снова. В результате, количество повторений ката может возрасти до нескольких десятков.

В старину, как утверждает предание, экзамены Кадзу-гэйко длились по несколько дней, в протяже-

нии которых ученику позволялось есть только жидкую рисовую кашу (каю) и маринованные сливы (умэбоси). Рекорд школы поставил знаменитый Мадзухаси Мунэтоси, который за 7 дней выполнил ката 8 тысяч раз.

В последнее время экзамены, конечно, не столь суровы, но все же очень требовательны. Так, 70-й сокэ Сёсё-рю Янагихара Масахиро рассказывает о своей сдаче: «Экзамен начался с вечера и завершился, когда начало светать. Я был тогда, как в тумане, и не очень хорошо помню, как все проходило... Что экзамен завершен я сообразил уже только днем следующего дня, хорошо за полдень, когда очнулся от дремы».

Смысл Кадзу-гэйко заключается в том, чтобы заставить ученика полностью сконцентрироваться на технике и приучить его тело к выполнению технических действий, соответствующих принципам школы, фактически, сделать их рефлекторными. Наставление школы гласит: «Тот, кто хочет пройти Кадзу-гэйко, должен освободить тело от напряжения, размягчить все затвердения, и тогда наличие (у) и отсутствие (му) придут в единство, и гармония сама собой проявится». При многочасовом выполнении техники сознание ученика затуманивается, движения теряют силу. Но если он продолжает выполнять приемы, в нем пробуждается особая чувствительность-восприимчивость, необходимая для контроля над собственным телом и эффективного использования техники в бою.

Из документов известно, что такие же экзамены Кадзу-гэйко практиковались в княжестве Намбу и в школе Сэкигуги-рю, что опять-таки указывает на влияние этой школы на Сёсё-рю.

Бэцудэн: искусство связывания

В качестве «особой передачи» (бэцудэн) в Сёсё-рю преподается техника связывания навадзюцу, которая считается чрезвычайно изощренной. До сих пор в Мориока передают историю о том, как в начале эпохи Сёва (1926-1989) туда приехал мастер наванукэ — искусства освобождения от пут, который решил посоревноваться в мастерстве с местным учителем — 14-м наставником школы Мухэн-рю Ёнай. Сэнсэй Ёнай так скрутил гастролера способом хаянава, что тот оказался вынужден признать поражение.

Вполне возможно, что именно приемами Сёсё-рю вязали самураи из Намбу Василия Михайловича Головнина и его спутников, о чем наш соотечественник колоритно поведал в своих «Записках флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах»:

«Тут завязали нам слегка руки назад и отвели в большое низкое, на казарму похожее строение, находившееся от моря на противной стороне крепости, где всех нас... поставили на колени и начали

вязать веревками в палец толщины самым ужасным образом, а потом ещё таким же образом связали тоненькими веревочками гораздо мучительнее».

Японцы в сем деле весьма искусны, и надобно думать, что у них законом постановлено, как вязать, потому что нас всех вязали разные люди, но совершенно одинаково: одно число петель, узлов, в одинаковом расстоянии и проч. Кругом груди и около шеи вздеты были петли, локти почти сходились и кисти у рук связаны были вместе, от них шла длинная веревка, за конец которой держал человек таким образом, что при малейшем покушении бежать, если бы он дернул веревку, то руки в локтях стали бы ломаться от ужасной боли, а петля около шеи совершенно бы ее затянула. Сверх сего, связали они у нас и ноги в двух местах — выше колен и под икрами, потом продели веревки от шеи через матицы и вытянули их так, что мы не могли пошевелиться, а после сего, обыскав наши карманы и вынув все, что в них только могли найти, начали они покойно курить табак.

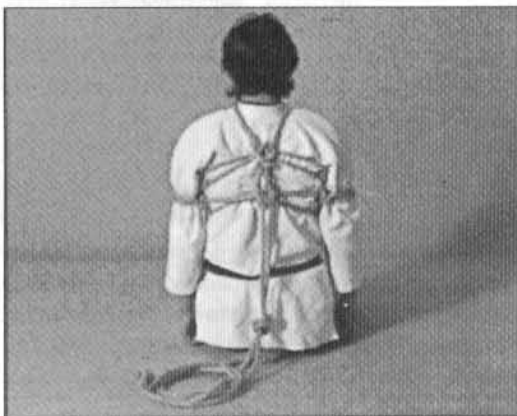
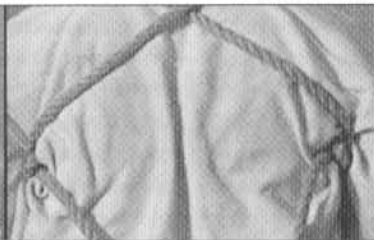
...В таком ужасном и мучительном положении мы пробыли около часа, не понимая, что с нами будут делать. ...Наконец они, сняв у нас с ног веревки, бывшие под икрами, и ослабив те, которые были выше колен для шагу, повели нас из крепости в поле и потом в лес. Мы связаны были таким образом, что десятилетний мальчик мог безопасно вести всех нас, однако ж японцы не так думали, каждого из нас за веревку держал работник, а подле боку шел вооруженный солдат, и вели нас одного за другим в некотором расстоянии...

Я был так туго связан, а особливо около шеи, что, пройдя шесть или семь верст, стал задыхаться. Товарищи мои мне сказали, что у меня лицо чрезвычайно опухло и почернело. Я едва мог плевать и с нуждой говорил. Мы делали японцам разные знаки и посредством Алексея просили их ослабить немного веревку, но пушечная пальба их так настрашала, что они ничему не внимали, а только понуждали нас идти скорее и беспрестанно оглядывались.

Я желал уже скорее кончить дни свои и ожидал, не поведут ли нас через реку, чтобы броситься в воду, но скоро увидел, что этого мне никогда не удастся сделать, ибо японцы, переходя с нами через маленькие ручьи, поддерживали нас под руки. Наконец, потеряв все силы, я упал в обморок, а когда пришел в чувство, увидел японцев, льющих на меня воду. Из рта и из носа у меня шла кровь. Несчастные товарищи мои Мур и Хлебников со слезами упрашивали японцев ослабить на мне веревки хотя немного, на что они с большим трудом согласились. После сего мне сделалось гораздо легче, и я с некоторым усилием мог уже идти».

Пройдя всю программу Сёсё-рю, самурай, видимо, был подготовлен к любым ситуациям, в которые он мог попасть как на войне, так и в мирное время.

Один из приемов связывания самураев княжества Намбу
Цуцунава – «Трубчатая веревка»

При свете светлячков и снега Японская библиотека

Повесть о дупле. Уцухо-моногатари. Т. 1–2.
СПб., «Петербургское востоковедение», М.,
«Наталис», 2004.

«Повесть о дупле» («Уцухо-моногатари») — произведение конца Х в. Как по объему (4 части, 20 глав), так и по популярности в среде хэйанской аристократии она вполне сопоставима со знаменитой «Повестью о Гэндзи».

Авторство повести не установлено. Согласно, по крайней мере, двум из многочисленных версий, автором был мужчина. Интересно, что одна из гипотез, хотя и довольно поздняя, называет автором «Уцухо-моногатари» отца Мурасаки-сикибу — Фудзивара-но Тамэтоки. Несмотря на то, что гипотеза эта малоубедительна, она отражает идею преемственности между «Гэндзи-моногатари» и созданной немного раньше «Уцухо-моногатари», переосмысленную вполне в духе дальневосточной культуры как преемственность между поколениями одной семьи.

Структура повести неоднородна и включает как фольклорные элементы, так и фрагменты, написанные на китайском литературном языке. Главные темы произведения — музыка, любовные отношения и, разумеется, «бренность бытия». В отличие от автора «Гэндзи-моногатари», неизвестный автор «Повести о дупле» подробнее образом описывает не только перипетии взаимоотношений между супругами или любовниками, но и плоды любви. Описание событий, предшествующих рождению детей, а также обрядов и церемоний, совершавшихся после рождения потомства, процесс воспитания — все это занимает значительное место в «Уцухо-моногатари». Герои повести — крупнейшие государственные сановники. Но даже важнейшие государственные решения — назначения на высшие должности и выбор наследника — на страницах по-

вести принимаются с учетом семейных и любовных уз. А сами герои, несмотря на свои высокие посты, предстают трогательными и подчас беспомощными в сложной стихии семейных и любовных драм.

Автор повести неспешно и подробно рассказывает о важнейших этапах жизни своих героев — о детстве и взрослении, любовных ухаживаниях, вступлении в брак, рождении первенцев, карьере и, наконец, о передаче сокровенных (прежде всего, музыкальных) знаний от поколения к поколению.

Можно только позавидовать тем, кому еще только предстоит познакомиться с героями этой увлекательной книги.

Борис Пильняк. Корни японского солнца.

Дани Савелли. Борис Пильняк в Японии: 1926.

Москва, «Три квадрата», 2004.

Мне уже доводилось упоминать на страницах нашего журнала об исследованиях Дани Савелли,

посвященных российско-японским литературным контактам на примере визита в Японию известного советского писателя Б. Пильняка (1894–1937)¹. Результатом этих исследований стало появление этой монографии.

Она состоит из двух основных частей. Первая включает комменти-

рованное переиздание книги Бориса Пильняка о Японии, написанной им после посещения Японии в 1926 г. Во второй части французская исследовательница Дани Савелли восстанавливает исторический контекст визита Пильняка в Японию и реконструирует со всей возможной точностью хронологию основных событий этого визита. Большую ценность в книге представляет приложение. В него вошли публикации в японской и советской

¹ «Япония. Путь кисти и меча». № 3/2003, с. 64.

прессе, так или иначе связанные с поездкой Пильняка в Японию.

Думается, обе части книги одинаково важны и будут чрезвычайно полезны как профессиональным японистам, так и всем, кто интересуется историей русско-японских контактов. Книга Пильняка была в свое время важнейшим источником сведений о Японии для советской интеллигенции. И вполне заслуженно переизданный текст Пильняка, и изыскания французской исследовательницы позволяют составить представление об уровне взаимной осведомленности российской и японской интеллигенции о культуре друг друга. Трагичная же судьба Пильняка, репрессированного в 1937 г. в качестве японского шпиона, и история его первой поездки в Японию² как нельзя лучше погружают в исторический контекст культурных контактов между Россией и Японией той поры.

К немногочисленным недостаткам книги я отнесла бы скупость сведений о самом Пильняке, бывшем крупнейшим писателем своего времени, но ныне почти забытом. Если старшее поколение его еще помнит, то для молодых этого литературного имени уже практически не существует.

В любом случае, появление этой книги чрезвычайно своевременно и способно стимулировать дальнейшие исследования в области русско-японских культурных контактов.

Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие.

М., «Три квадрата», 2004.

Издание этого сборника приурочено к столетию Русско-японской войны 1904–1905 гг. Он состо-

ит из двух основных частей: «Война», где основное внимание уделяется вопросам тактики и стратегии двух стран накануне и во время войны, с самых разных точек зрения анализируются степень военной готовности России и Японии, а также отдельные аспекты войны, и «Мир», где исследуется

общественно-политический и культурный резонанс Русско-японской войны.

Объем сборника внушительный — более 600 страниц. Несомненным его достоинством является

широкое представительство исследователей из разных стран — это и Европа, и Россия, и Япония, и Корея. До сих пор мы знаем о Русско-японской войне немного, и появление столь репрезентативного сборника — безусловно, событие.

К сожалению, сборник не лишен недостатков. Стоит лишь взглянуть на оглавление, и сразу становится понятным, что сборник не прошел редакторской правки специалиста. Написание японских имен авторов (!) не соответствует общепринятому — это касается как транскрибирования, так и последовательности написания японских имен (в двух случаях японские имена даны в японском порядке — сначала фамилия, затем имя, а в одном — в соответствии с европейской традицией — сначала имя, потом фамилия).

Есть погрешности и в текстах самих статей. В статье Инаба Тихару («Из истории подготовки Японии к Русско-японской войне») Ояма назван генералом Ойяма (с. 41, 44, 46), а в статье Брюса Меннинга маршалом Ояма (с. 33). И это, заметим, одно из важнейших действующих лиц. Точно так же не унифицированы и географические названия. Вероятно, специалисты по данной тематике найдут и много других погрешностей. И это тем более обидно, что избежать их было не так уж трудно — стоило лишь отдать сборник на проверку профессионалу по этой теме.

Несмотря на недостатки, книга, несомненно, нужная, так как отчасти заполняет брешь в отечественных исследованиях по Русско-японской войне 1904–1905 гг.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М., «Аиро — ХХ», 2004.

Эта книга, как и предыдущая, приурочена к круглым датам в русско-японских отношениях. Но ее авторы (большинство из них — профессиональ-

ные японисты) в качестве круглых дат избрали не только негативные, но и позитивные страницы российско-японских взаимоотношений: 150 лет со времени установления дипломатических отношений между Россией и Японией (2005 г.), 100 лет со дня подписания Портсмутского мирного дого-

² Вторая поездка писателя в Японию состоялась в 1932 г.

вора (2005 г.), а также пятидесятилетний юбилей послевоенного восстановления дипломатических отношений между Советским Союзом и Японией (2006 г.).

Сборник характеризуется трезвым анализом трудностей российско-японских взаимоотношений и отчетливо выраженным позитивным настроем. Розовый цвет на обложке книги символизирует японскую сакуру, а белый с черными вкраплениями — русскую березу...

Итак, о чем же пишут авторы сборника? Читатель найдет обзор состояния японистики в сегодняшней России (Э.В. Молодякова) и русистики в нынешней Японии (В.Э. Молодяков), узнает о том, каков образ Японии в России (А.Е. Куланов) и России в Японии (Д.В. Стрельцов), о трудностях на пути заключения мирного договора между Россией и Японией (С.В. Чугров). Целый ряд статей посвящен изучению различных граней экономического сотрудничества между Россией и Японией, а также основных тенденций в отечественных исследованиях, посвященных японскому экономическому опыту (И.А. Тимонина, Ю.Д. Денисов, И.П. Лебедева, Т.Н. Матрусова). Авторы сборника анализируют также научные, литературные, культурные и общественные связи в российско-японских отношениях (М.П. Герасимова, Ю.Б. Стоногина, Е.А. Катасонова).

Столь широкая тематика, сочетание реализма и оптимизма, доступность изложения — все это делает сборник интересным для самого широкого круга читателей.

Мещеряков А.Н. Японский император и русский царь: элементарная база.

М., «Наталис», 2004.

Эта книга — первое в мировой практике сопоставительное исследование верховной власти в России и Японии. А.Н. Мещеряков сравнивает Японию VIII–IX вв. и Россию XVI–XVII вв., так как

именно в это время и в Японии, и в России целенаправленно создается централизованное государство.

Книга состоит из двух частей. В первой приводятся сопоставительные выкладки по целому ряду параметров. Сравниваются титулатура, регалии, церемония интронизации, брачные

институты, судебная, лечебная, военная, речевая, зрительная функции царя и тэнно и целый ряд других важнейших структурообразующих элементов. Различия оказались весьма существенными и наверняка представляют интерес не только для русистов и японистов, но и для достаточно широкого круга специалистов, интересующихся культурологической тематикой. Так, например, военная функция, бывшая одной из главных (если не главной) для царя, в случае с японским тэнно очень рано теряет свою актуальность. А способности царя перемещаться в пространстве — особенности, сохраняющей актуальность и для современных правителей России, — соответствует чрезвычайно низкая подвижность (в идеале же — неподвижность) японского императора.

Вторая часть книги состоит из подборки японских и русских текстов, строго привязанных к разделам первой части книги. Она предоставляет читателю возможность самому сравнить русского царя и японского императора. Читать столь разные источники, пишущие об одном и том же, не менее увлекательно, чем исследовательскую часть.

В конце книги проведенное сопоставление сведено в компактную таблицу, дающую представление об основных параметрах и функциях царя и тэнно.

Будо-Спорт

www.budo-sport.ru

магазин Будо-Спорт

экипировка для восточных единоборств

Богатейший ассортимент товаров для всех, кто решил всерьез заниматься боевыми искусствами! Вся необходимая экипировка для занятий единоборствами (дзюдо, каратэ, айкидо, ушу и др.) от ведущих фирм-производителей формы: «Mizuno», «Dax-Sport», «Adidas», «Tokaido»; тренировочное оружие: синаи, боккэны, бо, дзё, мечи дао и цзянь, саи, танто, сюрикэны; средства защиты: накладки на голеностоп, на голень, бандаж для мужчин и женщины, защита на грудь для женщин, шлемы, жилеты, накладки и перчатки для каратэ и т.д.; спортивные костюмы, футболки, тапочки для занятий, сумки и чехлы для тренировочного оружия, татами, а также сувенирная продукция; широкий выбор литературы по боевым искусствам.

Наш адрес: Москва, 105062, ул. Покровка, 41.

Тел.: (095) 917-82-06, 917-95-24.

Мы ждем вас ежедневно!

В будни с 10:00 до 20:00,

в выходные с 11:00 до 18:00.

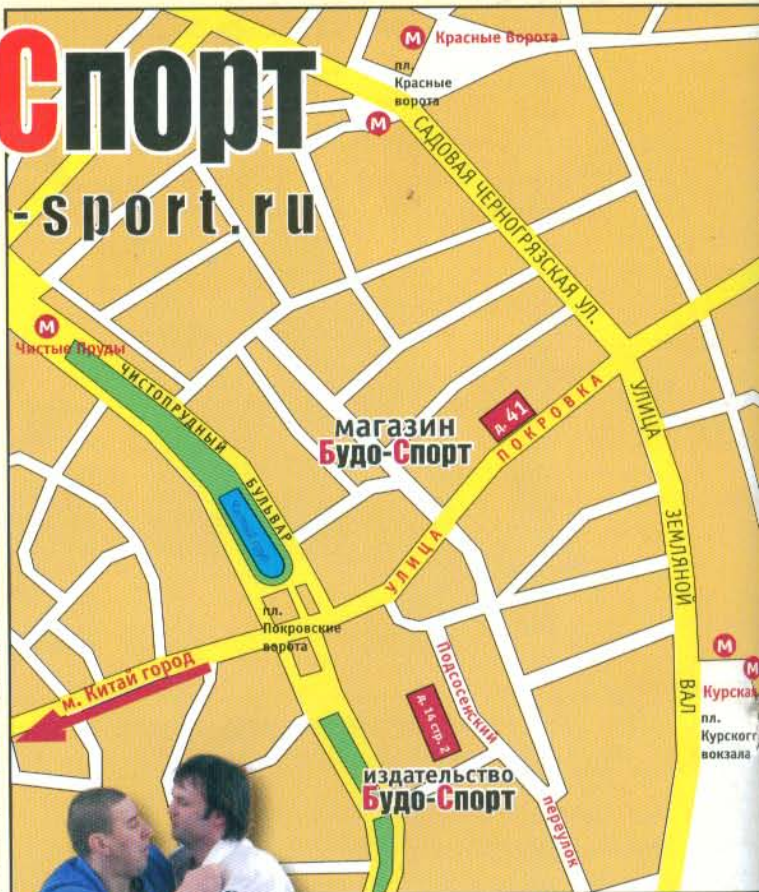
издательство Будо-Спорт

высококачественная литература о будо

Специализированное издательство высококачественной профессиональной литературы по боевым искусствам и спортивным единоборствам, истории и культуре Японии и журнала «Боевые искусства Японии. Додзё».

Наш адрес: Москва, 105062, Подсосенский пер., д. 14 стр. 2.

Тел.: (095) 917-86-53, 917-86-14.

МОСКОВСКИЙ БУДОКАН

Центр боевых искусств «Московский будокан»

Просторный зал будо и тренажерный зал, раздевалки, сауна, парковка. Коллектив высококлассных тренеров по дзюдо, дзюдо-джу, каратэ, айкидо. Тренировки по будням с раннего утра и до позднего вечера. Каждые выходные – тематические семинары с участием ведущих мастеров будо России и зарубежья. И все это – неподалеку от метро «Улица 1905 года».

Для получения справок и записи на семинары будо и в группы «Московского будокана» звоните по телефонам: (095) 917-82-06, 707-23-72, 707-23-73.

Адрес центра: Москва, ул. Литвина-Седого, д. 14.